

Научно-информационный журнал

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ

№ 3 (ИЮЛЬ — СЕНТЯБРЬ) 2018

Издается с 2013 г. Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

- Михеева Л. Н., Джичоная М. А.** Модель гармонического мирового порядка: крестьянские ремесла как художественное произведение 3
- Соловей Т. Д.** «Кряшенская проблема» в зеркале этнологической экспертизы 8

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРА

- Крюков Д. В.** Скульптуры апостолов на фасаде храма Рождества Богородицы в селе Подмоклово в контексте культуры петровской эпохи 15
- Поль Д. В.** Народы Поволжья в поэме «Пугачев» С. А. Есенина 28

ИМЕНА И СОБЫТИЯ ПРОШЛОГО

- Исаченко Т. А.** Неизвестный альбом великой княжны Анастасии 33

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

- Гронский А. Д.** Культурно-историческое наследие России в ближнем зарубежье 45
- Наземцева К. Н.** Культурно-образовательная деятельность музыкальных музеев России 52
- Николаенко Н. В., Резник О. В., Швецова А. В.** К проблеме музейной сети Крыма: приоритет литературно-художественной экспозиции (проект «Писатели-путешественники в Тавриде XIX — начала XX вв.») 59
- Пархоменко Т. А.** Русское послереволюционное зарубежье о политике СССР в отношении культурного наследия России 66
- Резник О. В., Стельмах И. Ф., Швецова А. В.** Сохранение и популяризация культурного наследия как направление деятельности музеев Крыма 72

ПРАКТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Горлова И. И., Бычкова О. И., Костина Н. А.** Этнокультурный брендинг территории как ресурс влияния региональной культурной политики 78
- Гуцалов А. А.** Культурный бренд и брендинг территории 84
- Путрик Ю. С.** Геокультурная матрица российской цивилизации как ресурс пространственного развития России 91

Мнения авторов статей не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.

В оформлении обложки использована репродукция картины художника Афанасия Осипова «Коневоды. Белые ночи». О художнике см.: Тимофеева В. В. Традиционная культура северных коневодов в современном искусстве Якутии (на примере живописных произведений А. Н. Осипова) // Культурное наследие России. 2018. № 2. С. 74–81.

ОСНОВАТЕЛИ ЖУРНАЛА

В. М. Захаров — доктор культурологии, профессор, Народный артист России, художественный руководитель театра танца «Гжель»;

И. К. Кучмаева — д. филос. н., профессор, академик, Почётный работник высшего профессионального образования России;

Протоиерей **Олег Колмаков** — благочинный Плещеевского благочиния Ярославской епархии Русской Православной Церкви.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — **Е. Д. Дерябина**, канд. культурологии, доцент, руководитель отдела Института Наследия;
Заместитель главного редактора — **Л. Н. Михеева**, д-р филос. наук, профессор, Заслуженный работник культуры России, профессор кафедры гуманитарных наук РГСАИ;

Заместитель главного редактора — **Г. А. Цветкова**, канд. культурологии, доцент;

Художественный редактор — **Ю. А. Бревнова**, канд. культурологии, член Союза профессиональных художников России;

Редактор по общественным связям — **А. С. Калашиников**, член Союза театральных деятелей России;

Дизайнер — **М. С. Волохов**, член Творческого союза художников России, Международной федерации художников ЮНЕСКО (IFA);

Б. Б. Акимов — Народный артист СССР, художественный руководитель Московского хореографического училища при театре танца «Гжель»;

Т. Г. Богатырёва — д-р культурологии, профессор, эксперт Института «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС, профессор ИБДА РАНХиГС;

А. Л. Доброхотов — д-р филос. наук, профессор, профессор факультета философии НИУ ВШЭ;

Л. Н. Дорогова — д-р филос. наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы России;

А. Б. Ефимов — д-р физ.-мат. наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, зав. кафедрой истории миссий НОУ ВПО «Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет» (ПСТГУ);

В. Н. Катасонов — д-р филос. наук, д-р богословия, профессор, профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия;

Е. А. Киричок — д-р социол. наук; V1, SAM Schneider Electric;

О. В. Кучмаева — д-р экон. наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, профессор РЭУ им. Г. В. Плеханова;

Ю. А. Лукин — д-р филос. наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы России;

Г. У. Лукина — д-р искусствоведения, зам. директора по научной работе ГИИ;

Е. А. Минаев — д-р искусствоведения, ведущий научный сотрудник МГИК;

А. В. Окорочков — д-р ист. наук, зам. директора по научной работе Института Наследия;

М. Ю. Парамонова — д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН;

Ю. С. Путрик — д-р исторический наук, кандидат географический наук, заведующий отделом социокультурных и туристских программ Института Наследия;

В. В. Патоков — канд. экономических наук, председатель МОО «Русский культурный центр»;

В. Н. Расторгуев — д-р филос. наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова;

Т. Д. Соловей — д-р исторических наук, профессор, профессор кафедры этнологии МГУ;

В. И. Уральская — канд. филос. наук, Заслуженный деятель искусств России, гл. редактор журнала «Балет»;

Н. П. Ходакова — д-р пед. наук, зав. кафедрой математики и информатики дошкольного и начального образования Института педагогики и психологии образования МГПУ;

Е. П. Чельшев — Академик Российской академии наук, доктор филологических наук, главный научный сотрудник центра фундаментальных исследований в сфере культуры Института Наследия, Заслуженный деятель науки РФ;

Ю. М. Чурко — д-р искусствоведения, профессор кафедры хореографии БГУКИ (Республика Беларусь).

Учредители: Федеральное государственное бюджетное научно-исследовательское учреждение «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева» (Институт Наследия); Межрегиональная общественная организация (МОО) «Русский культурный центр».

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук.

© Институт Наследия, 2018

© МОО «Русский культурный центр», 2018

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

RAR
УДК 008
ББК 71

МОДЕЛЬ ГАРМОНИЧЕСКОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА: КРЕСТЬЯНСКИЕ РЕМЕСЛА КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Михеева Людмила Николаевна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры общегуманитарных наук
Российской государственной специализированной академии искусств,
Резервный проезд, дом 12 г. Москва, Россия, 121165,
e-mail: lira19lm@gmail.com

Джичоная Магда Алексеевна,
кандидат культурологии, доцент,
Московский государственный университет пищевых производств
Волоколамское шоссе, 11 г. Москва, Россия, 125080,
e-mail: magdalena-27@mail.ru

Аннотация

В статье раскрывается декоративно-художественная функция крестьянских ремесел. Подчеркивается роль традиций, лежащих в основе народной культуры. Рассматриваются жанровые мотивы, входящие в орнаментальное убранство. Утверждается неразрывная связь человека с природой, мифологические и религиозные представления, заложенные в традиционной народной культуре.

Ключевые слова

Декоративно-прикладное искусство; пластическая форма вещей, орнамент, жанровые мотивы; мифологическое мировосприятие крестьян.

Во все времена, давние и близкие нам, отмечалось, что бытовые и религиозно-ритуальные предметы, составляющие основное зерно крестьянского ремесла, отличаются особой выразительностью и декоративностью.

Чувство красоты и повышенной декоративности, которые приписываются крестьянским мастерам и мастерицам, — это эстетические качества в их современном понимании. Для крестьянина в прошлом — это совокупность исто-

рически сложившихся форм миропонимания и воплощение связи человека с природой и космосом. Это как бы некий итог, результат отражения родового коллективного сознания, проявления исходных мифологических представлений. В народном мироощущении преобладала многозначная реальность. Она вырастала из чувства народной стихии, где противоположность коренных начал мира воспринималась в их единстве столь остро и живо, что каждое существо, как и реальное действие, становилось в народном сознании символом, знаком, а символ — живым существом и самой реальностью. Создание предметов было не только работой, но и творчеством, становилось событием, что и делало его непреходящим, живым и столь необходимым самому народу. В этом процессе не было ничего произвольного. В итоге как бы ритм народного бытия создал свою художественную форму.

Каждая вещь обладала своим особым характером — пластической формой, отделкой. Подобные украшения (а для нас они только украшения, набор декоративных элементов) наделяли вещь ее главными, в том числе практически своими свойствами, служили ее «оживлению», т. е. вводили в контекст микрокосма. В представлении крестьянских ремесленников только в этом случае подобный предмет начинал существовать и функционировать как полезный, как некое живое явление со строго индивидуальным набором свойств. Подобная знаковая семиотическая традиция, заложенная в основе всей народной культуры, передаваемая из поколения в поколение, послужила основой будущей художественной традиции, позднее осмысленной с эстетических позиций.

Орнамент является одним из важных средств художественной обработки предметов в крестьянском творчестве. Узор на поверхности предмета играл доминирующую роль в эстетических влечениях и вкусах деревенских ремесленников. Это касается самых разных предметов, выполненных в разных материалах и техниках. Узоры из орнаментов обычно целиком покрывали поверхность предмета, за исключением его рабочей части. В этой изобильной и всесторонней украшенности предмета заключается один из основных конструктивных принципов крестьянского бытового творчества. В каждом узоре содержались частые мотивы растительного характера, древняя культовая символика, перевоплощен-

ная в геометрических построениях, многочисленные зоографические элементы и геральдические изображения. Последние в более позднее время подчинялись уже чисто жанровым задачам изображения, хотя и не были еще освобождены от древней орнаментики. Жанровые мотивы почти всегда входили в орнаментальное убранство как подсобные и дополнительные детали¹.

Принцип орнамента вытекал из универсальной модели мира, из представлений об иерархически устроенной Вселенной. Поэтому мотивы и элементы орнаментов, которые выносились на поверхность предметов, первоначально имели магическое значение, а сами предметы воспринимались как культовые. Но смысл орнамента постепенно утрачивался, забывался, вместо него оставалось неизменное, богатое ощущение бесконечного ритма линий, всевозможных вариаций форм. Очевидно, что именно этими обстоятельствами объясняется популярность орнаментальных мотивов.

Популярность геометрической резьбы у крестьянских ремесленников объяснялась еще и тем, что она как бы совпадала с замедленным темпом жизни крестьян, существовавших в круговороте природы с постоянной сменой времен года и разных видов сельскохозяйственных работ. Темп их жизни совпадал с орнаментальным ритмом и нашел свое выражение в неизменно равномерном заполнении поверхности изделий узорами и мотивами из растительного и животного мира. Многие из орнаментов восходят к доисторическим временам, отражают верования древних славян, которые поклонялись всевозможным силам природы, верили в их таинственную власть. Среди них — солнце, луна, гром и молния, растения и животные. Часто встречающийся мотив в орнаменте — это изображение солнца, солярного знака в виде круга или розетки, несущего свет и тепло всему живому на земле².

Декоративность изделий заключалась не только в богатстве орнаментов и мотивов, но и в колористических качествах, в звучной, мажорной гамме, в сочетании нескольких локализованных цветов. Излюбленными были красный или оранжевый — цвета солнца и здоровья. Идеалом своеобразной красоты являлась не хрупкая,

1 Захаров В. М. Поэтика русского танца. Т.5 М., 2010, С. 43

2 Захаров В. М. Указ. соч. С. 44

нетронутая форма, а форма мощная, преобразовательная. Это могли быть вышитые полотенца, скатерти, праздничная одежда. Столь же нарядно выглядели и предметы бытового назначения — столовая посуда, ложки, солонки, ковши, прялки, сундуки для одежды, даже замки, дверные задвижки, бляхи на сумках пастухов, где хранили инструменты. Но художественная отделка изделий несла в себе нечто большее, чем это мы можем представить сегодня. Неслучайно в подтверждение особой знаковой роли росписей и орнаментов приводят пример, когда гладкие нерасписанные прялки не использовались в хозяйстве, так как считались неприглядными для работы по той причине, что не были украшены соответствующим образом.

В мифологическом мировосприятии крестьян большую роль играло представление о новых и старых, целых или разбитых вещах. У старых изделий исконно была своя магия привлекательности, своя особенность, они становились воплощением идеи своего мира, хорошо обжитого и освоенного человеком. Материалы, из которых изготавливались предметы быта, а также технологии были ритуализированы нашими предками. Процесс производства вещей предполагал активное взаимодействие человека с внешней природной средой. Ощущение неразрывной связи человека с природой определяло общую стратегию его поведения, а оно было построено на идее партнерства, диалога, взаимного обмена ценностями.

Основные материалы, которые использовались в ремесленном производстве (дерево, глина, металл, лен, шерсть), обладали особым статусом. Когда-то именно они послужили исходным сырьем в создании земного мира, самого человека и его первых бытовых изделий. В этом смысле отношение наших предков к природе, ее материалам, умение отказаться от использования определенных растений, минералов, животных, если они несут в себе отрицательное значение и не отвечают символическим требованиям, заслуживает уважения и всяческого подражания.

Итак, вещи и предметы в крестьянской среде рождались на стыке мифологических и религиозных представлений и самого быта, неотделимого от верований и давних магических (идущих от славянских верований) скрытых смыслов.

Большинство создателей предметно-вещного мира народной культуры — это крестьяне,

одно из самых многочисленных сословий России, жители деревень. Они не оставили своих имен (за очень небольшим исключением), так как не считали себя ни художниками, ни мастерами, ни даже умельцами. Они занимались изготовлением всевозможных предметов в свободное от хозяйственных работ время, в силу жизненной необходимости и в соответствии со своим мироощущением. Каждая практическая вещь, каждый самый незначительный предмет в хозяйстве являлись результатом своего рода творческого процесса, знаний, опыта, передававшихся из поколения в поколение, непосредственно от отца к сыну, от матери к дочери и, тем самым, обеспечивающих родовую ценность в веках.

Предметно-материальный мир традиционной народной культуры продолжает жить в условиях современности. Он обширен, многообразен, но в значительной части носит иной, чем прежде, характер, заметно отличаясь от старого. И это вполне естественно, ибо быт и мировоззрение населения резко изменились и продолжают меняться на наших глазах с редкостной быстротой. Процесс этот неровен, не везде одинаково интенсивен, так как страна наша огромна и неоднородна как по этническому, так и по социальному составу населения, разнообразна по культурным, природным, экономическим условиям, по степени ориентации на традиции прошлого.

Известный специалист по народному искусству М. А. Некрасова выделяет четыре формы существования народного традиционного искусства в условиях современности, которые исторически сложились в прошлом и окончательно сформировались в России к середине XX столетия. Их характеризует общность традиций, школ, художественных систем, художественного языка в целом и локальных признаков творчества — всего того, что важно для функционирования народного декоративно-прикладного искусства.

Если говорить о дне сегодняшнем, то понятие народные художественные промыслы стало и без того еще более широким и запутанным в силу участия в них разных мастеров и художников-профессионалов. Так, по мнению искусствоведа Н. Н. Мамонтовой, для одних промыслы — это исторически сложившиеся предприятия, для других — это сообщество индивидуально работающих художников на основе традиции, для третьих — это объединения народных мас-

теров — хранителей традиционных форм ремесла, для четвертых промыслов — это коммерческая фирма, на которой трудятся мастера и художники. Есть немало и промежуточных форм. Главные перемены были связаны с изменением природы художественных промыслов: они были организованы по типу производств всевозможных изделий с введением машинного оборудования. Это не могло не повлечь за собой изменений в их характере. По отношению к таким предприятиям едва ли применимо понятие носитель традиционной народной культуры, как это было в прошлом, скорее можно говорить об участниках, не обязательно ощущающих себя собственными носителями традиций.

Вещь, таким образом, лишаясь привычного содержания, приобретает новый смысл в связи с новым его озвучиванием, новым предназначением, хотя и теряет при этом свою изначальную ценностную форму и содержание.

Не все выделенные искусствоведами формы существования традиционного народного искусства являются аутентичными, т. е. собст-

венно народными. Менее всего это касается художественных промыслов и производств. Лишь первая форма — этническая, вторая — местные промыслы частично, как и творчество отдельных мастеров, могут считаться традиционными.

Список литературы

1. Бабурин А. К. О жизни вещей в народной культуре. Живая старина. 1996. № 3 с.2.
2. Жиров М. С. Народная художественная культура Белгородчины. Белгород, 2000.
3. Забылин Н. М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия: Сб. М., 1992.
4. Захаров В. М. Поэтика русского танца. Т.5 М., 2010.
5. Клетнова Е. Н. Символика народных «украс» Смоленского края. Смоленск, 1924; переизд. 2000.
6. Некрасова М. А. Народное искусство как часть культуры. М., 1985.
7. Пашкова В. В. Глиняные образы в судьбах людей: вчера, сегодня, завтра // Матер. II межрегион. научно-практич. конференции. Курск, 2009.

MODEL OF HARMONIOUS WORLD ORDER: PEASANT CRAFTS AS A WORK OF ART

Mikheeva Ludmila Nikolaevna,

DSc in Philology, Professor Russian State Specialised Academy of Arts Rezervni proezd,
12, Moscow, Russia 121165,
e-mail: lira19lm@gmail.com

Dzhichonaya Magda Alexseevna,

PhD in Culturology, associate Professor Russian State University.
Moscow State University of Food Production
Volokolamskoe Shosse 11, Moscow, Russia, 125080,
e-mail: magdalena-27@mail.ru

Abstract

The article reveals the decorative and artistic function of peasant crafts. The role of traditions underlying the folk culture is emphasized. The genre motifs included in the ornamental decoration are considered. The author asserts the indissoluble connection of man with nature, mythological and religious ideas inherent in traditional folk culture.

Keyword

Arts and crafts; plastic form of things, ornament, genre motifs; mythological perception of the peasants.

RAR
УДК 93
ББК 63.3

«КРЯШЕНСКАЯ ПРОБЛЕМА» В ЗЕРКАЛЕ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Соловей Татьяна Дмитриевна,
доктор исторических наук,
профессор кафедры этнологии исторического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова;
Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4, Г-429, Москва, 119992
e-mail: tsolovei19@yandex.ru

Аннотация

Запрос на этнологическое знание как экспертное в России никогда (кроме 1920-х годов) не был устойчивой тенденцией, а с начала 2000-х годов снижается. В этом состоит центральный тезис статьи. Экспертиза проблемы этнической группы кряшен накануне Всероссийской переписи 2002 г. обнаружила несколько острых проблем: качество экспертизы, объективность (нейтральность) исследовательских оценок, способность экспертных оценок оказать влияние на этнополитические практики.

Ключевые слова

Этнологическая экспертиза, Всероссийская перепись 2002, «симпатизирующая этнография», кряшены, этническая идентичность, этнократический режим.

Казалось бы, в огромном полиэтничном и поликонфессиональном пространстве России экспертный и прогностический потенциал этнологии должен быть, безусловно, востребован властью и обществом. В действительности, участие этнологии в государственном целеполагании реализовывалось в нашей стране sporadически, а с начала 2000-х годов запрос на профессиональную этнологическую экспертизу неуклонно и драматически снижался.

Успешный опыт взаимодействия профессиональных этнологов и государства в 1920-е годы выглядит почти уникальным явлением. Императив модернизации Советского Союза, в том числе модернизации («вовлечения в социалистическое строительство») ранее «отсталых народов», предопределил высокий социальный статус этнологии и востребованность этнологического знания как экспертного.

Этнографам предстояло изучить и описать этнический состав населения бывшей Российской империи, создать этнографические карты и заняться этнографической статистикой, участвовать в организации просветительских и культурных учреждений на окраинах страны, спо-

собствовать формированию и развитию национальных письменных литератур. *Ситуативно* направленность государственной политики совпала с научными устремлениями самих ученых. То есть существовала взаимная комплиментарность науки и нового государства. Ориентируя этнологов на практические результаты, власть не вводила при этом значительных идеологических и политических ограничений в сфере профессиональной деятельности¹.

В целом, отношения между государством и этнологической наукой в 1920-е годы можно характеризовать как *неравноправное партнерство*², где слабой стороной выступало научное сообщество. Государственные преференции науке обменивались на ее участие в модернизации советской России. В свою очередь, этнологическому знанию нередко принадлежала решающая роль в выборе конкретных приоритетов, опреде-

1 Подробнее см.: Соловей Т. Д. Власть и наука в России. Очерки университетской этнографии в дисциплинарном контексте (XIX — начало XXI вв.). М., 2004. С. 155–159.

2 Подробнее см.: Соловей Т. Д. Власть и наука в России. С. 155–159.

лении форм и методов советской этнополитической стратегии, особенно в части социализации «отсталых народов».

Драматические изменения рубежа 1920–1930-х гг. поставили этнологию на грань выживания, а феномен «советской этнографии», возникший на излете 1930-х годов был качественно новой наукой. Как элемент советской науки этнография критически зависела от государства. С конца 1930-х по середину 1950-х власть использовала «террористический» (по выражению Ж.-П. Лиотара) язык в отношении науки³.

Начиная с середины XX века возобладали патерналистский стиль отношений государства и науки, последствия чего для советской этнографии оказались амбивалентными⁴. С одной стороны, стабильное финансирование и поддержка высокого социального престижа ученого, обеспечивали уверенное поступательное развитие науки. С другой — лишали стимулов, сводили на нет конкуренцию, поощряли паразитизм и вялость. Парализующее воздействие на советскую этнографию оказывали методологические ограничения и табуирование части профессиональной проблематики, особенно относящейся к изучению современности⁵.

Патерналистский тип отношений сочетался с нарастающим (с начала 1970-х гг.) дистанцированием государства от гуманитарного знания. По-прежнему выступая источником его легитимации, государство все менее испытывало в нем практическую потребность, что было заметно по тому подозрению, которое выказывалось в отношении глубокого изучения советской современности, особенно этнической проблематики. Причем это ограничение относилось не только к «гражданской» науке, но и к возможности партийного (то есть относительно конфиденциального) анализа⁶.

Однако опасение нежелательного и опасного знания о современности, способного разрушить

ее официальный пропагандистско-идеологический образ, парадоксально сочеталось с потребностью в этом знании для эффективного управления. Чтобы управлять, надо было сначала познать значительно усложнившееся и кардинально изменившееся по сравнению с 1920–1930-ми гг. советское общество — общество позднего Модерна. Этнография оказалась на пересечении этих противоречивых тенденций.

С одной стороны, ее роль в изучении современности пытались ограничить подбором иллюстраций триумфального марша страны Советов по пути социализма, пропагандой «марксистско-ленинского решения национального вопроса в СССР». С другой стороны, от нее рассчитывали получить эмпирическое знание о национальном аспекте «реального социализма», теоретическая интерпретация которого не должна была выходить за официальную рамку. Подобное ограничение не останавливало концептуализацию современности, но сковывало ее, вынуждая советских ученых использовать эзопов язык и систему культурно-идеологических кодов, позволявших им порою выдвигать интерпретации, фактически и довольно радикально ревизовавшие официальную линию, оставаясь внешне в согласии с ней⁷.

Однако полученное в результате эмпирического изучения современности теоретическое знание не было востребовано государством, то есть не носило экспертного характера (по крайней мере, до второй половины 1980-х годов). В этом смысле у этнографии не было шансов повлиять на государственное целенаправленное формирование национальной политики и участвовать в ее практическом осуществлении, не было шансов повторить опыт 1920-х гг. Происходила нарастающая социополитическая деактуализация гуманитарного знания, которое все заметнее утрачивало свою легитимирующую функцию по отношению к государству.

Постоянное акцентирование «актуальности» этнографических, равно как и других гуманитарных исследований не означало их реальной востребованности государством, а стало быть, и обществом. При этом наряду с опасением государства раскрыть неприглядные стороны советской действительности присутствовало усиливающееся сомнение в адекватности и качестве самой экспертизы. Сомнение небезоснователь-

3 См.: Соловей Т. Д. Власть и наука в России. С. 233–251.

4 Соловей Т. Д. Плюсы и минусы государственного патернализма. Этнографическая наука в «среднюю» и «позднюю» советскую эпоху // Родина. 2013. № 4. С. 31–34.

5 Соловей Т. Д. Плюсы и минусы государственного патернализма. С. 31–34.

6 Соловей Т. Д. Плюсы и минусы государственного патернализма. С. 33.

7 Соловей Т. Д. Плюсы и минусы государственного патернализма. С. 33–34.

ное: когда при М. С. Горбачеве, воплощавшем русский стереотип «просвещенного царя», власть попыталась мобилизовать гуманитарное знание для выработки стратегии трансформации страны, выявилась драматическая неспособность профессионального сообщества осмыслить реальное состояние общества и обеспечить власть перспективными рекомендациями⁸. Девальвация социополитической востребованности этнографии вела к снижению ее экспертного и научного потенциала, что было таким же закономерным итогом государственного патернализма, как и сильные стороны советской науки.

Изменение общественно-политического контекста во второй половине 1980-х годов предоставило шанс повышения статуса этнологии, которая в условиях национального взрыва в СССР оказалась весьма актуальной дисциплиной. Однако этот шанс не удалось реализовать: потребность в экспертизе национальной проблематики стала остро ощущаться властью лишь в конце 1980-х, когда этнополитическая динамика приобрела саморазвивающийся характер, в то время как способность государства к решительным действиям прогрессирующе снижалась.

Сегодня стало очевидно, что значимость национального фактора и потенциал этнической энергии в СССР изначально недооценивались советским руководством, которое в своей политике рассматривало национальное как вторичное и производное от социально-политического и социально-экономического факторов. Соответственно государственная стратегия строилась в расчете на то, что экономические преобразования, политическая демократизация и решение социальных проблем ликвидируют основания для этнического партикуляризма. Когда спохватились, то было поздно: «поезд национализма» на всех парах мчался к финалу СССР.

Экспертные оценки и строившиеся на них проекты не поспевали за быстро меняющейся реальностью. Участие этнографии и вообще науки в государственном целеполагании на исходе 1980-х не могло быть значительным хотя бы потому, что она элементарно не успевала осмыслить происходящее. Да и качество экспертных оценок оставляло желать лучшего из-за прежней политики отстранения профессионального эт-

нологического сообщества от анализа (который заменялся пропагандистской легитимацией) советской действительности⁹.

Один из парадоксов *постсоветской* социокультурной и идеологической динамики состоял в том, что нарастающая критика неблагоприятной идеологической роли советского обществознания не сопровождалась снижением идеологизации профессионального анализа в гуманитарной среде. Градус идеологизации оставался по-прежнему чрезвычайно высоким, поменялся лишь его знак (с коммунистического на антикоммунистический). По существу, произошла не *деидеологизация* науки, а ее *реидеологизация*: старые культурные предрассудки и идеологические формулы профессиональное сообщество заменяло новыми, получившими силу «самоочевидных» *научных* истин. Складывался феномен «симпатизирующей этнографии», поставившей научное знание на потребу узкоэгоистическим политическим целям. Наиболее рельефно он был выражен в «национализировавшихся» республиках и регионах бывшего СССР¹⁰.

После гибели Советского Союза *академической* этнографии некоторое время еще удавалось сохранять относительно (по сравнению с другими гуманитарными дисциплинами) привилегированные отношения с государством, что было связано с назначением директора Института этнографии В. А. Тишкова на пост министра по делам национальностей. Предпринятая им попытка формирования научной концепции государственной политики в области национально-федеративных отношений продлила жизнь позднесоветской иллюзии об участии этнографии в государственном целеполагании. А напряженность в национально-федеративных отношениях в РФ и крайне неудачная первая чеченская кампания, стимулировавшие потребность в профессиональной экспертизе, эту иллюзию поддерживали. Однако потребность в специализированном экспертном знании оказалась временной: запрос на него стал уменьшаться еще с конца 1990-х и почти совсем сошел на нет в начале нового тысячелетия¹¹.

9 Соловей Т. Д. Власть и наука в России. С. 273.

10 Соловей Т. Д. Там же. С. 313.

11 Там же. С. 314–315.

8 Соловей Т. Д. Власть и наука в России. С. 273–275.

Однако даже в тех случаях, когда этнологическая экспертиза проводится, ее результаты могут быть обесценены и даже «похоронены».

Во-первых, всегда стоит проблема качества (объективности) экспертизы. Не существует и не может существовать ценностно-нейтрального знания, особенно в социогуманитарной сфере. Ученые — не интеллектуальные супермены, живущие в безвоздушном пространстве, а живые люди, находящиеся в определенном контексте. Наши идейно-политические убеждения, наш культурный багаж и даже наш индивидуальный психологический профиль и личностный темперамент если не определяют жестко, то *предрасполагают* к выбору определенной исследовательской позиции. А уже, в свою очередь, эта позиция предопределяет отбор фактов и формирование комплексов анализируемых фактов. Не только изначальный импульс, движущий исследователем в его познавательном акте, субъективен, но и оптика исследовательского взгляда глубоко субъективна¹².

Во-вторых, — и это главное, — всегда остается сомнение: удастся ли конвертировать экспертные оценки и выводы в конкретные этнополитические практики? Цена научных (интеллектуальных) аргументов невысока, когда речь идет о воспаленной этничности, за которой стоят политический, административный и финансовый ресурсы.

Все эти проблемы выпукло проявились в ситуации экспертного штурма «кряшенской проблемы» в связи с подготовкой Всероссийской переписи 2002 г.

Кряшены — небольшой по численности, тюркоязычный, православный, преимущественно сельский народ, компактно проживающий на территории Татарстана и некоторых других сопредельных регионов (Башкортостана, Чувашии, Удмуртии). В советской переписи 1926 г., которую небезосновательно называют самой объективной и научной, кряшены фигурировали как отдельная национальность численностью 120 тыс. в числе других 190 национальностей¹³.

12 Подробнее см.: Соловей Т. Д. Объективность исторической науки как культурный миф // Может ли история быть объективной? Труды исторического факультета МГУ (54). Исторические исследования (19). М.: МГУ, 2012. С. 179–187.

13 Казьмина О. Е. Русская Православная Церковь и новая религиозная ситуация в России: этноконфессиональная составляющая проблемы. М., 2009. С. 152;

Впоследствии эта национальность, как и многие другие, была статистически «потеряна», учитываемая как субконфессиональная группа единого татарского этноса.

На рубеже 1980–1990-х годов волна бурной этнизации постсоветских идентичностей затронула и кряшен Татарстана. Представители кряшенских общин обращались в правительство и Госкомстат с просьбами о выделении их в самостоятельную категорию учета еще накануне последней советской переписи 1989 г. Просьба удовлетворена не была, не в последнюю очередь из-за позиции властей Татарской АССР¹⁴. В начале 1990-х гг. кряшены создали ряд национально-культурных обществ и центров, стали издавать собственную газету, попытались восстановить существовавшие в 1920–30-е гг. церковные приходы, но скоро столкнулись с противодействием татарского национализма и негативным отношением руководства Татарстана¹⁵. Максимальную остроту обсуждение «кряшенского вопроса» приобрело в связи с подготовкой Всероссийской переписи 2002 года¹⁶.

Никаких *научных* противопоказаний для того, чтобы рассматривать кряшен в качестве отдельной переписной категории, не существовало. Как ни трактовать этничность, — примордиалистски или конструктивистски (как самоприписывание), — у кряшен не меньше, чем у других этнических общностей, оснований для утверждения самостоятельной этнической идентичности. В настоящее время многие авторитетные ученые-этологи считают кряшен самостоятельным народом¹⁷.

Этногенез. Концепция сторонников кряшенской этнической самостоятельности, рассматривающая кряшен как предков древних булгар, еще в VI–IX веках исповедовавших христиан-

Соколовский С. В. Кряшены во Всероссийской переписи населения 2002 года. Набережные Челны, 2009. С. 45.

14 Соколовский С. В. Указ. соч. С. 61.

15 Казьмина О. Е. Указ. соч. С. 152–153.

16 Подробнее см.: Соколовский С. В. Указ. соч. С. 61–68.

17 См., напр.: Иванов И. Кто такие кряшены? Или о чем спорят татарские этнологи и политики // Азия и Африка сегодня. 2004. № 12. С. 49–55; Казьмина О. Е. Указ соч.; Пучков П. И. Этноконфессиональные общности // Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания / Отв. ред. М. П. Мchedлов. М., 2007. С. 65–83; Соколовский С. В. Указ. соч.

ство, а потом ушедших от насильственной исламизации¹⁸, выглядит не менее убедительной и аргументированной, чем оппонирующее ей представление о том, что субконфессиональная общность кряшен — это новообразование¹⁹.

Вероисповедание. Знакомство кряшен с православием произошло чуть ли не раньше, чем Киевской Руси, а переход к христианству — непосредственно от язычества²⁰, причем кряшены приняли христианство по крайней мере в XII веке, — эта альтернативная официальной реконструкция неплохо верифицируется эмпирически. Современный религиозный профиль кряшен представляет собой христианско-языческий синкретизм, с мощной и устойчивой языческой струей²¹. Это весомый аргумент против версии татарской историографии, согласно которой кряшены (часть татарского этноса) крестились в XVI в., совершив «измену» исламу²².

Язык. В кряшенском языке (оппоненты называют его версией/диалектом татарского) отсутствуют арабизмы и фарсизмы, столь характерные татарскому языку и подтверждающие исламское культурное влияние на татарский этнос. Кряшенский язык плохо соотносится с литературной нормой современного татарского языка. Как оценить степень его сохранности в наши дни? Вопрос этот остается дискуссионным по отношению к подавляющему большинству малых народов современного глобального мира. Сфера его (кряшенского языка. — Т. С.) бытования сокращается. Вместе с тем, он остается языком богослужения, праздничной обрядности и (в меньшей мере) внутрисемейного общения.

Этническая культура. Коренные различия в культуре, быте и обычаях между кряшенами и татарами можно акцентировать или игнорировать. Все зависит от наблюдательной позиции, оптики исследователя, которая предопределяет отбор и группирование *тех* или *иных* фактов. Но невозможно игнорировать то обстоятельство, что осознание этнокультурной «самости» носит

у кряшен ярко выраженный и устойчивый (особенно в сельской местности) характер²³.

Экспертный анализ кряшенской проблемы, предпринятый профессиональным этнологическим сообществом в ходе подготовки Всероссийской переписи 2002 г., выявил, что научные аргументы, гуманистические и демократические презумпции бессильны, когда речь идет о «легитимизации этнократического характера» властных структур Татарстана²⁴.

В этой республике татары составляют 52% населения²⁵. Кряшены в оценке члена переписной комиссии, известного этнодемографа, профессора П. И. Пучкова насчитывают 200–300 тыс. Приведем содержательную цитату ученого на этот счет: «Пусть меньше (численность кряшен. — Т. С.), даже вдвое или втрое, пусть 100 тысяч будет. Почему эти 100 тысяч не могут самоопределиваться? <...> кряшены занимают среди примерно 150 народов России 23-е место. Их больше, чем тувинцев, имеющих свою республику, их чуть-чуть меньше, чем коми»²⁶. Таким образом, кряшены могут отнять у титульного этноса 5–7%, если и не превратив татар в республиканское меньшинство, то сделав еще более очевидным дисбаланс во властных структурах в пользу татар.

В конечном итоге, выявилась драматическая неспособность экспертного этнологического сообщества повлиять на конкретные этнополитические практики. В подготовленном по результатам деятельности переписной комиссии Систематическом словаре переписи 2002 г. кряшены упоминались как самостоятельная переписная категория (национальность)²⁷. Однако антикряшенская позиция властей Татарстана во время переписи, массовые нарушения переписных процедур привели к тому, что из всех кряшен только около четверти (десятая часть, по оценкам других экспертов) сумели зафиксировать кряшенскую принадлежность в графе «национальность»²⁸. Таким образом, по результатам переписи оказалось, что в Татарстане проживает всего 18750 кряшен, хотя специалисты го-

18 Казьмина О. Е. Указ. соч. С. 150.

19 Мухаметшин Ю. Г. Татары-кряшены. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX — начало XX в.). М., 1977. С. 5

20 Казьмина О. Е. Указ. соч. С. 150.

21 Казьмина О. Е. Указ. соч. С. 147–160.

22 Мухаметшин Ю. Г. Указ. соч. С. 7.

23 Казьмина О. Е. Указ. соч. С. 153.

24 Соколовский С. В. Указ. соч. С. 64.

25 Там же.

26 Цит. по: Соколовский С. В. Указ. соч. С. 205.

27 Казьмина О. Е. Указ. соч. С. 158.

28 Соколовский С. В. Указ. соч. С. 66.

ворят, что их число только в Набережных Челнах многократно превышает эту цифру²⁹.

Значение профессиональной этнологической экспертизы было окончательно обесмыслено принятием «волевого» политического решения по «кряшенскому вопросу». В ноябре 2003 г., вопреки позиции Ученого Совета ИЭА РАН и большинства членов переписной комиссии, было предписано, чтобы кряшены при публикации результатов переписи перечислялись вслед за татарами, а общая численность татар включала бы и численность кряшен в качестве их подгруппы³⁰.

Полевая практика (2009–2010 гг.) студентов кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (руководители — профессор О. Е. Казьмина и профессор Т. Д. Соловей) предполагала изучение этнического самосознания кряшен Набережных Челнов и прилегающих районов республики Татарстан. Отправной точкой исследовательской гипотезы являлось признание существования *самостоятельной* этнической идентичности кряшен, что и предполагалось верифицировать (или опровергнуть) при помощи ряда исследовательских процедур, в том числе анкетирования городских и сельских жителей, экспертных опросов активистов и лидеров кряшенского движения, наблюдений за праздничной и ритуальной обрядностью, а также знакомства с семейным и бытовым укладом.

Тематическим фокусом полевой практики 2009 г. стал вопрос о роли конфессионального фактора в формировании идентичности кряшен. Тема экспедиционной поездки 2010 г. формулировалась следующим образом: «Соотношение христианского и языческого в современном этнорелигиозном профиле кряшен». Вот основные выводы.

Осознание этнической идентичности (образа «Мы») у кряшен носит устойчивый (без поправок на географический регион, урбанистический/сельский характер расселения, социальный статус, уровень образования), вполне *отрефлексируемый* (особенно среди интеллигенции) и *воспроизводящийся* (судя по самоидентификации кряшенской молодежи) характер.

Конституирующим «Другим» самосознания кряшен выступают татары. Они — главный, то-

тальный «Другой», в отношении которого и происходит кряшенское самоопределение. Татары превратились в устойчивый фон для прорисовки «типично» кряшенских культурно-бытовых и психологических характеристик. Что не всегда и не обязательно предполагает негативизацию татарского этноса.

Религиозный профиль современных кряшен, вероятнее всего, следует характеризовать как христианско-языческий синкретизм, где языческий пласт остается весомым. Усвоена на массовом уровне лишь та часть христианского верования, которая не противоречит стихийно-языческому мировоззрению и практикам. Кряшенское «православие» большинства очень далеко от христианской ортодоксии. Впрочем, соотношение языческого и христианского в разных группах кряшен является динамичным.

Психологическая травма, нанесенная кряшенам в ходе Всероссийской переписи 2002 г. и вызванная политико-административным нажимом, парадоксальным образом была конвертирована в дополнительный фактор консолидации этой этнической группы. Фактически речь идет о формировании «виктимизационной унии» — феномена, который способствовал этнонациональному сплочению евреев, армян и породил влиятельную мифологию «жертвенности». Феномена, который способствовал преодолению «депортационной травмы» калмыков, чеченцев и других народов.

Кряшенам не повезло дважды. Во-первых, они оказались в орбите интересов, «в тени» крупного (второй по численности после русских) и, безусловно, пассионарного татарского этноса с мощной отрефлексируемой групповой идентичностью. Ситуацию усугубляет особый статус Татарстана в составе РФ, корнями уходящий в начало 1990-х гг., когда здесь существовали влиятельные сепаратистские настроения.

Во-вторых, кряшены в силу объективных исторических, социально-экономических обстоятельств не смогли сформировать значительную количественно и влиятельную интеллигенцию, которая лоббировала бы интересы группы в информационном пространстве, а также эффективный бизнес, способный инвестировать в возрождение кряшенской культуры.

Исследователи и эксперты «кряшенской проблемы» объективны ровно настолько, насколько это возможно, в зависимости от их индивиду-

29 Там же. С. 66–67.

30 Соколовский С. В. Указ. соч. С. 68.

ального дотеоретического опыта, идейно-политических и культурно-ценностных презумпций.

Список литературы

1. Иванов И. Кто такие кряшены? Или, о чем спорят татарские этнологи и политики // Азия и Африка сегодня. 2004. № 12. С. 49–55.
2. Казьмина О. Е. Русская Православная Церковь и новая религиозная ситуация в России: этноконфессиональная составляющая проблемы. М.: Изд-во МГУ, 2009.
3. Мухаметшин Ю. Г. Татары-кряшены. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX — начало XX в.). М.: Наука, 1977.
4. Пучков П. И. Этноконфессиональные общности // Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания / Отв. ред. М. П. Мchedlov. М.: Культурная революция, 2007. С. 65–83.
5. Соколовский С. В. Кряшены во Всероссийской переписи населения 2002 года. 2-е издание. Набережные Челны: КряшИздат, 2009.
6. Соловей Т. Д. Власть и наука в России. Очерки университетской этнографии в дисциплинарном контексте (XIX — начало XXI вв.). М.: Прометей, 2004.
7. Соловей Т. Д. Объективность исторической науки как культурный миф // Может ли история быть объективной? Труды исторического факультета МГУ (54). Исторические исследования (19). М.: МГУ, 2012. С. 179–187.
8. Соловей Т. Д. Плюсы и минусы государственного патернализма. Этнографическая наука в «среднюю» и «позднюю» советскую эпоху // Родина. 2013. № 4. С. 31–34; Родина. 2013. № 5. С. 47–50.

«KRYASHEN PROBLEM» IN THE MIRROR OF ETHNOLOGICAL EXPERTISE

Solovei Tatiana Dmitrievna

DSc in History, Professor of the Department of Ethnology

Faculty of History Lomonosov MSU;

Lomonosovsky avenue 27–4, Moscow Russia, 119992

e-mail: tsolovei19@yandex.ru

Abstract

The query for the ethnological knowledge as ethnological expertise has never (except for 1920s) been a sustainable tendency in Russia. Since 2000s this query has been decreasing further. This is the key point of the article. On the eve of the 2002 All-Russian Census of Population the analytical expertise of the issue of the Kriashen ethnic group revealed several sharp problems: quality of expertise, objectivity (neutrality) of researcher's assessments, capability of these assessments to influence ethnic and political practices.

Keywords

Ethnological expertise, 2002 All-Russian Census of Population, «sympathising ethnography», Kriashens, ethnic identity, ethnocratic regime.

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРА

RAR
УДК 7.01
ББК 85

СКУЛЬПТУРЫ АПОСТОЛОВ НА ФАСАДЕ ХРАМА РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ В СЕЛЕ ПОДМОКЛОВО В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Крюков Денис Витальевич,
протоиерей, настоятель храма Рождества Богородицы с. Подмоклово,
научный сотрудник Института Наследия им. Д. С. Лихачева;
e-mail: ml-arhangel@yandex.ru

Аннотация

В статье представлена интерпретация скульптурного убранства Подмокловской церкви исходя из знаковой системы аристократической культуры времени правления Петра I, раскрывающая петровские преобразования не столько как разрыв с традицией, сколько как её трансформация, развитие тенденций, явившихся еще в середине XVII века. Ключевым фактором для понимания этого явления следует признать религиозный характер преобразовательной деятельности сподвижников царя, что выразилось в смысловой связке «апостол — просветитель».

Ключевые слова

Церковь в Подмоклове, Г. Ф. Долгоруков, религиозная скульптура, просвещение, апостольство, петровские преобразования.

Церковь Рождества Пресвятой Богородицы в селе Подмоклово (1714–1723 гг., освящена в 1754 г.) является выдающимся памятником Петровской эпохи (рис.1).

Она построена князем Григорием Федоровичем Долгоруковым (1657–1723) — видным деятелем эпохи, участником Полтавского сражения, Андреевским кавалером, послом в Польше, выполнявшем эту миссию на протяжении почти

двадцати лет. Это особая по красоте постройка представляет собой двухсветную шестнадцатидольную ротонду, окруженную открытой галерей-аркадой. Она перекрыта большим куполом с повышенной стрелой подъема и имеющим овообразную¹ форму, на котором расположены световые и ложные люкарны. Храм венчает мас-

1 Т. е. яйцевидную, от ovum — яйцо (лат.).

Рис.1. Церковь Рождества Пресвятой Богородицы в селе Подмоклово (1714–1723 гг., освящена в 1754 г.)

сивный световой барабан. Стены фасада обильно украшены белокаменной резьбой в виде фриза из фруктовых гирлянд, головками херувимов, филенками с цветочным орнаментом, резными пилястрами и капителями. На балюстраде по осям галереи установлены скульптуры апостолов и евангелистов из белого камня, это пластическое убранство является главной достопримечательностью памятника (рис. 2)².

Подряд на изготовление шестнадцати белокаменных фигур апостолов и евангелистов был подписан князем Григорием Федоровичем Долгоруковым с артелью Ивана Афанасьева сына Зимины и еще шести резчиков 9 апреля 1720 г. [Николаева, № 448, с. 392–394]. Верхней границей времени их изготовления можно считать год смерти князя — 1723. Скульптуры, как и весь фасадный декор, были выполнены из подмосков-

ного мячковского белого камня. Эти фигуры — одни из первых статуарных произведений европейской пластики в отечественной культуре.

Скульптура для петровского времени было явлением принципиально новым и знаковым. В средневековом обществе к ней относились с суеверным предубеждением, и осмелиться на такое украшение своих домов, парков и церквей могли лишь люди, настроенные на принципиальный разрыв с предшествующей традицией, то есть оно имело декларативный характер. Все это приложимо к Подмоклово. Впрочем, как мы убедимся, формирование замысла подмокловских скульптур было связано с процессами, начавшимся несколько ранее — еще во второй половине XVII в.

Подмокловская ротонда не была первой православной церковью, украшенной круглой фасадной скульптурой. В более раннем аналоге — Дубровицкой церкви (1690–1697) — помимо фигур апостолов и евангелистов, на фасадах присутствуют еще Три Святителя и ангелы с орудиями Страстей Христовых (рис. 3).

2 В настоящее время на фасаде установлены современные копии, одиннадцать оригинальных скульптур помещены в пространство храма для их сохранности, пять фигур хранятся в Серпуховском историко-художественном музее.

Рис.2. Скульптуры апостолов и евангелистов из белого камня

На фасаде еще одной предшественницы — Меншиковой башни (церкви архангела Гавриила в Москве, 1701–1707) — по углам нижнего восьмерика ранее были установлены статуи ангелов, которые позже, после пожара, заменили на вазоны, а само здание венчал высокий шпиль с летящим Архангелом [Куницкая, с. 162]. Таким образом, прослеживается соответствовавшая запросам эпохи закономерность: фасады церквей знати петровского времени украшались изображениями святых, прославившихся как благовестники, и христианские просветители (нет ни мучеников, ни преподобных, ни благоверных князей и т. д.). Но важно, что подход кн. Долгорукова был еще более селективным, т. к. он ограничился только апостольским чином, и евангелисты были в него включены без смыслового ущерба. Это хорошо согласуется с общей идеей «дома Премудрости» и апостолов как Ее слуг, которая, по нашему мнению, была изначально заложена при строительстве Подмокловской ротонды³.

3 Об этом см. нашу работу «Церковь Рождества Пресвятой Богородицы в Подмоклом: история строитель-

Если проследить известные нам обстоятельства появления в петровское время храмов московской знати, украшенных скульптурой, можно отметить вторую закономерность. Они возводятся вельможами, имеющими самый высокий общественный статус. Кн. Борис Голицын был на вершине власти и в наибольшем фаворе в 1689–1692 гг. [Соловьев, кн. 3, стлб. 1083–1984], и его Дубровицкая церковь начала строиться в 1690 г. [Вздорнов, с. 21]. А. Д. Меншиков получил неограниченное влияние в государстве в 1703 г. [Бушкович, с. 239], церковь Архангела Гавриила была закончена ок. 1707 г. [Куницкая, с. 166–167]. Григорий Федорович Долгоруков не был фаворитом Петра, но им был его племянник (по другой линии) Василий Владимирович, который вместе с еще одним любимцем царя, кн. Яковом Федоровичем Долгоруковым, вел успешную политическую войну с Меншиковым. В результате к 1713 г. положение Александра Дани-

ства и иконография архитектуры»; готовится к печати. Настоящая статья является одним ее из разделов.

Рис. 3. Скульптурное убранство
Знаменской церкви в с. Дубровицы

ловича пошатнулось, В. В. Долгоруков вскрыл его финансовые злоупотребления, а самой влиятельной на тот момент партией стал клан Долгоруковых, который всегда действовал монолитной силой [Бушкович, с. 297–298]. И, вполне предсказуемо, в 1714 г. начала строиться Подмокловская ротонда. Тот факт, что Меншиков стал заискивать перед князем Григорием Долгоруковым и устроил в феврале 1715 г. свадьбу его дочери за свой счет, говорит о многом [там же, с. 338]. Примечательно, что клан Долгоруковых вел борьбу — правда, безуспешную — и с кн. Борисом Голицыным в 1691–1692 гг., в период его фавора, когда строился Дубровицкий храм [Забелин, с. 265–269]. Итак, скульптуры на фасадах храмов маркировали суперэлитарное положение их строителей. А появление столь необычного храма свидетельствовало, что Долгоруковы взошли на политический Олимп. Так в архитектуре и пластике проявилась соревновательность вельмож. Впрочем, не будем забывать, что это была соревновательность в благочестии, пусть и показном.

Фасадная храмовая скульптура — достаточно редкое явление в русской культуре. Но считать, что украшение кн. Г. Ф. Долгоруковым Подмокловского храма во втором-третьем десятилетиях XVIII в. скульптурными изображениями было очень смелым шагом, нам не представляется верным. В данном случае дело не в смелости (вероятно, присутствовавшей за четверть века до этого, когда кн. Б. Голицын начал строить церковь в Дубровицах), а в следовании актуальным тенденциям, которые уже очевидно поддерживались монархом. Начало увлечения царя Петра скульптурой приходится на 1707–1708 гг. [Андросов, с. 43]. Подмокловский храм начали строить почти одновременно с Петропавловским собором в Санкт-Петербурге, фасад которого первоначально был украшен 49 деревянными, выкрашенными в белый цвет статуями, ныне не сохранившимися [Малиновский 2007, с. 30]. Скульптуры, вероятно, располагались на фасаде первого, позже разобранный Троицкого собора Александро-Невской лавры, перестройкой которого по своему проекту стал ру-

ководить Л. Т. Швертфегер в 1720 г. [Щенков, с. 247]. На его же проекте училищного дома «Сад Петров» в северной столице (1717) круглая статуарная пластика присутствует в фасадном декоре церкви комплекса [Ухналев, с. 154]. Скульптуры также должны были быть выполнены для фасадов церквей царских резиденций в Стрельне и Петергофе, судя по проектам Н. Микетти (1722, рис. 4) [Долбнин, с. 10–11]. Эти факты свидетельствуют об очевидной востребованности церковной круглой пластики в столичной культуре петровского времени, что заставляет скорректировать наши представления о бытовании скульптуры и ее рецепции русским религиозным искусством. Подмокловская ротонда может служить наглядным примером, на котором станет понятно отношение к скульптуре в это время.

Во многих публикациях, освещающих историю создания памятника, указывается, что подмокловские скульптуры должны были быть закончены до «запрета 1722 г.» [Михайлов; Пилипенко]. Очевидно, имеются в виду постановления Синода от 21 мая, 31 августа и 31 октября 1722 г. [ПСП, № 625, с. 293–295; № 777, с. 466–468; № 885, с. 575–576], запрещавшие делать и устанавливать в храмах «резные и отлитанные иконы». Считается, что церковные иерархи были против любой круглой пластики и усматривали в ней соблазн для идолопоклонства [Рындина, с. 201]. В этих постановлениях Синода некоторые авторы видели победу реакционных церковных сил над прозападной деятельностью царя [см., например: Михайлов, с. 64]. Нам же подобное объяснение представляется невероятным. Принятие церковных решений осуществлялось в фарватере общих тенденций, направляемых Петром I. Синод был голосом, озвучивавшим позицию царя. Петербургские архитектурные инициативы Петра не дают нам оснований для вывода о безоговорочной борьбе с жанром церковной скульптуры в это время.

Синодальные постановления ссылались на инославное происхождение данного явления: «доселе в Греции и во иных православных странах не бывали в церквах и ныне не обретаются издолбленные иконы, кроме малых искусно резных крестов и панагий, а в России сей обычай от иноверных, а наипаче от Римлян и им последующих порубежных нам Поляков, вкрался» [ПСП, с. 294]. Может показаться, что позиция власти была противоречивой: она запре-

щала скульптурные изображения, определяя их как католическое влияние, и при этом поощряла заказами иностранных архитекторов (как протестантов, так и католиков), украшавших московские и петербургские церкви круглой пластикой или высоким рельефом. Но судя по всему, здесь мы имеем дело со сложным явлением, которое сочетает и религиозные, и культурные аспекты разной направленности. Целью законодательных актов было не запретить любую религиозную скульптуру, а изменить отношение к ней.

Как нам видится, запреты относились к широко почитавшимся в народе традиционным «иконам на рези». Резные образы свт. Николая Чудотворца, мц. Параскевы, мч. Георгия, мч. Дмитрия Солунского и других святых во множестве присутствовали в православных церквях того времени. Их бытование в Московском государстве прослеживается начиная с XIV в., а происхождение, по-видимому, связано с балканским и византийским влиянием [Бусева-Давыдова, с. 205–206]. Петровские синодальные указы пытаются представить эти уже укоренившиеся в православной культуре формы иконопочитания как проявления католического влияния для придания легитимности их запрету. Впрочем, вероятно, новая волна заимствований в XVII в., в частности, распространение изображений страдающего Христа («Спас Полуночный» или «Христос в темнице»), была действительно связана с польским (украинским, белорусским) влиянием [там же, с. 206]. При этом сами постановления имеют крайне противоречивый характер: запрещая религиозную скульптуру и объявляя ее «иноверным обычаем», а также порицая неумелость скульпторов и художников-иконописцев, они в качестве аргумента для осуждения приводят «укорение святых церкви от инославных», от которых, по мнению авторов данных документов, эти обычаи и были заимствованы [ПСП, с. 295]. В результате здесь, как и в других подобных случаях⁴, создавалось впечатление, что иноверцы привлекаются в качестве сторонних судей сугубо внутренних религиозных процессов, что не могло служить хоть сколь-нибудь убедительным аргументом для подавляющего большинства русских подданных [Лавров, с. 411–412]. Но петровская церковная администрация

4 Например, в указе о запрете привесов к храмовым иконам от 19 января 1722 г. [ПСП, № 364, с. 18–19].

Рис.4. Н. Микетти, проект церкви для резиденции Петра I

явно оценивала данное явление глазами западноевропейцев.

Далее, эти указы запрещали не всякую церковную пластику, они касались всего, «кроме распятий, искусною резьбою учрежденных, и иных неких штукатурным мастерством устроенных и на высоких местах поставленных кунштов», из чего следует, что профессионально исполненные произведения круглой пластики и горельефы⁵, поставленные на верхние регистры храмового пространства, были вполне допустимы. Итак, именно «куншты»⁶, в которых по умолчанию подразумевалась скульптура в стилистике новой европейской культуры,

5 Очевидно, имелись в виду композиции в технике «стукко» наподобие тех, что украшают интерьеры Дубровицкой церкви, Меншиковой башни и верхней церкви собора Богоявленского монастыря в Москве.

6 От нем. Kunst, через пол. Kunszt — здесь, «произведение искусства».

были противопоставлены традиционным русским «иконам на рези».

В указах 1722 года заметно желание царя и его сподвижников подогнать церковное искусство под европейские стандарты. Хорошо известно негативное отношение протестантизма к почитанию религиозных, в т. ч. объемных изображений. Аналогичные процессы борьбы с народной религиозной скульптурой наблюдались в это время и в католической церкви в русле Контрреформации. По мнению Лаврова, русские синодалы (Феофан Прокопович и Феодосий Яновский) должны были быть хорошо знакомы с этим явлением [там же, с. 416–417]. С другой стороны, скульптура широко использовалась в европейских барочных храмах — как католических, так и протестантских. В последних она несла сугубо декоративную функцию. Эти же процессы были рецепированы русской церковной культурой Нового времени.

Петровская реформа благочестия, помимо всего прочего, ставила задачу борьбы с ложными чудесами, некритичным отношением к почитанию чудотворных икон и с неканоничными типами иконографии [там же, с. 408–436]. Именно в русле борьбы с изображениями Господа Саваофа, т. е. Бога Отца, в виде седобородого старца в документах Синода регулярно вспоминались решения Большого Московского Собора 1666–1667 гг., которые, в свою очередь, ссылались на текст Исаии (Ис. 40:18), запрещавшего изображения невидимого Бога: «кому уподобисте Господа, и коему подобию уподобисте Его. Еда бо образ сотвори древоделя или златарь, слиав злато, позлати и или подобием сотвори его»⁷. Здесь же приводились аналогичные ссылки на творения святых отцов Церкви. Исходя из контекста постановлений 1667 г., можно заключить, что они касались не скульптурного жанра как такового, а только вопроса иконографии неизобразимого Бога Отца как первого Лица Святой Троицы в иконописных произведениях, что вполне соответствует православному учению. К тому же расширительное толкование этого запрета, если бы оно относилось к скульптурным изображениям, было бы применимо к любым иконам, а не только к объемным, что невозможно себе представить у деятелей Собора, как бы мы ни относились к уровню православного самосознания грече-

7 Постановление от 12.04.1722 г.: ПСП, т. II, № 534, с. 177–180.

ских иерархов, приехавших в Москву⁸. Напротив, их «Грамота трех патриархов», продолжавшая обсуждение того же комплекса вопросов, связанных с церковным искусством, указывает в качестве положительного примера для православных иконописцев творения прославленного древнегреческого скульптора Лисиппа [Пекарский, стлб. 323]. Итак, церковные постановления второй половины XVII в. скульптуры напрямую не касались, хотя позже деятели петровского времени включили ее в круг вопросов, рассматриваемых в том же русле деятельности по регламентации церковного искусства и благочестия.

Чем же руководствовались реформаторы? Основная аргументация строилась вокруг внешнего вида скульптур, которые, по мысли авторов, были похожи на идолов. Выполненные в традиционной средневековой стилистике и часто обряженные в одежду, они не вписывались в новые эстетические представления и вызвали упреки в невежестве их почитателей [Мозговая, с. 21–22; Лавров, с. 416–424]. Низкое, как тогда считалось, качество художественного исполнения послужило основной причиной запрета, что и указывалось в определении 21 мая 1722 г.: ««когда бы к деланию икон сицевых даровал нам Бог Олиава и Веселеила, каковых древле сам избрал было на украшение Скинии своея, не было бы нужды возбраняти их [выделено мною. — Д. К.]; но понеже не имеем таковых богоизбранных художников, а дерзают истесовати их сами неотесанные невежды и вместо сообразных святым и благообразным лицам образов безобразныя, на которых смотрети гадко, болваны и щуды⁹ поставляют, принужден естъ Святейший Правительствующий Синод запретити сие, яко неприличное, непригожое благолепию, аще и неблагочестию противное [так!]; кроме же безобразия происходящего от неискуства художескаго, видимо естъ в таковых издолбленных иконах удобо осязательство, от котораго презрение их раждается, видимо естъ в тех же удобо сказительство [судя по всему, ошибка в тексте публикации, имеется в виду «искажительность» — Д. К.], например: отломления

Рис.5. Церковь Всемилюстивого Спаса в Кускове

носа, руки, главы и прочих членов, без которых гадкими щудами являются, и, вместо почитания, посмеятельство бывает им» [ПСП, с. 294].

Логика авторов этих постановлений можно увидеть, исходя из их аксиологических представлений: в документах петровского времени на первый план с очевидностью выступил эстетический критерий, который рассматривался в контексте христианской просвещенности. Думается, причина заключалась в том, что для деятелей петровской церковной реформы все «безобразное» было равнозначно «невежественному», а то, в свою очередь, являлось причиной проявления суеверия и греха. В этом случае новая эстетика приобретала сакральный характер как одна из граней Божественной Премудрости. Православие как учение, по представлению реформаторов, после проведения исправительных мер оставалось самим собой, но облекалось в более просвещенные, подходящие ему формы.

8 Здесь мы не можем согласиться с уважаемой Анной Вадимовной Рындиной, в работе которой именно решениям Большого Московского Собора приписывается главное значение в процессе дальнейшей борьбы с церковной скульптурой в петровское и последующее время. См.: Рындина.

9 «Болван» — идол, «щуд» — чудовище, великан.

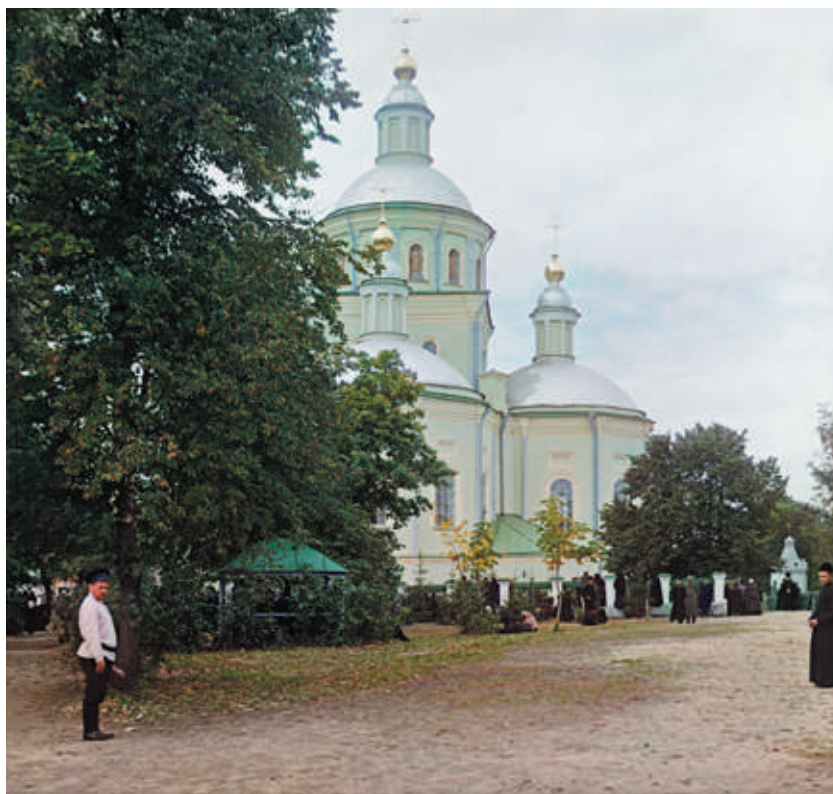

Рис.6. Троицкий собор Свято-Троицкого мужского монастыря в Белгороде
Фото С. М. Прокудина-Горского

Новый взгляд на церковную скульптуру в контексте эстетики, меняющейся в сторону европейского барокко, начал формироваться со второй половины XVII в., именно с этого времени европейская пластика стала вызывать интерес русских аристократов и вошла в их жизнь [Бусева-Давыдова, с. 52–54]. Эта линия аристократической культуры получила развитие в петровское время. В синодальных постановлениях прослеживается явное желание «убрать повыше» церковную скульптуру из поля непосредственного соприкосновения образа и «невежественного» прихожанина, конечно, не только ради ее сохранности: таким образом разрушался прежний «удобо осязательный» религиозный контакт лицом к лицу образа и молящегося, аналогично европейским рационалистическим тенденциям борьбы с народным иконопочитанием. В официальной церковной культуре скульптура как жанр все более эстетизируется в ущерб прежнему религиозному поклонению ей.

То, какими мотивами руководствовались деятели церковной реформы благочестия, когда

боролись с поклонением резным изображениям, видно на примере указа Синода от 15 марта 1722 года, повелевавшего изъять статуи, находящиеся в гробницах и раках. Святейшему Синоду стало известно о существовании (в частности, в Переяславле Залесском) таких гробниц и рак, где «положены в оных вместо телес резные и издолбленные колоды, которые и покрыты покровами, аки бы самые тех святых телеса, что немногим и ведомо есть, а которые про то несведомы, паче же простолюдины, приходя к тем ракам и гробницам и по неведению своему вменяя... за самые святых телеса, приступают с великим страхом и целуют, положенные на тех колодах покровы со многим говением, чающе, самым телесам тут положенным быть, которых никогда тут не бывало, что немалым подозрением и неизвинительным от инославных нареканием есть. И о сих Святейший Синод, доволно рассуждая и за благо рассудив, согласно приговорили: оные резные и издолбленные колоды, которые, яко некая обмана положены, отобрав из гробниц, прислать при доношениях в Святейший Синод

неотложно, дабы впредь такой обманы нигде не было; а оные гробницы и раки покрыть досками, на которых бы были иконы тех святых» [цит. по: Голубинский, с. 435–436]¹⁰. Натуралистичность скульптурного изображения под покровом обманывала доверчивых прихожан и провоцировала паству на ложное их почитание. Очевидно, этими же соображениями руководствовались синодалы и в отношении запрета скульптур святителя Николая, мученицы Параскевы и других святых. Постановления апеллировали к отсутствию данной традиции у греков и других православных. Их объемность и низкое качество рассматривалась как провокация к идолопоклонству. Таким образом указы лишали церковную скульптуру функции моленного образа, но отводили ей роль декоративного элемента экстерьера или интерьера при соответствии высоким художественным критериям.

Подмокловские статуи вполне подходили под новые требования: они были установлены достаточно высоко, и не в храме, а на его фасаде, их барочная стилистика не могла вызвать нареканий. Более того, в соответствии с концепцией «дома Премудрости», которая легла в основу замысла ротонды, скульптурный декор должен был свидетельствовать об образованности и эстетически развитом вкусе их заказчика. Статуи были задуманы именно как образцовые «куншты», ведь кн. Григорий Федорович не только хорошо представлял себе критерии допустимости, но и сам участвовал в регламентации требований к церковной скульптуре. Об этом свидетельствует его подпись на постановлении «конференции» Сената и Синода от 31.08.1722 г. [ПСП, 466–468], вторая по порядку, сразу за подписью другого ценителя скульптуры — кн. А. Д. Меншикова¹¹. Кроме того, как нам видится, тема Ветхозаветной Скинии (т. е. прообраза Иерусалимского храма) и ее строителей-скульпторов Веселеила и Аголиава (Исх. 36: 2), упоминаемая в тексте постановления от 21.05.1722 г., имелась в виду князем Григорием, строившим свой «Иерусалим»¹². Оче-

Рис. 7. Изображения четырех евангелистов на церкви Успения в Гончарах
Степан Полубес

видно, он был уверен, что решил проблему подбора квалифицированных исполнителей.

Наше предположение об отсутствии запрета властей на церковную фасадную скульптуру подтверждают факты, свидетельствующие, что традиция (ныне почти незаметная из-за многочисленных утрат) украшать храмы статуарной пластикой не прекращалась на протяжении всего XVIII в. Вот некоторые примеры. На петербургской церкви Св. Симеона и Анны Пророчицы (1729–1735, арх. М. Земцов) были деревянные скульптуры апостолов и ангелов, ныне не сохранившиеся [Малиновский 2008, с. 263–264]. Церковь Рождества Богородицы на Невском проспекте (1733–1737, арх. И. Бланк?) [там же, с. 265–266], разобранный в конце XVIII в., так-

10 Благодарим И. Л. Бусеву-Давыдову за указание на этот документ. Также выражаем ей благодарность за ценные советы, использованные нами при написании данной работы.

11 О увлечении Меншикова скульптурой см.: Андросов, с. 52–53.

12 О иерусалимской тематике круглых построек см. нашу работу «Церковь Рождества Пресвятой Богородицы

в Подмоклом: история строительства и иконография архитектуры»; готовится к печати.

Рис.8. Евангелист Матфей

же некогда была украшена скульптурами. Церковь Спаса Всемилостивого в Кускове (1737–1739, заказчик — кн. П. Б. Шереметев, рис. 5) до сих пор имеет скульптурное убранство в виде фигур евангелистов и летящего ангела.

Скульптурами четырех евангелистов была украшена Владимирская церковь (1740–1746 г.) в с. Чукавино Тверской области, статуи не сохранились¹³. Также не сохранились скульптуры четырех евангелистов, стоявшие в нишах на первом ярусе фасада Никольской церкви в с. Даниловское Московской области (1768–1771, заказчик — кн. И. Ф. Голицын, приписывается К. И. Бланку) [Подъяпольская, с. 163–164]. В интерьере Троицкого собора Александро-Невской Лавры (1776–1790, арх. И. Е. Старов) на карнизе ордера установлены 20 фигур святых, в числе которых 12 апостолов. По первоначальному замыслу архитектора, круглая скульптура должна была украшать и его фасад [Мозговая, с. 25]¹⁴. Троицкий собор Свя-

то-Троицкого мужского монастыря в Белгороде (1690–1707) был перестроен в 1782 г. Видимо, тогда же были установлены скульптуры 12 апостолов в нишах ротонды второго яруса; храм был взорван в советское время (рис. 6)¹⁵.

Таким образом, скульптурное убранство знаменитых памятников петербургского классицизма (Казанского и Исаакиевского соборов), а также храма Христа Спасителя в Москве появилось не случайно, а имело цепочку предшественников.

Стоит отметить, что размещение на фасаде изображений апостолов и евангелистов — как в группах с другими святыми, так и в виде ансамбля единого чина — в XVIII в. было устоявшейся традицией. Отсюда видно, что подмокловские скульптуры — не маргинальное явление русской культуры, напротив, они находятся в русле этой традиции, получившей развитие в последующее время. При этом фасадные изразцовые изображения (что характерно — тоже пластика) на храмах четырех евангелистов Степана Иванова Полубеса последней трети XVII в., вероятно, представляют собой ее зарождение (рис. 7)¹⁶.

Привлекает внимание факт, что подмокловские фигуры изображены в одеждах, не соответствующих апостольскому времени и традиционной восточно-христианской иконографии. Под гиматиями у евангелиста Матфея, апостолов Филиппа, Иакова Алфеева (?), Фомы, Варфоломея — детали одежды Нового времени (рис. 8).

Это отложные воротники, пуговицы, характерные нагрудные застёжки в виде параллельных горизонтальных полосок. Гиматии апостолов Петра и Фомы напоминают европейские плащи. У апостола Симона Кананита на ногах сапоги, а не сандалии. В подобных же одеяниях апостолы и другие святые изображались на русских

евои лавре скульптурами, изображающими добродетели, и портретами царственных особ, но это не было осуществлено, вместо скульптур установили вазоны [Балдин, с. 218].

15 Эти скульптуры можно увидеть на фотографии С. М. Прокудина-Горского, 1911 г., ныне в Библиотеке Конгресса США [ном. по кат. 0078].

16 Изображения четырех евангелистов присутствуют на церкви Успения в Гончарах, на надвратной церкви Иоанна Предтечи Солотчинского монастыря Рождества Богородицы под Рязанью, ранее были украшены церковь архидиакона Стефана в Заяузье и храм Отцов Семи Вселенских соборов Свято-Данилова монастыря в Москве [Баранова]. Благодарим И. Л. Бусеву-Давыдову за указание на эти изображения.

13 <http://www.staritsa-pilgrim.ru/?id=124>. Благодарим Н. А. Мерзлютину за указание на этот памятник.

14 Так же можно добавить, что Д. Ухтомский в 1763 г. предполагал украсить колокольню в Троице-Сергии-

иконах второй половины XVII в, тогда предметный мир иконы стал более подробным и современным¹⁷. Как известно, русская икона второй половины XVII в. как в общих решениях, так и в детализировке была ориентирована на западноевропейские образцы. Подобную одежду апостолов во множестве можно встретить на гравюрах иллюстрированных Библий Пискатора, Борхта, Мериана и др., которыми пользовались русские иконописцы¹⁸. Однако это в равной степени соответствовало как европейским, так уже и русским придворным фасонам XVI–XVII вв. Укажем здесь на немецкую гравюру из собрания Ровинского с изображением царя Алексея Михайловича в повседневной одежде (рис. 9) [Три века, т. II, с. 34]. Не подлежит сомнению, что и сам князь Григорий в юности носил подобный покррой.

Подрядная запись от 09 апреля 1720 г. свидетельствует, что скульптуры были вырезаны артелью записных (высшей квалификации) московского Приказа Каменных дел резчиков под руководством Ивана Афанасьева сына Зимина «мерюю против обрасца архитектурского, какие надлежит по препорции» [Николаева, № 448, с. 392–394]. Возможно, иностранный архитектурный проект не детализировал художественное решение каждой скульптуры, а давал лишь габариты. Сходство одеяний подмокловских скульптур с изображениями на русских иконах того времени свидетельствует о близости мотивов, характерной для авторов, работающих в русском церковном искусстве. И, вероятно, фигуры апостолов несут на себе отпечаток авторства русского художника. Но независимо от того, из какого источника (русского или иностранного) они были восприняты, эти особенности в столь наглядном жанре, как круглая пластика, делали образы апостолов не только в высшей степени «живоподобными», но и относительно современными. Конечно, ко времени строительства Подмокловской ротонды петровские вельможи переоделись в новую европейскую одежду: кафтан, камзол, кюлоты и чулки. Тем не менее память о прежнем «дореформенном» покрое была

еще жива. Это напоминание о несколько старомодном внешнем облике из обихода русского двора, на наш взгляд, имело вполне определенную цель: вернуться ко временам пятидесятилетней давности, когда только формировалась ассоциативная связь между образом апостолов и придворных, а также церковных интеллектуалов, «слуг Премудрости».

Интересно проследить процесс формирования этой ассоциации. Восприятие апостолов верующими из образованного слоя во второй половине XVII в. претерпело существенное изменение. Богослужбные тексты, написанные византийскими гимнографами и используемые в Русской церкви с момента принятия христианства, подчеркивали «некнижный», сверхъестественный дар учеников Христовых. В них традиционно противопоставлялась Божественная Премудрость, действовавшая через апостолов, и *человеческая* мудрость философов: «Петр витует [т. е. ораторствует, проповедует. — Д. К.], и Платон умолче: учит Павел, Пифагор постыдеся: и прочий апостольский богогласный собор, еллинское мертвое вещание [здесь: греческое отмершее учение. — Д. К.] погребает, и мир воставляет к службе Божии»¹⁹. Подобные богослужбные тексты развивают мысль апостола Павла, в которой простота, невежество (слав. «буйство») христианских проповедников является благоприятным и даже необходимым условием для действия Божественной Премудрости: «в премудрости Божией не разуме мир премудростию Бога, благоизволил Бог буйством проповеди спасти верующих. <...> зане бует Божие премудрее человек есть, и немощное Божие крепче человек есть» (1 Кор. 1: 21, 25).

В московской аристократической культуре во второй половине XVII в. изначальная оппозиция «буйства» апостольской проповеди и античной образованности нивелируется. Образ апостола становится востребован в придворной интеллектуальной среде, которая высоко ценила античность и ее производную — западноевропейскую образованность. Эта новая культурная ориентация оказалась предметом нападков со стороны традиционалистов. Но примечательно, что лидеры двух противоборствующих лагерей — и протопоп Аввакум, и Симеон Полоцкий — ассоциировали себя с апостолами,

17 См., например, икону Карпа Золотарева «Апостолы Петр и Павел» из церкви Покрова в Филях, конец XVII века.

18 См. изображение ев. Марка, «Исцеление тещи ап. Петра», «Притчу о безумном богаче» и др. в Библии Пискатора.

19 Песнь 9. Ин трипеснец, глас 6 на Утрени 3 седмицы Великого Поста [Триодь Постная, л. 264–264 об.].

Рис.9. Портрет царя Алексея Михайловича
Германия. Вторая половина XVII в.

при этом каждый исходил из собственной парадигмы. В случае с Аввакумом подобное проявление самосознания уникально для древнерусской традиции. Оно является следствием его напряженного ощущения конца времен, в ситуации которого он видел свою роль без оглядок на сложившиеся до этого правила приличия, выражавшиеся в благочестивой дистанцированности по отношению к святым [Плюханова]. В его писаниях большое количество прямых цитат и реминисценций слов апостола Павла, которые он использует как свою прямую речь, при этом его незаурядный литературный талант облечен в нарочито мужицкую «некнижную» стилистику в соответствии с высказываниями св. Павла. Пример Аввакума в уподоблении себя апостолу не имел развития в среде старообрядцев. Напротив, соотнесение себя с апостолами вполне закономерно для «латинствующего» направления, т. к. вытекает из общеевропейской

барочной тенденции видеть в литераторе (поэте — в первую очередь) «переводчика смыслов и помыслов Бога», усвоенной сначала в Киеве, а после и в Москве [Панченко, с. 173–177]. На формирование подобного подхода большое влияние оказал польский поэт и теоретик Мацей Казимеж Сарбевский, труды которого получили европейскую известность и признание. Симеон Полоцкий был с ними хорошо знаком. Традиция видеть в ученом писателе и поэте фигуру, ближе всего стоящую к Богу, стала во многом определяющей для придворной культуры. Так, царь Федор Алексеевич сравнивал интеллектуальные способности Сильвестра Медведьева с апостольским даром: «разумею яко не туне почит на тебе дар первы апостолы данный дух премудрости иже при тебе есть» [цит. по: Устрялов, т. II, с. 342, прим. 15].

Судя по всему, духовный сан придворных поэтов-богословов Симеона Полоцкого

и Сильвестра Медведева (оба были иеромонахами) поначалу снимал остроту несоответствия статуса святого апостола живому человеку. Примечательно, что и внутреннее ощущение протопопа Аввакума себя как носителя священного сана сподвигало его на пламенную борьбу в традиции библейских пророков и апостолов, защищавших чистоту веры в языческом окружении. Постепенно священство перестало играть определяющую роль в проекции апостольского образа на просвещенного человека. Стало достоянием наличие образования.

В контексте нашего исследования ссылки на апостольский дар Премудрости и на деятельность христианских просветителей как «переводчиков смыслов Бога» заставляют нас обратиться к сюжету Пятидесятницы, имеющему программное значение для Подмокловской ротонды²⁰. Самым очевидным проявлением сверхъестественного дара этого события была способность апостолов говорить на *иностранных языках*, что дает нам еще одну параллель с интеллектуальной средой того времени. Сознанием просвещенных русских людей было усвоено, что не только русский и греческий языки могут считаться благочестивыми и приемлемыми для православного. На любом языке может быть сообщена Божественная Премудрость. Произошел перелом в отношении к иностранным языкам, против которых в средневековом русском обществе бытовало суеверное предубеждение [Бусева-Давыдова, с. 65–66], но которые стали востребованы в русском государстве, присоединившем территории, ранее входившие в состав Речи Посполитой. И здесь образ апостолов подходил как нельзя лучше. Изучение иностранных языков стало вопросом престижа. Знание польского и латыни позволяло осваивать и другие науки «тривиума» и «квадривиума». Учениками Симеона Полоцкого были царские дети и отпрыски известных боярских фамилий. Мы предполагаем, что в их числе был и Григорий Долгоруков, с одиннадцатилетнего возраста живший в царском дворце [Власьев, с. 41.]. Знания, полу-

ченные от Симеона, как позже и от других ученых-монахов, расширяли круг лиц, к которым применялась ассоциация с апостолами. В конце концов, как мы убедимся, в петровское время ассоциативная связь между придворными и апостолами уже не вызывала ни у кого смущения и стала общим местом настолько, что даже вошла в богослужебные тексты. В знаковой системе новой культуры, активно формируемой Петром I, апостолы заняли центральное место.

Но еще раньше начала всех петровских реформ ассоциация просвещенных аристократов с апостолами проявилась в иконографии и структуре иконостасов конца XVII в. Как известно, появление апостольского Деисуса в Русской церкви связано с именем патриарха Никона, который перенял его из греческой церковной практики. Несколько десятилетий спустя структура русского иконостаса начинает трансформироваться. В композиции иконостасов конца XVII — начала XVIII вв. нередко использовалась схема расположения апостолов двумя зеркально симметричными скученными группами относительно центральной иконы деисусного яруса, где Христос Спаситель восседает на троне с предстоящими Богородицей и Иоанном Крестителем. Эти группы апостолов часто написаны на двух досках, размеры которых отличаются от других икон в общей структуре иконостаса (рис. 10).

Их иконография соответствует типу «Святого собеседования» (*Sacra Conversatione*). Свободные позы и особое внутреннее соотношение фигур выделяют этот чин из общей композиции. Плотная группировка апостолов в развороте на центральную фигуру Спасителя на троне вызывает аллюзию на группу придворных перед монархом²¹. В русской культуре второй половины XVII в. сближаются образы царя и Бога: монарх сакрализуется, а в иконописи появляются изводы, где Христос и Богородица изображаются в царском достоинстве [см.: Бусева-Давыдова, с. 207–209, 229–237]. Закономерно, что и вторая ступень социальной лестницы приобретает новое прочтение: придворные ассоциируются с апостолами. *Продолжение следует.*

20 Об этом см.: Пилипенко. Исследователю удалось расшифровать принцип расстановки скульптур апостолов и евангелистов на галерее второго яруса ротонды. Он состоит в том, что пары апостолов стоят на противоположных диаметрах плана церкви и соответствуют списку из книги Деяний апостолов, где попарно перечисляются ученики Христа накануне дня сошествия Святого Духа.

21 Примеры: церковь иконы Божией Матери «Знамение» в Дубровицах, церковь Преображения Господня в московском Новодевичьем монастыре, иконостас из церкви Трех Святителей на Мясницкой, ныне в церкви Иоанна Воина на Якиманке в Москве.

Рис.10. Апостольский деисус.
Знаменская церковь в с.Дубровицы

Список литературы

1. Андросов С. О. Петр Великий и скульптура Италии. СПб, 2004.
2. Балдин В. И. Троице-Сергиев монастырь. История и формирование архитектурного ансамбля // Балдин В. И., Манушина Т. Н. Троице-Сергиева лавра. Архитектурный ансамбль и художественные коллекции древнерусского искусства XIV–XVII в. С. 9–242.
3. Баранова С. И. Золотой век московской архитектурной керамики // Стиль московского изразца. М., 2005. Без страниц.
4. Бусева-Давыдова И. Л. Культура и искусство в эпоху перемен. Россия семнадцатого столетия. М., 2008.
5. Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2009.
6. Вздорнов Г. И. Старинные описания и рисунки церкви Знамения в усадьбе Дубровицы // Русское искусство XVIII века: материалы и исследования. М., 1973. С. 20–29.
7. Власьев Г. А. (сост.). Потомство Рюрика: материалы для составления родословий: в 2 т. Т. I: в 3 ч. СПб., 1906–1907.
8. Голубинский Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903.
9. Долбнин В. Г. Православные святые Стрельны. СПб., 2013.
10. Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2005.
11. Куницкая Е. Р. Меншикова башня // Архитектурное наследие. Т. IX. М.-Л., 1959. С. 157–168.
12. Лавров А. С. Колдовство и религия в России: 1700–1740 гг. М., 2000.
13. Малиновский К. В. Доменико Трезини. СПб., 2007.
14. Малиновский К. В. Санкт-Петербург XVIII века. СПб., 2008.
15. Михайлов А. Подмокловская ротонда и классические веяния в искусстве петровского времени // Искусство. 1985. №9. С. 64–70.
16. Мозговая Е. Б. Скульптура в ансамбле православного храма XVIII столетия // Культура-Искусство-Религия. Проблемы взаимодействия: сб. по уч.-метод. вопр. Л., 1990, С. 19–25.
17. Николаева М. В. Частное строительство в Москве и Подмосковье. Первая четверть

- XVIII в. Подрядные записи: в 2 т. М., 2003–2004.
18. Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973.
19. Пекарский П. Материалы для истории иконописания в России // Известия Императорского Археологического общества. Т. V. Вып. 5. СПб., 1865. Стб. 317–335.
20. Пилипенко А. Д. К семантике скульптурного ансамбля храма Рождества Богородицы в Подмоклово // Палладио и классическая традиция: материалы международной научной конференции, посвященной 500-летию Андреа Палладио. М., 2014. С. 299–308.
21. Плюханова М. Традиционность и уникальность сочинений протопопа Аввакума в свете традиции Третьего Рима // Christianity and the Eastern Slavs: in 3 vols. Vol. I: Slavic Cultures in the Middle Ages (California Slavic Studies. Vol. XVI)/ed. by B. Gasparov and O. Raevsky-Hughes. P. 297–327.
22. Подъяпольская Е. Н. Памятники архитектуры Московской области. Вып. 1. М., 1999.
23. Полное собрание постановлений и распоряжений по Ведомству православного вероисповедания Российской империи. Т. II. СПб., 1872.
24. Рындина А. В. Большой Московский Собор 1666–1667 годов и судьба русской храмовой скульптуры // Вопросы искусствознания. 1997. № 1 (10). С. 198–207.
25. Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 6 книгах. СПб. 1896.
26. Три века: Россия от смуты до нашего времени: исторический сборник: в 6 т./под ред. В. В. Каллаша. М., 1912–1913.
27. Триодъ Постная. Московский печатный двор. 24.09.1630 г.
28. Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого: в 6 т. СПб., 1858–1863.
29. Ухналев А. Е. К творческому портрету архитектора Теодора Швертфегера // Архитектурное наследство. № 57. 2012. С. 152–165.
30. Щенков А. С. Храмы XVIII — первой трети XIX вв. // Архитектура русского православного храма/под общ. ред. А. С. Щенкова. М., 2013.

THE SCULPTURES OF APOSTLES ON THE FACADE OF THE TEMPLE OF THE NATIVITY OF THE HOLY VIRGIN IN PODMOKLOVO

Krjukov Denis Vitaljevich, Protopriest,

Archpriest of the temple of the Nativity of the Holy Virgin in Podmoklovo,
research fellow of Dmitry Likhachyov Legacy Institute,
e-mail: ml-arhangel@yandex.ru

Abstract

The present study is an attempt to interpret the sculpture decoration of the Church in Podmoklovo according to the sign system of aristocratic culture during the reign of Peter the First. In this particular example one can see that his reformation not so much broke the tradition, as transformed it, developing the tendencies, that had already appeared in the middle of the 17th century. The religious character of the transformative actions made by the tzar's companions should be acknowledged the key factor for understanding of this phenomenon.

Keywords

The Church in Podmoklovo, Prince Grigory Dolgorukov, religious sculpture, enlightenment, apostolate, Peter's reformations.

RAR
УДК-93
ББК-71

НАРОДЫ ПОВОЛЖЬЯ В ПОЭМЕ «ПУГАЧЕВ» С. А. ЕСЕНИНА

Поль Дмитрий Владимирович,

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет», 8-916-325-99-56, e-mail: pol-d-v@yandex.ru.

Аннотация

Волжский регион по праву считается «становым хребтом» России, а во взаимоотношениях народов, его населяющих, как в зеркале отображаются общероссийские проблемы. Особую роль в развитии межкультурных коммуникаций народов Поволжья сыграла русская словесность, в которой формировались и закреплялись различные модели восприятия и отношения русских и татар, чувашей, калмыков и др. В поэме С. А. Есенина «Пугачев», созданной на излёте Гражданской войны, едва ли не впервые в русской литературе народы Поволжья были изображены не с национально-культурных, а с социально-мифологических позиций.

Ключевые слова

Народы Поволжья в русской литературе, С. Есенин, мифологизация истории.

Столетиями Волга выступает в качестве одного из самых популярных символов России. Образ великой реки отобразился во множестве произведений народного творчества, художественной литературы, живописи, кинематографа, музыки. Множеством невидимых, но прочных нитей Волга связана с основами общероссийского бытия. Великая река, протянувшаяся более чем на три с половиной тысячи километров, тысячелетиями выступала и как транспортная артерия, и как кормилица для народов, обитавших на её берегах. История становления России как государства — это есть и борьба за Волгу. Иоанн Грозный — первый правитель на Московском престоле, над которым был совершён чин помазания на царство, также является и первым правителем, полностью подчинившим волжский торговый путь, который с 50-х годов XVI столетия и по настоящее время остаётся в пределах одного государства. В результате произошло постепенное отождествление реки с Россией, Волга становится становым хребтом общерусской ментальности, в которой утверждение значимости других рек — Дона, Днепра, Двины, Оби, Енисея, Лены, Амура и др. — не отменяет

признания её исключительного положения. В народной песне и в массовом сознании это закреплено на уровне ассоциации с матерью. Если батюшкой признаётся Дон, и даже Амур, то матушкой только Волга. Однако Волга является «матерью и кормилицей» не только в русском национальном сознании, но и в народной культуре многих народов России.

Несмотря на очевидное доминирование русских, Волжский регион удивительно многонационален и поликультурен, а Поволжье исторически является одним из самых сложных с точки зрения взаимодействия культур, народов и конфессий регионов России. На протяжении столетий здесь взаимодействовали и взаимодействуют христианство, ислам, буддизм и язычество. Не всегда подобные контакты носили конструктивный характер. В истории немало примеров конфликтов между народами, в том числе и в связи с вхождением в состав России. «Обращаясь к проблемам национальной политики в Российской империи и не отрицая того факта, что она, как, кстати, и многие другие полиэтнические образования, формировалась не только

путём добровольного, но и насильственного присоединения территорий, следует сказать о явной надуманности до сих пор имеющих хождение утверждений о России как «тюрьме народов» [4. С. 26]. Особенно это очевидно при сопоставлении с другими крупными государствами, объединившими многие регионы — Британской империей, США, Османской империей и др. Именно поэтому «в российском метацивилизационном пространстве многие как добровольно присоединившиеся, так и силой покорённые народы не исчезали и не загонялись в резервации, а получали возможность полноценного культурного и социального развития» [4. С. 26]. Для России была характерна удивительная гибкость в управлении территориями, проистекавшая и из значительной автономии региональных элит, подчас лучше, чем центральные власти, учитывавших местную специфику, и из колоссального влияния литературы, вдохновляемой идеалами гуманизма, на внутреннюю политику страны. Роль словесности в формировании единого общероссийского культурного пространства особенно заметна с начала XIX столетия, когда во множестве художественных произведений были представлены не только разнообразные культурные модели, по терминологии Ю. М. Лотмана, но и различные способы изображения иных народов, в том числе и Поволжья.

А. Н. Островский, А. Ф. Писемский, С. В. Максимов и др. писатели второй половины XIX века в целом ряде своих произведений представили быт и духовную культуру народов Поволжья, в том числе и различных русских этносоциальных групп. В результате в «русской классической литературе создаётся обширная инациональная «антология»: художественная легитимация инациональных явлений, прописывание этнических образов многоликих национальных миров огромного российского космоса» [9. С. 17]. Данная линия на изучение народов России, вопреки множествам социально-политических потрясений, была продолжена и в XX веке. Особый интерес представляет то, как в кризисную эпоху, к которой, вне всякого сомнения, можно отнести Революцию и Гражданскую войну в России 1917–1922 гг., художественный текст выступает как «транслятор» различных моделей этнокультурного и социального развития.

Поэма С. А. Есенина «Пугачев», написанная (1921) и опубликованная (1922) на исходе Граж-

данской войны в России, являет собой замечательный пример того, как один и тот же художественный текст выполняет сразу несколько функций, органично связанных между собой. С одной стороны, поэма стала едва ли не первой попыткой самостоятельного художественного переосмысления и даже полемики с пушкинской трактовкой крестьянской войны, с другой — отобразила многочисленные нюансы отношений русского крестьянства к происходившим на рубеже 1910-х — 20-х гг. в России и в мире событиям, стала ярким примером мифологического прочтения отечественной истории. Есенин очень высоко оценивал «Пугачева» (1921), считая его одним из самых значительных своих произведений, что сильно контрастирует с последующими научными, критическими и читательскими оценками, как правило, отдававших предпочтение другим есенинским текстам.

В поэме «Пугачев» Есенин попытался воссоздать принципиально отличную от пушкинской («Капитанская дочка» и «История Пугачева») картину народного возмущения в 1772–1775 гг. В целом Есенину это удалось, вот только пушкинский историзм и взвешенность оценок событий далёкого прошлого оказались недостижимыми: поэме свойственно откровенно мифологическое прочтение отечественной истории, что очевидно как в оценках главного героя, предводителя восстания — Емельяна Пугачева, так и его сподвижников. Эту особенность произведения увидели критики и политики начала 1920-х годов. Так, Л. Д. Троцкий заметил, что «Пугачёв изъясняется как отягощённый образами романтик» [10. С. 64]. Е. И. Шамурин в 1922 году утверждал, что «Пугачев Есенина не реален. Он — романтическая фигура, плод творческой мечты поэта» [3. С. 280]. М. Цейтлин в своей рецензии 1922 г. отметил, что языком имажинистов «говорят все герои трагедии» [11. С. 23]. Я. З. Черняк, Г. Ф. Устинов, П. С. Коган и др. [12. С. 144–153] обратили внимание на осовременивание истории в поэме. Всесторонняя изученность «Пугачева» в начале 1920-х годов определила особенности его дальнейшей интерпретации. «Прижизненная критика отнеслась к «Пугачеву» с таким исключительным вниманием, что в последующие годы исследователи лишь углубляли и обосновывали уже прозвучавшие мысли» [12. С. 161]. Тем не менее и по настоящее время мало исследованным остаётся изображение поэтом русских крестьян,

казаков и народов Поволжья — калмыков (кочевья которых в XVII–XVIII вв. находились в среднем и нижнем течении Волги) и татар.

Очевидно, что Есенина в поэме не устраивает прочтение восстания Пугачёва как исключительно русского мужицкого бунта. Автор стремится придать восстанию универсальное звучание. И сразу за картиной Яицкого городка, обрисованного как типичный провинциальный русский городок, следует глава «Бегство калмыков», посвящённая одной из самых драматичных страниц в истории России и калмыцкого народа — откочёвке (исходу) большей части калмыков с Волги в Китай. В российской историографии тысячевёрстный путь примерно 170 тысяч калмыков («Торгутский побег» или «Пыльный поход») в 1771 году был освещён очень слабо. Пара — тройка абзацев в историях Н. М. Карамзина, С. М. Соловьёва, В. О. Ключевского — вот, собственно, и всё. Гораздо больший интерес к данному событию проявили писатели. В «Истории Пугачева» А. С. Пушкин рассмотрел этот эпизод всемирной истории, отметив «человеколюбие» китайского императора и бесстрастно, воздерживаясь от каких-либо оценок, рассказал о действиях российских чиновников.

В отличие от Пушкина Есенин в «Пугачеве» рассмотрел «исход калмыков» в Китай с социально-классовых позиций. Поэт отстаивает актуальный для революционных лет тезис о родстве эксплуатируемых. В результате бегущие от «российской чиновничьей неволи» кочевники воспринимаются как близкие казакам [1. С. 13], а не предатели, «передавшиеся» Китаю [1. С. 14]; в то же время Тамбовцев и Траубенберг — казачьи начальники — как чуждые, проводящие враждебную народу политику. Поэтому, изображая «исход калмыков» в Китай, Есенин использует приём монтажа, располагая две, на первый взгляд, прямо не связанные между собой картины — появление Пугачева в Яицком городке и калмыки, покидающие Россию. Обе сцены роднят картины социального неблагополучия, вызванного политикой власть предержащих.

Ради создания картины общего возмущения притеснённых против несправедливости власти Есенин игнорирует исторически существовавшие проблемы во взаимоотношениях между восставшими крестьянами и кочевниками, русскими и татарами, башкирами, в результате «подружилась с твоими селами скуломордая та-

тарва». Нивелируя существовавшие между народами Поволжья противоречия, Есенин вкладывает в уста казачьего сотника Кирпичникова протест против власти богачей и призыв к единению угнетённых, к которым оказываются отнесены и калмыки, и казаки:

За Россию нам, конечно, больно, // Оттого что нам Россия — мать. // Но мы ничуть, мы ничуть не испугались, // Что кто-то покинул наши поля, // И калмык нам не желтый заяц, // В которого можно, как в пищу, стрелять. // Он ушел, этот смуглый монголец, // Дай же бог ему добрый путь. // Хорошо, что от наших околиц // Он без боли сумел повернуть [1. С. 15].

В интерпретации С. Есенина выступление яицких казаков, «побег калмыков» и пугачёвский бунт сливаются в единое целое, что отличается от сложившейся в исторической науке и в пушкиниане трактовки данных событий. Так, Пушкин, признавая в «Истории Пугачёва» [5. С. 681–714] и в «Капитанской дочке» [6. С. 597–642] связь волнений на Яике с последовавшим восстанием Емельяна Пугачёва, тем не менее не объединял эти события в одно. Для историков важнейшим отличием двух событий являлся круг его участников: Яицкое восстание прежде всего стало возмущением казаков против лишения прежних привилегий, пугачёвское движение — протестом казачества и инородцев (под этим названием прежде всего понимались народы Поволжья) против притеснений со стороны государства, а крестьянства — против крепостничества. Для Есенина восстания 1772 г. и 1773–1775 гг. — всего лишь эпизод в длинной и нескончаемой борьбе за свободу всех угнетённых. Неслучайно Емельян Пугачев после очередного поражения намерен бежать на Восток и вновь продолжить войну, опираясь на азиатские народы, хранящие древние архаичные силы.

О Азия, Азия! Голубая страна, // Обсыпанная солью, песком и известкой. // Там так медленно по небу едет луна, // Поскрипывая колесами, как киргиз с повозкой. // Но зато кто бы знал, как бурливо и гордо // Скачут там шерстожелтые горные реки! // Не с того ли так свищут монгольские орды // Всем тем диким и злым, что сидит в человеке? [1. С. 47]

Упование на кочевую мощь сближает есенинскую поэму с блоковскими «Скифами» (1918); символично, что книги С. Есенина в 1921 году издавались издательством «Скифы» [3].

Утверждая извечный характер противостояния эксплуатируемых народов Поволжья, Есенин в «Пугачеве» осовременивает далёкое прошлое. С первых строк поэмы противопоставляются два мира — идеальный, архаичный, где «родное золото славян», где «мудрый наш мужик» «прилежно цедит молоко соломенное ржи», где в изобилии произрастают овёс и огурцы, «слышен прялки ровный разговор», и «реальный», в котором «всех связали, всех вневолили». «Старый», прошлый мир ассоциируется с прошлым и с Петром III, «новый», недавно наступивший, — с Екатериной и с её дворянами. С первых страниц поэмы Пугачёв сразу обнаруживает свою любовь к мужику, к патриархальным основам жизни. Устои неизменны, как и атрибутика Родины — «золото ржи», «мудрый наш мужик». Есенину важно подчеркнуть, что идеальной, архаичной Русью, к которой как раз и стремится вернуться Емельян Пугачёв, является не казачья, а мужицкая Русь, страдания которой и представлены в произведении. Исторические реалии степей Урала и Казахстана в поэме никак не обозначены, кроме слов персонажей, представляющих их как некую неизменную данность. И в этом отношении калмыки и татары, представленные в поэме, так же, как и русский мужик, страдают от властей, испытывая сильнейшее желание вернуться к прежнему, традиционному и потому идеальному состоянию.

Поэма «Пугачев» С. А. Есенина стала первым опытом художественного сближения народов Поволжья, прежде всего русских, крестьян и казаков, с калмыками и татарами на основе общей мифологическо-патриархальной картины мира. Именно эта картина мира определяет поведение Емельяна Пугачева, в то время как его противники или «изменники» руководствуются национально-историческими интересами. Так, Тамбовцев говорит о «долге перед Отечеством», а Крямин — о привычке кочевников к грабежу и убийству слабых. Есенин в поэме «Пугачев» сближает народы Поволжья через главного героя, воплощающего универсальную идею протеста против угнетателей, а также через утверждение значимости традиционных патриархальных ценностей. В этом отношении поэма стала первым примером объединения народов Поволжья на основе мифологизированно-традиционно прочитанного прошлого и столь же мифологизированно воспринимаемого будущего.

Список литературы

1. Есенин С. А. Пугачёв // Есенин С. А. П.с.с.: В 7 т. Т.3. Поэмы/Сост. и подготовка текстов Н. И. Шубниковой-Гусевой, коммент. Е. А. Самоделовой, Н. И. Шубниковой-Гусевой. М.: Наука; Голос, 1998. С. 7–51.
2. Критический словарь Русской революции 1914–1921/Сост. Э. Актон, У. Г. Розенберг, В. Черняев. СПб.: Нестор-История, 2014. 768 с.
3. Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: В 5 т. Т. 3. Кн. 1. 1921–10 мая 1922./Сост. тома В. А. Дроздова, А. Н. Захарова. Указатели В. А. Дроздова, Н. В. Михайленко, М. В. Скороходова. Отв. ред. Тома С. И. Субботин. Научная редакция тома Н. И. Шубниковой-Гусевой. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 476 с.
4. Народы и конфессии Приволжского федерального округа. Справочник для государственных служащих/Рук. авт. кол. В. Ю. Зорин. Изд. 2-е. М.: Издательство «МИР», 2003. 568 с.
5. Пушкин А. С. История Пугачёва // Пушкин А. С. Золотой том: Собрание сочинений. Издание исправленное и дополненное/Ред., библиографический очерк и примечания Б. Томашевского. М.: Издательский дом в Москве «Имидж», 1993. С. 681–714.
6. Пушкин А. С. Капитанская дочка // Пушкин А. С. Золотой том: Собрание сочинений. Издание исправленное и дополненное/Ред., библиографический очерк и примечания Б. Томашевского. М.: Издательский дом в Москве «Имидж», 1993. С. 597–642.
7. Россия в 1917 году: энциклопедия/Отв. ред. А. К. Сорокин. — М.: Политическая энциклопедия, 2017. 1095 с.
8. Самоделова Е. А. Историко-фольклорная поэтика С. А. Есенина Рязанский этнографический вестник. Рязань, 1998. 226 с.
9. Сарбаш Л. Н. Изображение жизни и верований народов Поволжья в русской литературе и публицистике XIX века/Л. Н. Сарбаш. — Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. 402 с.
10. Троцкий Л. Д. Литература и революция. Печатается по изд. 1923 г. — М.: Политиздат, 1991. 400 с.
11. Цейтлин М. О. Пугачев // Русское зарубежье о Есенине: В 2 т. Т. 2.: Эссе, очерки, рецензии, статьи/Вступ. ст., сост., коммент. Н. И. Шубниковой-Гусевой. М.: Инкон, 1993. С. 21–23.
12. Шубникова-Гусева Н. И. Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Чёрного человека»: Творческая история, судьба, контекст, интерпретация. — М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. 688 с.

PEOPLES OF THE VOLGA REGION IN THE POEM «PUGACHEV» OF S. A. ESENIN

Pole Dmitry Vladimirovich,

DSc in Philology,

professor of federal state budget educational institution of higher education «Moscow State Pedagogical University», Department of Russian literature

e-mail: pol-d-v@yandex.ru

Abstract

The Volga region is rightly considered the «backbone» of Russia, and in the mutual relations of the peoples inhabiting it, as in a mirror, all-Russian problems are displayed. A special role in the development of intercultural communications of the peoples of the Volga region was played by Russian literature, in which various models of perceptions and attitudes of Russians and Tatars, Chuvashs, Kalmyks, etc. were formed and fixed. In S. Yesenin's poem «Pugachev», created at the Civil War, is it not for the first time in Russian literature that the peoples of the Volga region were depicted not from the national-cultural, but from the social-mythological positions.

Keywords

Peoples of the Volga region in the Russian literature, S. Yesenin's work, mythologization of history.

ИМЕНА И СОБЫТИЯ ПРОШЛОГО

RAR
УДК 93
ББК 63.3

НЕИЗВЕСТНЫЙ АЛЬБОМ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ АНАСТАСИИ

Исаченко Татьяна Александровна,
доктор филологических наук, лауреат Макариевской премии,
ведущий научный сотрудник Центра Исследования проблем развития библиотек,
ФГБУ «Российская государственная библиотека»,
ул. Воздвиженка, д.3/5, г. Москва, Россия, 119019,
e-mail: isachenko33@yandex.ru

Аннотация

В центре внимания данной публикации — девичий альбом младшей дочери Императора Николая II — Великой Княжны Анастасии, малоизвестный исторической науке и ранее не исследовавшийся источник. Записи и даты, внесенные в альбом, охватывают период с июня 1912 по ноябрь 1917. Последняя запись альбома сделана в Тобольске 17 ноября 1917 г.

Ключевые слова

Династия Романовых, альбом Великой Княжны Анастасии, собрание Дворцовых библиотек, автографы.

Материалы фонда 492 ОР РГБ рукописи, принадлежавшие Романовым, относятся к широкому временному отрезку¹. Мы описали не-

сколько замечательных рукописей данного фонда, отметив их высокие исторические и художественные достоинства². Данная статья посвящена Альбому Великой Княжны Анастасии, в ней анализируются записи, заполняющие альбом.

Принято считать, что Великая Княжна Анастасия в 1917 г. уничтожила все свои дневниковые записи³, однако в собрании Дворцовых библиотек Отдела рукописей РГБ нами обнаружен

1 Из небольшого обзора, предвещающего описание, следует, что материалы, пополнявшие фонд 492, ранее принадлежали нескольким библиотекам семьи Романовых — династии, правившей в России с 1613 по 1917 гг.: библиотеке Стрельнинского дворца, Царскосельской дворцовой библиотеке, Библиотеке вел. вн. Михаила Николаевича (1832-1909) в Ново-Михайловском дворце, Эрмитажной библиотеке, Библиотеке Имп. Александра II в Зимнем Дворце, Библиотеке Имп. Александра III в Аничковом Дворце, Библиотеке Имп. Николая II в Зимнем Дворце, библиотекам в Мраморном Дворце и в Ильинском (экслибрисы вел. кн., прпмч. Елисаветы Феодоровны; 1864–1918 и вел. кн. Дмитрия Павловича; 1891–1942), библиотеке Имп. Александры Феодоровны. Л. Б. Максимова, в частности, отмечает: «Библиотека императрицы и вел. княжон в Зимнем дворце насчитывала ок. 2 тыс. томов, там же хранились и рукописи. Книги А. Ф. находились также в Ливадии,

Царском Селе, они отмечены экслибрисом и являются произведениями издательского и переплетного искусства» (Максимова Л. Б. Александра Феодоровна, мц. // Православная энциклопедия. Т. 1. М., 2000. С. 555).

2 Исаченко Т. А. Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 2 (22)/2018. С. 45–80.

3 Раппапорт, Хелен. Дневники княжон Романовых. Загубленные жизни [Текст]: [16+]/Хелен Раппапорт; [пер. с англ. А. Мовчан] М., 2018. С. 482, 543, прим. 60; с. 565, прим. 1.

Рис.1. Титульный лист альбома «Дума за думой. Памятная книга на каждый день»

Рис. 2. Великая Княжна Анастасия. 1915 г.

альбом, который принадлежал младшей дочери последнего Императора России⁴.

История появления данного альбома в фонде Дворцовых библиотек до конца не выяснена, однако можно предположить, что его поступление в Библиотеку имени Ленина относится к периоду расследований 1927–1934 гг., связанных с делом о так называемых «Романовских ценностях»⁵, либо к послевоенным (трофейным) поступлениям библиотеки.

Оформление книги нарядно и празднично — красный коленкорový переплет украшен кожаным корешком и уголками такого же цвета. Издание открывает титульный лист, на котором посеребренной вязью выведено название: «Дума за думой. Памятная книга на каждый день», ниже, в выходных данных: «СПб.: Изд-

во Товарищества М. О. Вольф, 1895». На дополнительном листе — эпитафия: «Дума за думой, лица за лицами/Милые тут имена;/Книга настольная — жизни страницами, Памятью сердца полна» (л. 4) (рис.1).

Эпитафия издания прямо связывает его содержание с «памятью сердца», ибо книга предназначена для памятных записей. И эти записи наполняют примерно две трети страниц альбома, хотя очевидно, что альбом заполнен не полностью.

На обороте верхней крышки альбома детской рукой выведено «От мамы и папы Анастасии Романовой. Петергоф. 5 июня 1912. Царское Село»⁶. Дата подписи указывает на день рождения Великой Княжны по старому стилю, из этого следует, что альбом, хранящийся в РГБ, был подарен Анастасии на ее 11-летие. Желание полу-

4 Альбом числится в ф. 492 под № 23 и содержит 450 страниц (227 листов).

5 Расследовалось ПП ОГПУ по Свердловской области.

6 Даты в альбоме выстроены в системе юлианского календаря и составляют разницу в 13 дней по отношению к принятому в России в 1918 г. григорианскому календарю.

Рис. 3. Великая Княжна Анастасия шутит

Рис. 4. Великие Княжны Мария и Анастасия Николаевны в сцене из Мольера

чить подобный альбом было выражено маленькой Княжной в одном из писем 1910 г. к матери, Императрице Александре Фёдоровне. Вот текст этого, чудом сохранившегося письма:

«На мой день рождения я хотела бы получить игрушечные расчески [для своих кукол-И. Т.], машину для письма, икону Николая Чудотворца, какой-нибудь наряд, альбом для наклеивания с картинками, потом еще большую кровать, какая была у Марии в Крыму. Я хочу настоящую собаку, корзину для использованной бумаги, когда я пишу какую-нибудь книгу или что-то другое... Еще книгу, в которой можно писать небольшие пьесы для детей, которые можно представлять»⁷ (рис.2).

Как видим, просьба юной Княжны не отличается от желания любого ребенка: ей хочется иметь то, что есть у других — «большую кровать, какая была у Марии в Крыму», «альбом для наклеивания с картинками», еще икону Николая Чудотворца — фамильный образ Царской Семьи, который она видит на половине родителей.

Характер юной Анастасии, острота ее ума и неумолимая изобретательность, отмеченные

в послереволюционной мемуаристике, позволяют воссоздать образ энергичной натуры, неугомонного характера, личности остроумной, отважной и...шаловливой (рис.3).

Полный титул Анастасии Николаевны звучал как Её Императорское высочество Великая Княжна Российская Анастасия Николаевна Романова, однако им не пользовались, в официальной речи называя её по имени и отчеству, а дома звали «маленькой, Настаськой, Настей, кубышкой» — за небольшой рост (157 см.) и кругленькую фигуру и «швыбзиком» — за подвижность и неистощимость в изобретении шалостей и проказ (рис.4)

По впечатлениям современников, «из всех детей в семье Российского Императора Анастасия выглядела менее всех «русской». У нее были темно-русые волосы, голубые глаза, как у Ольги и у отца, но чертами лица она очень напоминала свою гессенскую родню, семью матери (рис.5).

«Анастасия была крайне прямолинейна, даже со взрослыми. Она была самой младшей из четырех сестер, но именно к ней было приковано всеобщее внимание, Анастасия обладала прекрасным чувством юмора и хорошо умела развеселить всех и поднять всем настроение... Шестнадцатилетняя Анастасия, из всех трех оставшихся в Тобольске сестер, единственная сохранила незамутненное чувство радости в мире,

7 Раппапорт, Хелен. Дневники княжон Романовых. С.204, с ссылкой на публ.: Титов И. В. ОТМА: Несколько слов о великих княжнах Ольге, Татьяне, Марии и Анастасии Николаевнах // Дворянское собрание. 1996. № 4. С. 28–45.

Рис.5. «У Анастасии были темно-русые волосы, голубые глаза...»

Рис. 6. Великая Княжна Анастасия за мольбертом

который все теснее смыкался вокруг них. В письме Марии [в Екатеринбург — Т. И.] об их повседневной жизни она рассказывала ей: ««Наши мысли все время о вас, дорогие мои. Ужасно грустно и пусто. Я просто не знаю, что на меня находит. Конечно, у нас есть нательные крестики, и мы получили ваши новости. Итак, Бог помогает и поможет нам. Мы замечательно украсили иконостас на Пасху, весь в еловых шишках, как тут принято, и в цветах тоже. Мы сфотографировались...Мы качались на качелях, и я так смеялась, когда упала, такое приземление, честно!...У меня целый вагон новостей, которые хочется рассказать вам.. Мне жаль, что письмо такое сумбурное, но вы знаете, как порхают мои мысли, и я не могу все это записать, поэтому я набрасываю на бумагу все, что приходит в голову»⁸ (рис.6; рис.7).

8 Цит. по книге: Раппапорт, Хелен. Дневники княжон Романовых. С. 490, с ссылкой на публ.: Дневники Императора Николая II (1894–1918): В 2 т. Т. 2... С. 425–

Просьба об альбоме не была забыта. Желание Анастасии было выполнено через два года. Красивый альбом был преподнесен Анастасии и, видимо, пришелся ей по вкусу. Действительно, альбом столь интересен и многофункционален, он стал неразлучным попутчиком Анастасии во всех передвижениях. Судя по записям, в течение четырех лет альбом находился с великой княжной и в Петергофе, и на яхте «Штандарт» (на Балтике и в Крыму), в Ливадийском, Александровском дворцах, в Могилеве (Царскую Ставку повзрослевшая Анастасия вместе с сестрами посетила осенью 1916 г.), и в Тобольске. Данный альбом предназначен и для внесения в него записей, и для чтения на каждый день (календарные даты заполнены стихами русских поэтов), его также можно раскрашивать (одна из стра-

426. Записи данного письма, которое часто цитируют, значительно различаются.

Рис.7. Анастасия со своими рисунками

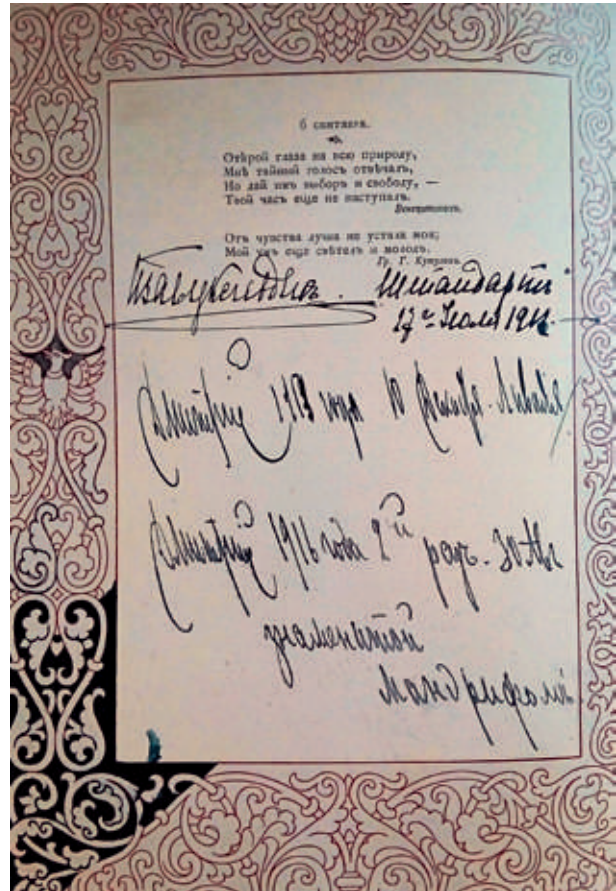

Рис.8. Лист, который начала раскрашивать Анастасия (с автографами баронессы С. К. Буксгевден и Вел. Кн. Дмитрия Павловича. На день 6 сентября)

ниц наполовину раскрашена Анастасией (рис.8), по нему можно вспоминать близких.

Итак, дата первой записи на обороте переплета указывает на день рождения Великой Княжны по старому стилю. Бросается в глаза некоторая несообразность дарственной надписи («От мамá и папá Анастасии Романовой...») правилам чистописания и праздничного оформления. Создается впечатление, что писавший слишком мал, чтобы быть знакомым с этими правилами — крупный, детский подчерк принадлежит либо Анастасии, либо, что кажется более вероятным, Цесаревичу Алексею, брату и душевному другу юной Княжны, которому в июне 1912 года еще не исполнилось 8 лет. Его автограф видим на л. 133 с датой 30 июля 1912 г. — подпись «Алексѣй» под недетскими стихами князя Вяземского:

И чувство, брошенное скрытно, // Залогом жизни в нашу грудь // Всегда одно и первобытно, // Чем было, тем оно и будь!

Подпись царевича Алексея, по сути, одна из первых записей лета 1912 года, она сделана через месяц после того, как альбом был подарен Великой Княжне. Это заставило нас предпо-

ложить, что надпись на обороте переплета выведена его рукой. Однако на самом деле это не так. Альбом подписан самой Анастасией, не отличавшейся прилежанием, ее неровным детским почерком (рис.9), о небрежности которого сохранились свидетельства очевидцев⁹.

Сначала думается, что ежедневник подносился для записей тем или иным лицам по выбору Анастасии, как игра в фанты, наугад, с предложением вписать пожелание владелице альбома на тот или иной день. Но анализируя и внимательно изучая автографы, мы видим череду дат, последовательность которых раскрывает основную загадку альбома — принцип его заполнения. И чтобы раскрыть тайну этих записей, нужно внимательно изучить все записи и проанализировать их.

9 Раппапорт, Хелен. Дневники княжон Романовых. Загубленные жизни... С. 147, 226.

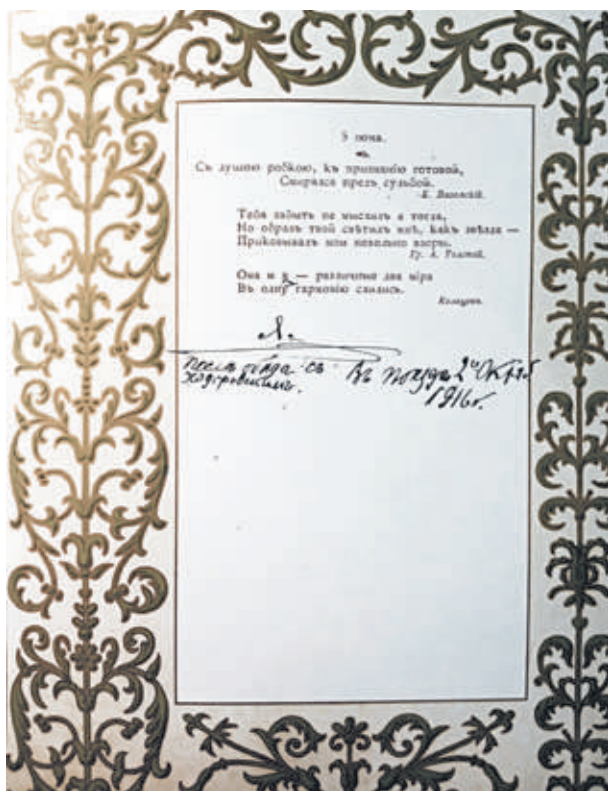

Рис. 9. Запись Анастасии, сделанная на странице 5 июня

Рис.10. Вел. Кн. Ольга Александровна. Автопортрет

Множество имен из ближайшего окружения Великой Княжны перемежается с обилием поэтических текстов, которыми, собственно, определяется содержание этого замечательного альбома. В нем мы видим автографы Императорской четы («мамА и папА» на с.163 и с.185), Вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны¹⁰ («бабушка» на с. 391), всех трех сестер и брата («Ольга» на с.379, «Татьяна» на с.189, «Мария» на с.126, «Алексей» на с.139), подпись великой княгини Ольги Александровны («крестная Ольга» на с.195) (рис. 10, рис.11, рис.12), автограф великого князя Павла Александрович и его детей — Марии и Дмитрия Павловичей («дядя Павел» на с. 327, «Дмитрий» на с.310, «Мария»), друг («Ольга Клейнмихель» и «Тата Клейнмихель» на 21 апреля и 27 апреля с.143 и 150, «Е. Зборовская» на с. 403, «Ольга Ломан» на 9 июня, с.204), фрейлин Импе-

ратрицы Анны Вырубовой и Анастасии Гендриковой («Аня» на с.248 и «Настенька» на с. 220), воспитателя («Pier Gillard» на с. 159), царского доктора («Евгений Боткин» на с. 187), офицеров Императорского Конвоя, командира и офицеров Императорской яхты «Штандарт», офицеров Царскосельского лазарета, подпоручиков и расквартированных в Царском Селе полков — всех тех, кто составлял окружение царской семьи — в Царскосельском дворце и Петергофе, на яхте «Штандарт», и в Ливадии, а потом в Тобольске.

Это — все те, кому маленькая Анастасия подносила альбом для внесения в него пожеланий, памятных записей, автографов.

Русская поэзия, которая наполняет альбом-ежедневник, отражает и личные настроения — в поэтических отрывках узнаются характеры и лица, тексты отражают и характер эпохи.

Нам уже приходилось говорить о том, что записи в альбоме Анастасии распределены неравномерно¹¹. Одни дни заполнены автогра-

10 Отчество русских Императриц — Феодоровна — до революции писалось и произносилось на церковный манер, связывая их сакральное наречение с образом Феодоровской Божьей Матери, родовой иконой Романовых.

11 Исаченко Т. А. Редкие рукописи Царской семьи и великой княгини Елисаветы Феодоровны в собрании

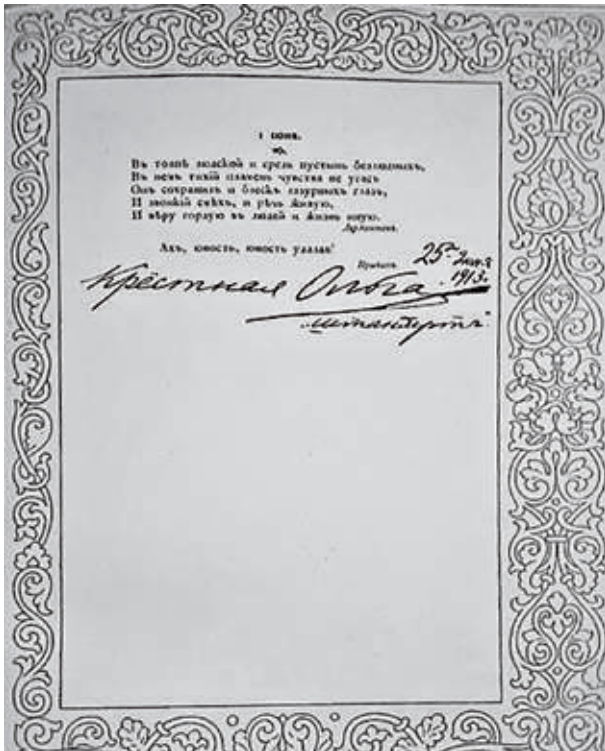

Рис. 11. Автограф Крестной Анастасии, Вел. Кн. Ольги Александровны

фами более плотно, другие менее. Иногда разные записи датируются одним и тем же числом, хотя в альбоме они разбросаны по «своим» дням. Так, в один и тот же день 23 июня 1912 в дневник Анастасии были внесены сразу 7 записей: Императрицы Александры Феодоровны (с.163), Великих Княжон Ольги (с. 379), Татьяны (с.185), Марии (с.126), контр-адмирала И. И. Чагина¹² (с. 389), офицеров яхты «Штандарт» Н. В. Саблина (с.138) и П. А. Воронова (с. 445 на день 29 декабря; последняя запись альбома). И этому факту «одновременности» также есть свое объяснение — записи «привязаны» не только к дням рождения писавших.

В июне 1912 года европейская пресса активно обсуждала предстоящее событие, которое могло

Дворцовых библиотек Российской государственной библиотеки // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 2 (22). С. 45–80. DOI: 10.24411/2224-5391-2018-10202.

12 Контр-адмирал Иван Иванович Чагин с 7 ноября 1905 по 11 октября 1912 г. командовал Императорской яхты «Штандарт». Осенью 1912 года «Штандарт» опять налетел на камни в финских шхерах, и хотя Чагин был оправдан, он считал себя виновным и застрелился.

Рис. 12. Великие Княжны с любимой тетей Ольгой

изменить ситуацию в мире — встречу двух монархов сильнейших стран: Императора России и Кайзера Германии.

Встреча состоялась 22 июня/5.07 по н.ст 1912 года по ст. ст. Правительства всех стран Европы ждали результатов предстоящей встречи в России... Печать обоих государств — России и Германии — уделяла немало места предстоящему свиданию. «Немецкая пресса с восторгом писала, что переговоры двух монархов будут иметь выдающееся политическое значение как залог прочности традиционной русско-германской дружбы. Лейтмотивом русских газет был тезис о том, что дружба с Германией не должна поколебать основ новой российской дипломатии... Из газеты «Речь» от 5 июля (22 июня, по старому стилю) 1912 года: «На рейде Балтийского порта на яхте «Hohenzollern» состоялась встреча Государя Императора с Императором Вильгельмом. В 12-м часу утра Император Вильгельм прибыл на яхту «Штандарт», где в 1 ч. дня состоялся завтрак на 50 кувертов. В 8 час. вечера на яхте «Штандарт» состоялся парадный обед»¹³.

Совершенно очевидно, что вся Семья находилась в это время в Балтийском Порту, что под-

13 Материалы сайта «Дневник Истории России» (<http://diaryr.ru/historical-photos/wilhelm-ii/>).

Рис.13. Автограф Великой Княжны Ольги Николаевны на день 3 ноября

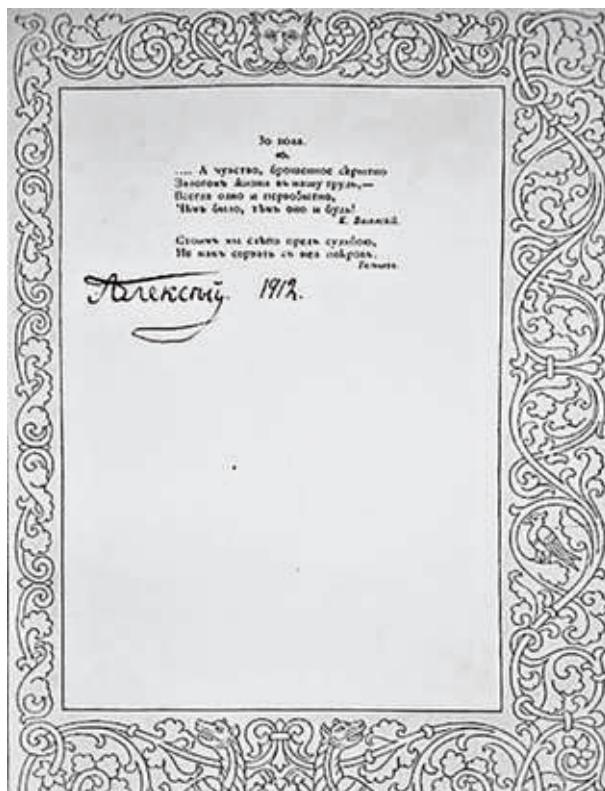

Рис. 14. Автограф Наследника Цесаревича Алексея на день 30 июля

тверждается сохранившимися фотографиями. Днями позднее в Ревеле произошла закладка военного порта «Император Петр Великий» и торжества по этому случаю. Кроме того, 23 июня (6 июля по н. ст.) — день празднования Собора Владимирских святых и Владимирской иконы Божией Матери, под Покровом Которой всегда ощущала себя Царская Семья¹⁴. 23 июня 1912 Анастасия поднесла свой альбом для записей сразу нескольким лицам. Так оказалось, что семь записей на разные дни отмечены одной и той же датой — 23.06.12.

В тот же день встреча завершилась. Император Всероссийский и Кайзер Германии пообщались как родственники, провели совместный парад и ... ни о чём не договорились...18 июля/1

14 Царская Семья чтит все памятные дни, связанные с чтимыми Образами Богородицы — Феодоровской, Знамения, Казанской, Смоленской. До возведения Феодоровского Государева Собора в Царском Селе Императорская Семья, как правило, присутствовала на Богослужениях в церкви Знамения, находившейся в дворцовом парке.

августа (по н. ст.) 1914 года Германия объявила войну России. Началась Первая Мировая война.

Итак, каждая из записей альбома, как мы видим, приурочена к определенному календарному дню, а страница книги имеет соответствующее оформление согласно времени года. Кроме того, каждый из дней сопровождается строками русской поэзии. День 3 ноября представлен на с. 379 четверостишием А. Толстого, строками Пушкина и Жуковского:

Тебя так любят все // Один твой тихий взгляд
// Всех делает добрей // И с жизнью примиряет
<А. Толстой>

Смиренье в ней преобразалось нежно
<А. С. Пушкин>

Здесь Божий мир, ничто здесь не случайно
<В. А. Жуковский>

На листе под стихами выведено имя сестры — Великой Княжны Ольги, с характерным росчерком на конце (рис.13).

Совпадение поэтического образа с обликом старшей из Великих Княжон Романовых, знакомым по фотографиям и воспоминаниям, пона-

Рис. 15. Автограф Великой Княжны Татьяны Николаевны на день 29 мая

Рис.16. Великие Княжны Ольга и Татьяна Николаевны на яхте Штандарт

чалу сбивает исследователя с толку, ибо трудно поверить в случайность выбора, начинает казаться, что существует некий принцип в отборе раскрытых для записей страниц, и что раскрытые страницы — выбор самой Анастасии. В данном случае начинаем предполагать, что альбом был раскрыт перед Ольгой на конкретном листе с заданным стихотворением по выбору Анастасии. Но тогда несообразным детскому воображению представляется стихотворение кн. П. А. Вяземского, предложенное царевичу Алексею («И чувство, брошенное скрытно...»), под которым стоит подпись маленького Цесаревича (рис. 14).

Трудно сегодня объяснить выбор именно этого стихотворения 8-летним ребенком. Возможно, Анастасия предложила указать страницу наугад, и жребий пал на л.133. Встает вопрос: что предопределяло выбор текстов, в какой системе живут и трансформируются автографы, даты и тексты в «памятной книге на каждый день» Вел. Княжны Анастасии?

На день 29 мая оставляет свой автограф Великая Княжна Татьяна, с аналогичным Оль-

гинуму росчерком на конце. На данный день ей выпало четверостишие А. К. Толстого: «Все, что зовут: серьезные дела — /Я ненавижу с детства инстинктивно./Не говорю, чтоб в этом был я прав,/Но видно так уж мой сложился нрав» <Гр. Алексей Толстой> (рис. 15, 16).

На день 25 мая в альбоме предложено стихотворение Каролины Павловой, под которым оставляет свою запись Государыня Императрица, сопровождая ее той же датой: «Мама. 23 июля 1912. Штандарт»:

Мы, в коих ныне силы мало,/Чтоб настоящее нести, — /Мы опускаем покрывало/На все, что душу волновало,/И шепчем тихое: прости! < Каролина Павлова.>¹⁵ (рис.17, 18).

Выбирая «свой» день 6 мая, на с.163 альбома оставляет запись Государь Император Николай II: «Папа. Июль 1912. Рейд Штандарт» (рис.19, 20).

15 Павлова К. К. «Люблю я вас, молодые девы». Опубл.: Собрание сочинений в двух томах, под редакцией В. Брюсова, издательство К. Некрасова. М., 1915.

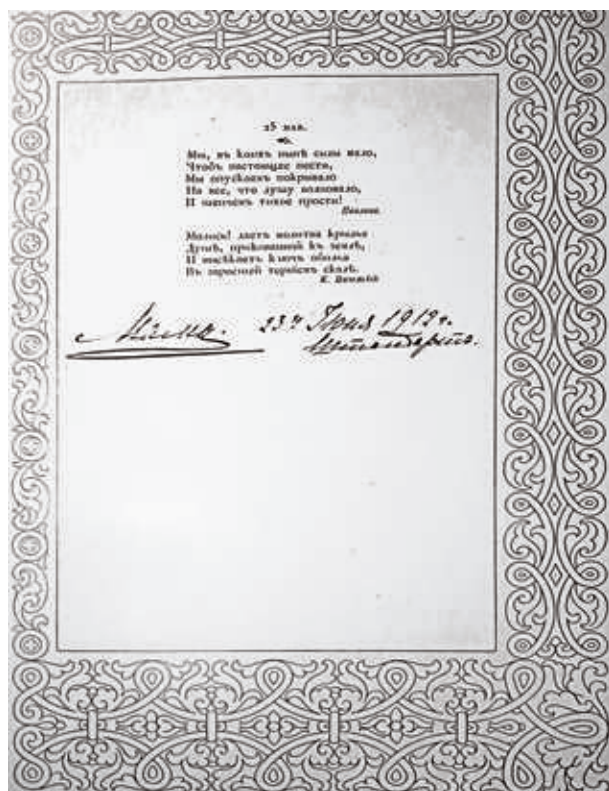

Рис.17. Автограф Государыни Императрицы на день 25 мая/6 июня по н.ст.

Рис.18. Императрица Александра Феодоровна

На этот день в альбоме предложены стихотворения Державина и Голенищева — Кутузова:

Я князь — коль мой сияет дух/Владелец —
коль страстями владею./Болярин — коль за всех
болею/Царю, закону, Церкви друг. <Гавриил Державин>¹⁶

Вчитываясь в стихотворение Державина, как и в предыдущем случае, не перестаешь удивляться точному соответствию поэтического образа — как будто издатель предугадал день 6 мая, заполнив страницу возвышенными строками великого поэта. Вот, например, расширенный фрагмент этого поэтического шедевра Державина:

Великий Петр, как некий бог,/Блистал величием в работе:/Почтен и в рубище герой!/Екатерина в низкой доле/И не на царском бы престоле/Была великою женой./И впрямь, коль самолюбья леств/Не обуяла б ум надменный, —/Что наше благородство, честь,/Как не изящности душевны?/Я князь — коль мой сияет дух;/Владелец — коль страстями владею;/Боля-

рин — коль за всех болею,/Царю, закону, церкви друг./Вельможу должны составлять/Ум здравый, сердце просвещенно;/Собой пример он должен дать,/Что звание его священно,/Что он орудье власти есть,/Подпора царственного зданья;/Вся мысль его, слова, деянья/Должны быть — польза, слава, честь.

А вот второе четверостишие, принадлежащее перу графа Кутузова. Оно следует за стихотворением Державина на том же листе:

Чтоб горю земному и дольным слезам/Никогда не достичь до него
<гр. Голенищев-Кутузов>¹⁷

Полный текст данного стихотворения звучит так:

Для богини моей я построилъ бы храмъ.../
И широко вокругъ храма того/Вознестись по-

17 Источник цитирования: Новейший чтец-декламатор: Лит.-худ. сб. стихотворений и рассказов, пригодных для чтения с эстрады: в 3 ч. Художественная проза. Стихи. Юмористика/сост. Л. Б. Раевский. Варшава, 1914 // Сайт «Словесность. Летописание. Веда. Первоисточники». URL: <https://unixone.ru/?p=44> (дата обращения: 07.06.2018)..

16 Державин Г. Р. Вельможе < Ноябрь 1794>.

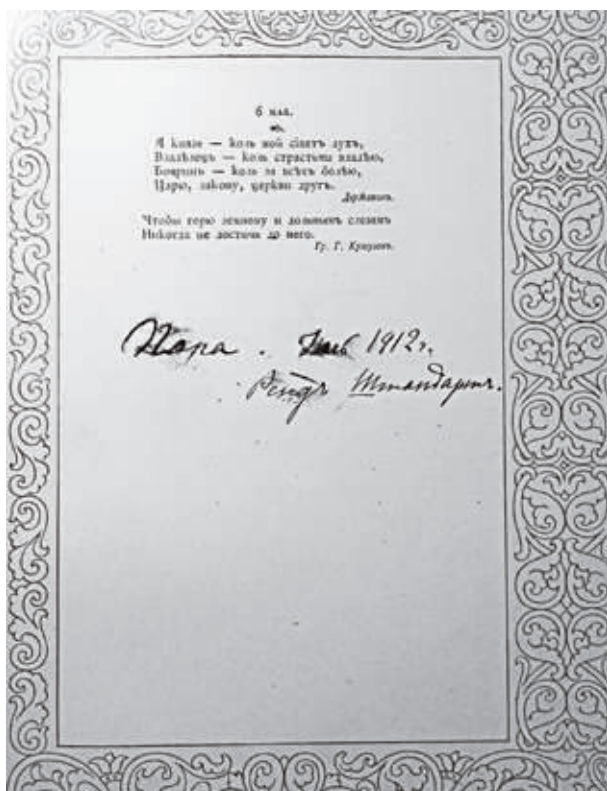

Рис. 19. Автограф
Императора Николая II

Рис. 20. Государь Император
Николай Александрович

велѣль бы волшебнымъ стѣнамъ,/Чтобы горю
земному и долнымъ слезамъ/Никогда не до-
стичь до него./Я взростилъ бы сады въ тѣхъ
волшебныхъ стѣнахъ,/Чтобы говоръ немолч-
ный вѣтвей,/Чтобъ веселое пѣніе птицъ въ де-
ревахъ,/Чтобы плескъ и журчаніе въ звонкихъ
ручьяхъ/Стонъ и крикъ заглушали людей.

Вообще, надо отметить, что поэзии А. А. Го-
ленищева-Кутузова, любимого поэта Импера-
тора Александра III¹⁸, в альбоме уделено много
внимания. Один из шедевров этого поэта впол-
не мог бы, как мы полагаем, стать эпиграфом
и к данной статье, и к альбому Анастасии, рас-
сматриваемому нами в ответах грядущих со-
бытий:

Не спорь и не борись с враждующей судь-
бой/Не унижай души мольбами и стена-

ньем/Внимай житейский шум с поднятой го-
ловой/На праздный крик толпы ответственуя
молчаньем/В молчанье кроется таинственная
власть/Поруганный Христос был нем перед Пи-
латом/И Бога обрела земная, злая страсть/В Его
безмолвии — пронзѣнном и распятом. < А. А. Го-
ленищев-Кутузов. Середина 1890-х гг.>

Альбом Анастасии — это альбом-ежеднев-
ник, и заключенные в нем автографы встроены
в систему годового круга, который имеет точку
отсчета (июнь 1912), но не имеет конца. На листах
присутствуют записи, лишенные каких-либо по-
желаний, обычных для девичьих альбомов, хотя
поначалу кажется, что пожелания писавшего
как-то связаны с выпавшими на данный кален-
дарный день текстами. Мы бы назвали рассма-
триваемый альбом одним из самых уникальных
экспонатов собрания Дворцовых библиотек, рас-
сматривая его как мегатекст, пронизанный об-
щими темами, мотивами и образами.

Учитывая глубокие потрясения и стреми-
тельно разворачивающиеся события, сопровож-
давшие семью Императора Николая II в пери-

18 Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848-1913), граф, гофмейстер, поэт, Управляющий Дворянским земельным и поземельным банками (1889-1895), позднее — управляющий канцелярией Императрицы Александры Феодоровны. В 1891 г. избран в состав Российской Академии наук.

од с января 1917 по июль 1918 гг., их неуклонное движение к трагической развязке лета 1918 года (содержание Семьи по стражей в Царском Селе, вывоз в Тобольск, разлучение семьи и перемещение родителей и сестры Марии в Екатеринбург), альбом, с внесенными в него именами и записями, можно, при желании, рассматривать как именованное, перелистывая который, юная Княжна Анастасия возносила молитвы за тех, с кем ее разлучила революция, кто остался в мятежном Петербурге и осажденном Крыму, был дорог, любим и вспоминаем в вынужденном изгнании. История этого именованного — тема отдельной публикации.

Список литературы

1. Волков С. В. Офицеры флота и Морского ведомства. М., 2004.
2. Галушкин Н. В. Собственный Е. И. В. Конвой; / Гвардейский дивизион / Стрелянов П. Н. (Калабухов) Москва: Центрполиграф, 2008.
3. Ден Ю. А. Подлинная царица [Текст]. М.: Вече, 2013.
4. Дневники Императора Николая II (1894–1918): В 2 т. Т. 2: 1905–1918. Ч. 1: 1905–1913; Ч. 2: 1914–1918. М., 2013. С. 425–426.
5. Зайончковский А. М. Подготовка России к мировой войне. Л., 1926.
6. Исаченко Т. А. Редкие рукописи Царской семьи и великой княгини Елисаветы Феодоровны в собрании Дворцовых библиотек Российской государственной библиотеки // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 2 (22). С. 45–80. DOI: 10.24411/2224-5391-2018-10202.
7. Клейнмихель В. В. В тени царской короны / фрейлина Вера Клейнмихель, графиня Екатерина Клейнмихель. Симферополь, 2009.
8. Максимова Л. Б. Александра Феодоровна, мц. // Православная энциклопедия. Т. 1. М., 2000. С. 553–558.
9. Новейший чтец-декламатор: Лит.-худ. сб. стихотворений и рассказов, пригодных для чтения с эстрады: в 3 ч. Художественная проза. Стихи. Юмористика / сост. Л. Б. Раевский. Варшава, 1914 // Сайт «Словесность. Летописание. Веда. Первоисточники». URL: <https://unixone.ru/?p=44> (дата обращения: 07.06.2018).
10. Павлова К. К. «Люблю я вас, молодые девы». Опубл.: Собрание сочинений в двух томах, под редакцией В. Брюсова, издательство К. Некрасова, М., 1915
11. Раппапорт, Хелен. Дневники княжон Романовых. Загубленные жизни [Текст]: [16+]/Хелен Раппапорт; [пер. с англ. А. Мовчан] Москва: Э, 2018. С.509.
12. [Саблин Н. В.] Десять лет на Императорской яхте «Штандарт». СПб., 2008.
13. Титов И. В. ОТМА: Несколько слов о великих княжнах Ольге, Татьяне, Марии и Анастасии Николаевнах // Дворянское собрание. 1996. № 4. С. 28–45.

THE UNKNOWN ALBUM OF GRAND DUCHESS ANASTASIA

Isachenko Tatiana Alexandrovna,

DSc in Philology, leading researcher The center for the study
problems of development of libraries in the information society

Russian State Library,

3/5 Vozdvizhenka St., Moscow, 119019,

e-mail: isachenko33@yandex.ru

Abstract

The focus of this publication is devichij album youngest daughter of Emperor-Grand Duchess Anastasia, martyrs, a little-known historical science and not an earlier source. Record and date made the album, cover the period from June 1912 to November 1917. The last record album made in tobol'sk November 17, 1917

Keywords

Romanov Dynasty, Grand Duchess Anastasia, the album, a selection of autographs.

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

RAR
УДК 008
ББК 63.3

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ В БЛИЖНЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ И НАЦИОНАЛИЗМ В НАЧАЛЕ XXI В.

Гронский Александр Дмитриевич,
кандидат исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований
Национального исследовательского института мировой экономики и международ-
ных отношений Российской академии наук,
ул. Профсоюзная, 23, Москва, 117997,
e-mail: agr1976@yandex.ru

Аннотация

В статье поднимается вопрос о культурно-историческом наследии, созданном в рамках общего государства в прошлом. Рассматриваются проблемы, которые могут возникнуть в связи с попыткой национализировать культурные достижения прошлого новыми государствами.

Ключевые слова

Культурно-историческое наследие, Россия, Белоруссия, Украина, Кирилл Туровский, Анна Русская.

Говорить о культурно-историческом наследии России на постсоветском пространстве достаточно сложно в силу идеологических установок, появившихся после начала перестройки и закрепившихся с распадом СССР. Если ранее, в советское время существовал тезис о помощи России соседним народам в деле их цивилизационного развития — создание национальных алфавитов, изучение этнической культуры, привнесение новинок научно-технического прогресса, то после 1991 г. ситуация изменилась на противоположную. Оказалось, что Россия не несла

свет знаний и культуры, а уничтожала самобытность, разрушала «национальные государства», денационализировала местное население и вела жестокую колониальную политику. Представления о собственном национальном прошлом в локальных государствах строились по принципу удревления своей истории как этнической, так и государственной, поиске не похожего на остальных собственного «самобытного пути», отрицании общего историко-культурного наследия и его национализации, модернизации истории (т. е. опрокидывание в прошлое совре-

менных представлений, в том числе и представлений о конфликтах, врагах, союзниках и т. д.), идеализации Запада как некоей планки, которой необходимо достигнуть. В одних странах постсоветского пространства эти тенденции стали основными, в других — лишь фоном, на котором развивалось нациестроительство. После распада СССР культурно-историческое наследие, созданное в рамках когда-то единого государства (не только Советского Союза, но и Российской империи) оказалось на территориях новых государств. Некоторые исторические памятники национальные государства объявили своим собственным наследием, некоторые были исключены из реестра историко-культурного наследия, поскольку не удовлетворяли требованию обслуживания новых локальных государственных идеологий. Между тем, согласно Федерального закона от 24.05.1999 N 99-ФЗ (в редакции от 23.07.2013) «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», «Российская Федерация есть правопреемник и правопродолжатель Российского государства, Российской республики, Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) и Союза Советских Социалистических Республик (СССР)», а также «институт российского гражданства соотнесен с принципом непрерывности (континуитета) российской государственности»¹. Т.е. нынешняя Россия является современным продолжением России исторической, которая в разное время выступала под разными названиями. С этой непрерывностью российской государственности соотнесён институт гражданства. И хотя с юридической точки зрения правопреемство нынешней России от СССР абсолютное, а от Российской империи — относительное², тем не менее,

культурно-исторически и психологически это правопреемство воспринимается как естественное: Наполеона победили «мы», а не кто-нибудь; Пушкин или Лермонтов — «наши», а не чьи-нибудь поэты, Александр Невский — «наш» князь и т. д. У националистически настроенных лиц из ближнего зарубежья отношение к современной Российской Федерации, Советскому Союзу, Российской империи и более ранним проявлениям государственности на этих землях также однозначное — для них это реинкарнации одной и той же страны. Вспомнить, хотя бы утверждение о 300-летней войне России против Украины, которым поделился бывший украинский президент Л. М. Кравчук³. Немецкие мемуары периода Второй мировой войны также часто упоминают не СССР, а Россию, которая воевала с Германией ещё в 1914 г. В свете подобных массовых представлений возникает вопрос, может ли являться российским историко-культурное наследие, созданное в рамках СССР, Российской империи или даже Древней Руси. Ведь та же Российская империя юридически не отказывалась от наследия своих предшественников — Русского царства и более старых образований, вплоть до Древней Руси⁴.

Историко-культурное наследие — это то, что помогает идентифицировать государство на международной арене в качестве носителя определённых духовных и материальных достижений и иллюстрирует уровень культурного развития в прошлом. Однако та же российская государственность, как и государственности многих существующих стран, не была вписана в одни и те же государственные границы. Границы менялись в зависимости от исторических условий, государства распадались, объединялись, подчиняли соседей и подчинялись соседям сами. И на протяжении всей истории

1 Федеральный закон от 24.05.1999 N 99-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-24051999-n-99-fz-o/> (дата обращения: 12.04.2018).

2 Любич А. О некоторых аспектах правопродолжения Российского Государства (1 часть) // Легитимист. Информационное агентство российского имперского союза-ордена [Электронный ресурс]. URL: <http://legitivist.ru/sight/politics/o-nekotoryix-aspektax-pravoprodol.html> (дата обращения: 28.03.2018); Любич А. О некоторых аспектах правопродолжения Российского Государства (2 часть) // Легитимист. Информационное агентство российского имперского союза-ордена [Электронный ресурс]. URL: <http://legitivist.ru/sight/politics/o-nekotoryix-aspektax-pravoprodol.html> (дата обращения: 28.03.2018).

мационное агентство российского имперского союза-ордена [Электронный ресурс]. URL: <http://legitivist.ru/sight/politics/o-nekotoryix-aspektax-pravoprodol.html> (дата обращения: 28.03.2018).

3 Болотов С. Кравчук поведал о 300-летней войне Украины с Россией // Ридус. Агентство гражданской журналистики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ridus.ru/news/246273> (дата обращения: 23.03.2018).

4 Любич А. О некоторых аспектах правопродолжения Российского Государства (2 часть) // Легитимист. Информационное агентство российского имперского союза-ордена [Электронный ресурс]. URL: <http://legitivist.ru/sight/politics/o-nekotoryix-aspektax-pravoprodol.html> (дата обращения: 28.03.2018).

культура создавала всё новые и новые материальные и духовные произведения.

В связи с историческими изменениями границ встаёт закономерный вопрос: как относиться к культурному наследию, созданному в прежних границах государства, которые в настоящее время стали неактуальны. В частности, являются ли российским культурно-историческим наследием памятники древнерусской церковной архитектуры, оказавшиеся с момента распада СССР не в границах единого государства, а на территории новых постсоветских республик? С точки зрения нынешних границ — вряд ли, но с точки зрения границ исторических — вполне. Стоит ли воспринимать древнерусское культурно-историческое наследие как своё, при условии, что на него, как на собственное, претендуют в Белоруссии и на Украине? Так, жившего в XII в. туровского епископа Кирилла по современным белорусским представлениям «за красноречие назвали «белорусским златоустом»»⁵. То, что епископ жил в Турове, который ныне находится на территории Белоруссии, не делает его именно «белорусским златоустом», поскольку в XII в. белорусов не существовало. Встаёт вопрос, кому в настоящее время принадлежит литературное наследие Кирилла Туровского — его слова и поучения — России, Белоруссии, Союзному государству, СНГ или кому-то ещё? Кирилл, будучи туровским епископом, безусловно, принадлежит Русской Православной Церкви, которая ведёт свою историю на этих землях с крещения Руси. Однако Церковь не является институтом государства. Если предположить, что наследие Кирилла Туровского принадлежит и России, и Белоруссии, тогда вопрос будет решён лишь поверхностно, поскольку в момент конкретных заявлений о принадлежности наследия Кирилла Туровского той либо иной культуре (российской или белорусской в данном примере) сразу же возникнут претензии противоположной стороны. Уровень сил, которые выдвинут претензии, может быть разным — от маргинальных националистических группировок, готовых присвоить

любое историко-культурное наследие, до высших эшелонов власти.

Показательным примером служит «делёжка» между Россией и Украиной Анны Русской. 29 мая 2017 г. президент России В. В. Путин возразил президенту Франции Э. Макрону, что история российско-французских отношений началась не с Петра I, а раньше, и «образованная французская публика знает русскую Анну — королеву Франции». Эта фраза стимулировала мощную активность украинских политиков, публицистов и других лиц. Украинский депутат И. В. Герщенко возмутилась, написав: «Ярослав Мудрый — русский князь, а Анна Ярославна — русская княжна? А Киев тогда — российский город, как и Крым — российская вотчина?»⁶ Но Киев, как указано в Повести временных лет, «мать городам русским», а не украинским, а Ярослав Мудрый управлял Русью, а не Украиной, поэтому он является русским князем. Гендиректор Национального заповедника «София Киевская» Н. М. Куковальская увидела в этом «попытку перетащить историю с Украины на Россию». Как доказательство того, что история Анны Ярославны не российская, а украинская, «исследовательница и ученый» (именно так представили Н. М. Куковальскую в интернет-статье) указывает, что Анна вышла замуж за французского короля Генриха I раньше года основания Москвы⁷. Именно это объяснение, оказывается, не даёт Анне шанса быть частью русской истории. Однако «исследовательница и ученый» скромно умалчивает об отсутствии в то время украинской этничности. Более того, сама гендиректор «Софии Киевской» вряд ли может выступать как «исследовательница и ученый»⁸.

Интересно, что национализировать французскую королеву пытались и белорусские учёные. В середине 90-х гг. XX в. один из белорус-

5 На факультеті славянських і германських мов прайшоў тиждень кафедри філології // Барановичский государственный университет. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.barsu.by/by/news/index.php?cont=long&id_news=2838 (дата обращения: 28.03.2018).

6 Похищение королевы. Как Путин попытался присвоить Анну Ярославну // Новое время [Электронный ресурс]. URL: <https://nv.ua/ukraine/events/pohishchenie-korolevy-kak-putin-popytalsja-prisvoit-an-nu-jaroslavnu-1237312.html> (дата обращения: 28.03.2018).

7 Таликова Е. Украденная Анна: как Путин «присвоил» киевскую княжну // Крым. Реалии [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.krymr.com/a/28520457.html> (дата обращения: 29.03.2018).

8 В Софії Київській знову призначили нового директора. Колектив проти // Українська правда. Життя [Электронный ресурс]. URL: <http://life.pravda.com.ua/culture/2015/03/18/191184/> (дата обращения: 28.03.2018).

ских историков, читая лекции в рамках белорусской националистической пропагандистской кампании, заявил, что Анна Ярославна является этнической белоруской. Система его рассуждений была следующей: Полоцкая княжна Рогнеда была белоруской (для белорусских националистов конца XX в. это аксиома, не требующая доказательств). Её насильно взял в жёны князь Владимир. У белорусов того времени почему-то (почему, историк не объяснил) родство считалось по матери. Т.е. дети Владимира и Рогнеды были белорусами, в том числе и Ярослав. Анна, как дочь Ярослава, также была белоруской. На мой вопрос, заданный белорусскому историку в кулуарах, как Анна может быть белоруской, если родство считается по матери, а Ярослав был женат на шведской княжне, ответа не последовало. Зато учёный продолжил утверждать, что многие европейские монархи были белорусами потому, что они являлись потомками королевы Анны.

Серьёзные же историки-медиевисты, например, П. П. Толочко, утверждают, что «по этнической принадлежности и государственной княгиня Анна Ярославна была русской», а во Франции «её всегда вспоминают как Анну Русскую, а не Киевскую». Также учёный объяснил, почему на памятнике Анне во французском Санлисе указано, что она не Русская, а Киевская. Ранее на памятнике была надпись «Анна Русская», что не понравилось представителям украинской диаспоры, которые добились замены оригинальной исторической надписи на «Анна Киевская»⁹. Да и французские хроники говорят о том, что Генрих I взял в жёны «дочь короля Руси по имени Анна» или «дочь короля Руси Анну»¹⁰. Таким образом, использование в современных международных отношениях (и не только в них) упоминания как персонажей прошлого, так и итогов их деятельности может вызвать международный скандал всего лишь потому,

что современные политики не желают делиться достоянием общего прошлого.

Иногда национализация историко-культурного наследия происходит через систему образования. Это отметил, например, М. Ферро, который писал: «Не нужно себя обманывать: образ других народов или собственный образ, который живёт в нашей душе, зависит от того, как в детстве нас учили истории. Это запечатлевается на всю жизнь. Для каждого из нас это открытие мира, открытие его прошлого, и на сложившиеся в детстве представления впоследствии накладываются как мимолётные размышления, так и устойчивые понятия о чём-то. Однако то, что удовлетворяло нашу первую любознательность, побуждало наши первые эмоции, остаётся неизгладимым»¹¹. Какое представление о наследии прошлого сложится, в частности, у белорусских школьников, если они будут использовать некоторые учебные пособия. Так, в одном из них не говорится о едином Древнерусском государстве. Оно представлено как сосед Полоцкого княжества. Причём Русь наделена отрицательными чертами, которые усиливаются, благодаря тому, что Полоцку, по мнению автора пособия, такие черты не присущи. Например, описывая введение христианства, автор замечает, что «такие события, как принуждение и кровавые битвы, которые происходили в Киевской Руси [...], обошли наши [т. е. белорусские — А. Г.] земли. Возможно, это объясняется тем, что полоцкие князья проводили самостоятельную политику как в государственной, так и в духовной сфере»¹². Т.е. духовное наследие Полоцкой земли в X — XIII вв., оказывается, не является частью общей русской духовности и культуры. Самостоятельность Полоцкого княжества именно как белорусского подчёркивается вопросом «Соотнесите уровень белорусской культуры с культурой Киева, Новгорода, Чернигова и других земель»¹³. То, что белорусская культура могла конкурировать с культурами других княжеств, говорит, как минимум, о том, что автор уверен в том, что в X —

9 Зайнашев Ю. Толочко: Выражение Путина об Анне Ярославне было абсолютно корректным // Взгляд. Деловая газета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vz.ru/news/2017/5/30/292904.html> (дата обращения: 24.03.2018).

10 Глосса на Псалтири Одальрика Реймского (комментарий № 6.) // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XI/1040-1060/Reims_glossa/text1.htm (дата обращения: 28.03.2018).

11 Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира: Пер. с фр. — М.: Высшая школа, 1992. — С. 8.

12 Сасим А. М. История Беларуси: Пособие для учащихся: Ответы на вопросы. Самоконтроль знаний. Основные даты. Литература в помощь. По 12-летнему сроку обучения. — Минск: Экоперспектива, 2007. С. 20.

13 Там же. С. 22.

XIII вв. она существовала как самостоятельное явление. Так же автор называет и народ, который жил на белорусских территориях. С точки зрения автора, это древние белорусы, владевшие многочисленными ремёслами¹⁴. Таким образом то, что было создано представителями единого на тот момент народа, объявляется этнически белорусским, хотя древнерусские люди жили в рамках одного государства, единых языка, культуры и ментальности. Для школьника, некритически воспринимающего материал, подобные утверждения могут ассоциироваться с величием самостоятельной белорусской культуры в то время, когда её ещё не могло быть.

В более близких к современности периодах также наблюдаются большие проблемы с выяснением, чьим же культурно-историческим наследием является тот или иной памятник истории. Например, чьим наследием является мемориал Брестской крепости. В настоящее время он расположен на территории суверенной Белоруссии. Но построена крепость в период Российской империи и на её территории, а прославилась крепость тогда, когда эта территория принадлежала СССР. Мемориал на месте крепости также является советским проектом. Если по закону о соотечественниках Российская Федерация есть «правопреемник и правопродолжатель» и Российского государства, и СССР, тогда можно ли считать Брестскую крепость российским культурно-историческим наследием. Или она всё же наследие Белоруссии?

Также можно привести пример из собственного опыта. Во время открытия Зимней олимпиады-2014 в Сочи была показана так называемая олимпийская азбука. На букву «Ш» был представлен художник М. З. Шагал. В одной из социальных сетей девушка, по-видимому, студентка, возмутилась тем, что русские якобы украли белорусского художника (Шагал родился в Витебске, который в настоящее время находится на территории Белоруссии). То, что художник был подданным Российской империи, а позже гражданином Франции, девушку не волновало. Она была готова делить Шагала с французами и американцами (он в период Второй мировой войны проживал в США), но только не с россиянами. М. З. Шагал оставался для неё белорусским ху-

дожником, похоже, белорусским по своей этнической принадлежности, т. к. упоминание о том, что М. З. Шагал — еврей было проигнорировано. От другой женщины мне пришлось слышать такое же утверждение о белорусскости родившегося в Минской губернии художника Х. С. Сутина, который, так же, как и М. З. Шагал, был евреем, сначала являлся подданным Российской империи, а затем гражданином Франции. Попытки присвоить только себе художников, которые себя белорусскими не считали, этническими белорусами не были и в белорусском государстве не жили, а их произведения объявить достижениями белорусской (иногда этнической белорусской) культуры, всё же следует признать нелогичными. Хотя против заявлений о них, как об уроженцах Белоруссии или выходцах из Белоруссии, вряд ли кто-то будет протестовать.

Такие вопросы можно поставить в отношении многих других явлений, которые следует отнести к культурному, историческому, духовному наследию. И зачастую разделить это общее наследие или начать воспринимать его как совместное не представляется возможным, поскольку одна сторона или все стороны сразу будут претендовать на данное наследие как исключительно на своё, находя для этого различные объяснения. Зачастую наследие, на которое претендуют несколько современных стран, является для некоторых из них подтверждением своей состоятельности в прошлом, высокого уровня культуры этнических предков, который выступает некоторым эталоном в настоящем, непреходящей ценностью. И обладание подобной ценностью совместно с другими воспринимается достаточно агрессивно. В этом случае защита, а по сути, присвоение, культурного наследия мотивирована идеологически. Историко-культурное наследие подвергается некоей канонизации — вырабатывается эталонное национальное отношение к нему. И попытка заявить о том, что данный предмет искусства или памятник культуры был создан ранее появления современного государства, воспринимается как попытка украсть у нации её достижения.

Целью данной статьи не является призыв «забрать» у соседей «наше» наследие, или оставить им общее наследие, признав его «не нашим». Целью является стремление показать всю сложность формирования представлений о российском или русском культурно-историческом наследии за преде-

14 Там же. С. 21.

лами нынешней Российской Федерации, но на землях, которые ранее занимали другие ипостаси России. И вряд ли эту сложную проблему удастся решить окончательно, скорее, можно установить некое согласие на использование представлений о конкретных явлениях, признанных культурно-историческим наследием, как о своём. Отношение к культурному наследию, на которое претендуют несколько стран, гипотетически может не создавать проблем, если молодые локальные государства не станут искать в прошлом собственную этническую государственность, а будут объективно рассматривать историю региона. Тогда можно будет говорить об общем культурном наследии, понимая, что произведения культуры были созданы на этой территории, которая в то время принадлежала не современному государству. Также нужно понимать, что создатели культурных ценностей прошлого не являлись представителями современных молодых государств, поэтому нет смысла модернизировать историю, придавая известным персонажам современные этнические черты и современную ментальность. К сожалению, понимание исторических реалий прошлого иногда вступает в противоречие с утверждениями текущих идеологий, в которых национализируются достижения прошлого, что мешает как изучению культурно-исторического наследия, так и адекватному восприятию собственного прошлого.

Список литературы

1. Болотов С. Кравчук поведал о 300-летней войне Украины с Россией // Ридус. Агентство гражданской журналистики [Электронный ресурс]. URL: <https://ridus.ru/news/246273> (дата обращения: 23.03.2018).
2. В Софії Київській знову призначили нового директора. Колектив проти // Українська правда. Життя [Электронный ресурс]. URL: <http://life.pravda.com.ua/culture/2015/03/18/191184/> (дата обращения: 28.03.2018).
3. Глосса на Псалтири Одарярика Реймского (комментарий № 6.) // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XI/1040-1060/Reims_glossa/text1.htm (дата обращения: 28.03.2018).
4. Зайнашев Ю. Толочко: Выражение Путина об Анне Ярославне было абсолютно корректным // Взгляд. Деловая газета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vz.ru/news/2017/5/30/292904.html> (дата обращения: 24.03.2018).
5. Любич А. О некоторых аспектах правопродолжения Российского Государства (1 часть) // Легитимист. Информационное агентство российского имперского союза-ордена [Электронный ресурс]. URL: <http://legitimist.ru/sight/politics/o-nekotoryix-aspektax-pravoprodol.html> (дата обращения: 28.03.2018).
6. Любич А. О некоторых аспектах правопродолжения Российского Государства (2 часть) // Легитимист. Информационное агентство российского имперского союза-ордена [Электронный ресурс]. URL: <http://legitimist.ru/sight/politics/o-nekotoryix-aspektax-pravoprodo2.html> (дата обращения: 28.03.2018).
7. На факультэце славянскіх і германскіх моў прайшоў тыдзень кафедры філалогіі // Барановичский государственный университет. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.barsu.by/by/news/index.php?cont=long&id_news=2838 (дата обращения: 28.03.2018).
8. Похищение королевы. Как Путин попытался присвоить Анну Ярославну // Новое время [Электронный ресурс]. URL: <https://nv.ua/ukraine/events/pohishchenie-korolevy-kak-putin-popytalsja-prisvoit-annu-jaroslavnu-1237312.html> (дата обращения: 28.03.2018).
9. Сасим А. М. История Беларус // Пособие для учащихся. Ответы на вопросы. Самоконтроль знаний. Основные даты. Литература в помощь. По 12-летнему сроку обучения. Минск: Экоперспектива, 2007. 160 с.
10. Таликова Е. Украденная Анна: как Путин «присвоил» киевскую княжну // Крым. Реалии [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.krymr.com/a/28520457.html> (дата обращения: 29.03.2018).
11. Федеральный закон от 24.05.1999 N 99-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-24051999-n-99-fz-o/> (дата обращения: 12.04.2018).
12. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира: Пер. с фр. М.: Высшая школа, 1992. 350 с.

THE CULTURAL AND HISTORICAL HERITAGE OF RUSSIA IN THE NEAR ABROAD AND NATIONALISM IN THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Gronsky Alexander Dmitrievich,

PhD in History, Docent, Leading Researcher of the Center for Post-Soviet Studies of Primakov National Research Institute
of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences
e-mail: agr1976@yandex.ru

Abstract

The cultural and historical heritage of the past was created in the states that ceased to exist. In this connection, a problem arises: who owns the heritage of the past. It is claimed by the successor states and states in which the heritage was after the collapse of a single country. Some modern states want to appropriate a cultural and historical heritage and declare it a national culture. However, this heritage was created at a time when modern states did not exist. Thus, the problem of determining the historical and cultural heritage belongs to the conflict potential.

Keywords

Cultural and historical heritage, Russia, Belorussia, Ukraine, Kirill Turovsky, Anna Russkaya.

RAR
УДК 008
ББК 71

КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЫКАЛЬНЫХ МУЗЕЕВ РОССИИ

Наземцева Ксения Николаевна,
искусствовед, методист по научно-просветительской деятельности
Российского национального музея музыки,
ул. Фадеева 4, Москва, Россия, 125047,
[e-mail: ksenia-son@rambler.ru](mailto:ksenia-son@rambler.ru)

Аннотация

В статье проанализирован исторический путь музыкального просвещения в России до появления музыкальных музеев, периоды становления и бурного развития музыкальных сообществ, современное развитие. Основной акцент делается на рассмотрении культурно-образовательной деятельности научных сотрудников в музыкальных музеях Москвы и Санкт-Петербурга. Определены основные направления и формы работы с посетителями, применяемые в музыкальном просвещении XXI века.

Ключевые слова

Музей, музыкальный музей, просвещение, культурно-образовательная деятельность, музыкальное образование, образовательная деятельность, просветительская работа.

С древних времен музыка играла большую роль в воспитании. Её значение определялось общими задачами воспитания, которые выдвигала каждая эпоха по отношению к обществу.

В России в XVIII и XIX вв. музыкальное образование зависело от принадлежности детей к определенному сословию. Так, например, мальчиков для церковного хора брали из находившихся при монастырях и архиерейских домах детей священнослужителей и прочих желающих получить сан священника. Государство официально оставалось в стороне от руководства музыкальным образованием и воспитанием.

Во второй половине XIX в. Россия становится одним из центров европейского музыкального искусства. В это время музыканты и композиторы поставили перед собой задачу музыкального просвещения слушателей, развития музыкального образования и профессиональной музыкальной культуры в России. Эту задачу поддержали Императорское Русское музыкальное общество (ИРМО), Петербургское филармоническое общество, а также композиторы, входившие в состав содружества «Могучая кучка».

ИРМО — одна из старейших общественных организаций России, основанная в 1859 г. в результате сотрудничества Великой Княгини Елены Павловны и знаменитого композитора А. Г. Рубинштейна. ИРМО ставило своей целью популяризацию музыкального образования в стране, «развитие всех отраслей музыкального искусства, поощрение способных русских художников и содействие развитию «вкуса к музыке в России»¹. ИРМО открыло свои отделения в большинстве крупных российских городов: Москве (1860), Киеве (1863), Казани (1864), Нижнем Новгороде (1873), Саратове (1873), Пскове (1873), Тобольске (1978). Их работа привела к активизации музыкального образования в России и способствовала созданию музыкальных образовательных учреждений: бесплатной музыкальной школы М. Балакирева и Г. Ломакина (1862-1917), Петербургской (8 сентября 1862 г.) и Московской консерваторий (1 сентября 1866 г.).

1 Валитов А. А. Тобольское отделение Императорского музыкального общества: страницы истории // Культурное наследие России. 2017. N 1 (17). С. 55.

Музыкальному просвещению способствовало чтение публичных лекций или «объяснительные чтения» (1860-1870), лекторами которых стали музыкальный критик А. Серов и писатель, музыковед Н. Финдейзен.

Ещё одной формой культурно-образовательной деятельности в музыке были концерты: «Концерты А. Зилоти» (1903-1918), «Общедоступные концерты» (1912-1917), «Народные бесплатные концерты» (1915-1917) для малообеспеченной публики и молодежи, организатором которых выступили литератор и педагог В. Одоевский и пианист, дирижер А. Зилоти.

Важные изменения в музыкальной культурно-образовательной деятельности произошли после Октябрьской революции 1917 г. Глава Народного комиссариата просвещения А. В. Луначарский в своей статье «Ещё о пролеткульте и советской культурной работе» писал: «Что это значит: пролетарское просвещение? Это значит распространение тех общечеловеческих ценностей науки и искусства, вне которых нельзя быть знающим человеком, вне которых пролетариат останется варваром, вне приобретения которых он даже не сможет настоящим образом воспользоваться ни властью, ни орудиями производства, которые он завоевал»². Образовательные функции музыкального воспитания и просвещения переплетались с музыкально-просветительскими, что было связано с вовлечением трудового класса в музыкальное искусство.

26 июня 1918 г. был организован Музыкальный Отдел Наркомпроса (МУЗО) во главе с А. В. Луначарским. В 1918 г. вышел декрет «О государственном музыкальном строительстве», подписанный В. И. Лениным. В нем музыка признавалась мощным средством коммунистической пропаганды.

Задачей музыкального просвещения являлось не только обучение игре на музыкальных инструментах, но и распространение знаний о них и в целом о музыкальном искусстве.

Следующей ступенью к развитию музыкальных музеев стала резолюция I музейного съезда, в которой были намечены перспективы перестройки музейных экскурсий: каждая экскур-

сия должна быть активна, на смену экскурсиям лекционного типа необходимо перейти к экскурсиям беседного и обследовательского типа. Именно в этот период посещение музыкальных музеев становится неотъемлемой ступенью в музыкальном просвещении.

Применение такой формы работы с посетителями было связано с зарождающимися идеями о применении коммуникационного подхода в музеях, как одного из самых эффективных методов, используемого в обучении. В коммуникационном подходе важны три составляющие:

- 1) понимание экскурсантом информации, заложенной автором в музыкальном произведении.
- 2) осознание смысла, который заложил в определении этого предмета музейный работник при оформлении музейного пространства.
- 3) анализ материала, рассказанного экскурсоводом, интерпретирующего определенный музейный объект.

Применение коммуникационного подхода способствовало увеличению количества посещений учащимися различных учебных заведений музыкальных музеев. Это послужило расширению спектра тематики экскурсий, и, следовательно, стало новой ступенью развития культурно-образовательной деятельности музыкальных музеев России.

В 1917 г. в России существовало два музыкальных музея: Музей имени Н. Г. Рубинштейна в Москве при Московской консерватории (на его базе был создан Российский национальный музей музыки) и Музей музыки при Придворном оркестре в Санкт-Петербурге (в настоящее время — Музей музыки — Шереметевский дворец, филиал Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства, неофициально открытый в 1900 г.). Советский музыковед и педагог С. Л. Гинзбург так описывает положение музыкальных музеев в СССР после революционных событий: «Эти музеи владели достаточно жалкое существование»³. Он предложил превратить музыкальные музеи из «молчаливых музыкантов» в звучащие музеи, способные «выявить идеологическую сущность музыки в её художественной специфике и историческом становлении»... «Задача музыкального музея — показать музыку минувших эпох в её подлинном

2 Мельникова Л. Л. Музыкально-просветительская деятельность в Советском государстве первой половины XX века [Электронный ресурс] // Музыкальное просветительство. URL: <http://muzprosvetitel.ru/sovrl.htm> (дата обращения 24.01.2018)

3 Гинзбург С. Принципы организации Центрального государственного музыкального музея // Советский музей. 1931. N 6. С. 53

звуковом облачении»⁴. Таким образом, музыкальные музеи должны были проводить широкую культурно-образовательную деятельность, цель которой — дать знания о музыке и музыкальном искусстве каждому гражданину новой страны.

Культурно-образовательную деятельность музыкальных музеев Гинзбург предложил вести в следующем формате: проведение экскурсий, культпоходов, обслуживание посетителей-одиночек, проведение эпизодических и циклических лекций, бесед и диспутов, организация тематических кружков для подготовки будущего экскурсоводческого актива из рабочих.

Однако после революции 1917 г. проведение культурно-образовательной работы в Музее имени Н. Г. Рубинштейна было невозможно, так как были разрушены витрины и испорчены некоторые музейные предметы. Лишь к 1930 гг. сотрудники музея стали активно участвовать в организации выставок, которые проходили в консерватории. Одной из них стала выставка к празднику Октябрьской революции в 1932 г. В 1934 г. Музей вошел в состав Научно-исследовательского музыкального института. Однако в январе 1938 г. вышел из состава Научно-исследовательского музыкального института по причине его расформирования. После этого события культурно-образовательная работа музея практически не велась, она активизировалась только в связи с подготовкой празднования 75-летия со дня основания Московской консерватории.

1 сентября 1938 г. новым заведующим музеем имени Н. Г. Рубинштейна была назначена Е. Н. Алексеева. Е. Н. Алексеева начала вести активную деятельность, в результате которой музей стал самостоятельным учреждением, не зависящим от консерватории. Она заключалась в следующем: подготовка публикаций по музыкальному искусству, создание выставок, ведение и организация экскурсий. Как отмечает исследователь истории становления музея музыки Т. В. Гинзбург, «в дневное время посетителей было мало, а вечером ... до нескольких сотен человек, что зависело, в основном, от количества публики, пришедшей на концерт»⁵. Следова-

тельно, одним из главных способов привлечения посетителей на выставки и на постоянную экспозицию музея были концерты, проводимые в залах, располагающихся в непосредственной близости к концертному залу. Таким образом, в этот период культурно-образовательная деятельность представляла собой часто иллюстративный и редко образовательный характер.

В начале Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. культурно-образовательная деятельность Музея музыки была фактически остановлена, а затем частично восстановлена в 1942 г. Основной целью стало собирание фондов и организация выставок, посвященных музыке войны (выставка «Театр и музыка на фронте» в Центральном доме Красной Армии в 1942 г., «С. В. Рахманинов. Жизнь и творчество» в 1942 г.).

Культурно-образовательная деятельность сводилась к следующему: выступление сотрудников музея с лекциями в госпиталях Москвы и Подмосковья, экскурсии по экспозиции и временным выставкам. С 1944 г. стали проводиться музыкальные собрания — «музыкальные понедельники». Они представляли собой собрания или творческие вечера музыкантов, на которых зачитывались доклады исследователей, звучала музыка в исполнении музыкантов или в аудиозаписи.

В послевоенный период культурно-образовательная деятельность была представлена регулярными циклами концертов и выставками, посвященными юбилейным датам и музыкальным деятелям. Одним из новшеств стала организация с конца 1940-х гг. небольших передвижных выставок на планшетах, которые потом передавались в школы, кинотеатры, клубы, сады и парки культуры и отдыха. Почти каждую выставку сопровождал сотрудник музея на выездной лекции. Он представлял подробный рассказ и анализ демонстрируемых материалов. С 1959 г. музей стал направлять демонтированные выставки на периферию.

Следует отметить, что во второй половине 1950-х гг. заметно расширилась тематика экскурсий и лекций — 26 наименований. Увеличение площадей музея в 1964 г. — получение нового здания «Палат Троекуровых» — позволило расширить культурно-образовательную деятель-

своения ему статуса государственного. М.: Издательство «Дека-ВС», 2003. С. 214.

4 Гинзбург С. Принципы организации Центрального государственного музыкального музея // Советский музей. 1931. № 6. С. 55

5 Гинзбург Т. В. Музей музыкальной культуры. К 90-летию со дня основания музея и 60-летию со дня при-

ность музея. Одной из новых форм стало создание абонементных циклов лекций и концертов «живой музыки» разнообразной тематики, создание клуба филофонистов, просуществовавшего более 20 лет, проведение семинаров мастеров смычковых инструментов и приуроченных к ним выставок современного инструментария.

Расширению культурно-образовательной деятельности музея способствовало издание в 1955 г. каталогов-справочников с описанием ценнейших фондов — автографов и материалов, посвящённых выдающимся деятелям музыкального искусства и композиторам: С. В. Рахманинову, П. И. Чайковскому, Н. А. Римскому-Корсакову, М. А. Балакиреву и др.

С 1982 г. был завершён переезд музея в новое здание на улице Фадеева, 4, что позволило увеличить площадь для постоянной экспозиции и временных выставок, кроме того, в новом здании было два концертных зала, в том числе — концертный зал с органом. Это позволило расширить тематику образовательных мероприятий и привлечь новые категории посетителей. Одним из важнейших достижений в этот период стало открытие 24 июля 1985 г. постоянной экспозиции «Музыкальные инструменты народов мира», с возможностью демонстрации редких аудио и видеозаписей. Такое нововведение значительно увеличило возможности проведения культурно-образовательной деятельности. Однако был и минус данного новшества — на экспозиции могла находиться только одна группа. Несмотря на это, количество желающих услышать редкие записи игры на музыкальных инструментах разных народов мира не становилось меньше. Следует заметить, что благодаря новой возможности демонстрации, в несколько раз увеличилось посещение музея школьниками.

В 1980–90-е гг. музей начинает выполнять роль культурно-образовательного центра, в задачу которого входило чтение лекций и экскурсий, проведение абонементных циклов. Перечень экскурсионно-лекционной тематики включал более двухсот наименований, что говорит об огромной культурно-образовательной деятельности, проводимой сотрудниками музея.

Рассматривая историю развития Российского национального музея музыки, следует отметить, что расширение площадей музея, увеличение количества экспонируемых предметов, издание научных трудов по материалам музея

и введение новых технических средств, способствующих лучшему восприятию информации, положительно повлияло на развитие культурно-образовательной деятельности в Москве. Музей стал центром, координирующим работу не только музыкальных музеев, но и музеев, имеющих в своих фондах материал по музыкальному искусству.

В Петрограде после революции 1917 г. культурно-образовательной деятельностью в области музыки занимался заведующий Музыкально-историческим музеем Н. Ф. Финдейзен. Он развил многоплановую работу по собиранию, сохранению и популяризации фондов, что способствовало расширению тематики проводимых в музее экскурсий, лекций и концертов. Н. Ф. Финдейзен соблюдал традиции, установленные основателем музея К. К. Штакельбергом, одна из которых гласила: «Музей должен существовать при оркестре и, во многом за счет этого, быть звучащим». О его деятельности свидетельствуют его дневниковые записи 1920-х гг.: «только за два сезона — 1925–1927 гг. — было проведено 50 музыкальных вечеров»⁶.

Таким образом, главной формой культурно-образовательной деятельности Музыкально-исторического музея был концерт. Н. Ф. Финдейзен как и К. К. Штакельберг считал, что аудиовизуальное восприятие обладает большим эмоциональным воздействием на человека, способствующим культурному образованию, так как не требует от слушателей профессиональных знаний в области музыкального искусства. Вхождение в 1921 г. музея в состав филармонии оказало положительное влияние на развитие культурно-образовательной деятельности и соотносилось с заложенными ранее идеями К. К. Штакельберга: «музей при оркестре»⁷. Это способствовало увеличению количества и тематики концертов, проводимых на различных площадках города.

6 Космовская М. Л. «Мир, далекий от нынешней удрученно настроенной, серой и томительной улицы...»: Н. Ф. Финдейзен и дворец Шереметевых на Фонтанке // 300 лет усадьбе графов Шереметевых «Фонтанный дом». Материалы межд. научно-практической конф., Санкт-Петербург, 18–21 апр. 2012 г. СПб.: СПб ГБУК «СПб ГМТ и МИ», 2012. С. 108.

7 Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства. Коллекция музыкальных инструментов. Научный каталог / Авт.-сост. Кошелев В. В., 2014. Том 1. С. 15

В целях распространения музыкального образования в стране Н. Ф. Финдейзен написал педагогическую работу для 25-й единой советской трудовой школы: «Программа курса Всеобщей истории музыки (18 сентября 1918 года)», а в 1925 г. им была вычерчена Таблица с нотными записями. В 1925–1927 гг. Н. Ф. Финдейзен выступил в Российском географическом обществе как главный организатор Комиссии по изучению народной музыки, занимавшейся изучением музыки различных народов России, особенно финно-угорских народностей⁸. Работа Н. Ф. Финдейзена стала примером реализации образовательной деятельности по музыкальному искусству на базе музыкального музея и школы, а также музеев, имеющих другую направленность, например художественную, но имеющих фонды с музыкальной тематикой. Приверженцем его идей стал первый хранитель Эрмитажа, член Археологического института Н. Г. Пиотровский (1918 г.).

После смерти Н. Ф. Финдейзена на пост директора музея был назначен С. Л. Гинзбург (1901–1978 гг.). В период его работы — в 1929–1932 г. — фонды музея постепенно пополнялись новыми музыкальными инструментами, велась активная культурно-образовательная деятельность. Под руководством С. Л. Гинзбурга музей в 1931 г. становится самостоятельным учреждением и получает название «Государственный Музыкальный музей» («Центральный музыкальный музей СССР»). Однако уже 18 мая 1932 г. по просьбе С. Л. Гинзбурга состоялась официальная передача музея и его фондов в Эрмитаж, где музей получил новый статус «Отдел музыкальной культуры и техники». В этот период культурно-образовательная деятельность отдела заключалась в проведении в здании Эрмитажа концертов, которые стали пользоваться большим вниманием посетителей.

В 1938 г. руководителем «Отдела музыкальной культуры и техники» был назначен инструментовед К. А. Вертков, а уже в 1940 г. «Отдел музыкальной культуры и техники» становится «Музеем истории музыкальной культуры» при Государственном научно-исследовательском институте театра и музыки. С 1959 г., применя-

ется инновационный прием для оживления экспозиции — использование магнитофонных записей музыкальных инструментов в экспозиции музея, подведенных к каждой витрине, где располагались музейные предметы.

Расширению культурно-образовательной деятельности способствовало издание более 20 научных трудов сотрудников музея по различной тематике. Среди научных трудов можно выделить труды К. А. Верткова: «Русская роговая музыка» (1948), «Русские народные музыкальные инструменты» (1975) и «Атлас музыкальных инструментов народов СССР» (1963, 1975), Г. И. Богдатов «Русская гармоника» (1960) и «История симфонического оркестра» (1969), С. Я. Левина «Духовые инструменты в истории музыкальной культуры» (1973) и др.

В 1974–1983 г. руководителем музея был доктор искусствоведения С. Я. Левина (1920–1990). В этот период было принято решение о создании двух фильмов: «В мире музыкальных инструментов» (1966) и «Рассказы о музыкальных инструментах» (1978), что увеличило количество посетителей, а, следовательно, способствовало расширению культурно-образовательной деятельности музыкального музея. Этому же способствовало и вхождение музея в 1984 г. в состав Ленинградского государственного музея театрального и музыкального искусства, и переезд в 1990 г. в Шереметевский дворец.

Основными формами работы с посетителями являлись экскурсии, концерты, совместные и собственные выставки, творческие встречи с современными петербургскими композиторами, издание каталогов, подготовка конференций. Расширению культурно-образовательной деятельности музыкального музея способствовало и открытие постоянной экспозиции музыкальных инструментов «Открытые фонды» 27 октября 1997 г., создание в 2000 г. компьютерной образовательной программы «Энциклопедия звука».⁹

Таким образом, развитие культурно-образовательной деятельности в музыкальных музеях России, в частности, в Москве и Санкт-Петербурге, развивалось параллельно с преобразованием

8 Космовская М. Л. Инструментальное музицирование как особая этнографическая сфера бытия: от Н. Ф. Финдейзена — к нашим дням // Музыка. Искусство, наука, практика. N 3 (11) 2015. С. 38.

9 Великанова О. В. Шереметевский дворец: последнее двадцатилетие // 300 лет усадьбе графов Шереметевых «Фонтанный дом». Материалы международной научно-практической конференции. Материалы междунаучно-практической конф., Санкт-Петербург, 18–21 апр. 2012 г. СПб.: СПб ГБУК «СПб ГМТМИ», 2012. С. 41

музеев в самостоятельные структурные единицы. Следует отметить, что на этапе зарождения музыкальных музеев в Москве и Санкт-Петербурге использование концертной формы работы как основного метода приобщения к музыкальному искусству народа было предпочтительнее. В Москве это реализовывалось на базе Московской консерватории, в Санкт-Петербурге — на базе филармонии, Эрмитажа и др.

Расширению культурно-образовательной деятельности музыкальных музеев в России способствовало увеличение экспозиционных площадей, издание научных трудов, использование аудиозаписей при проведении экскурсий по экспозиции, пополнение фондов музея, приобретение самостоятельности и самоидентичности, использование новейших технологий в области воспроизведения и демонстрации звука.

В настоящее время культурно-образовательная деятельность музыкальных музеев развивается стремительными темпами, что связано с применением опыта крупнейших музеев России и зарубежных стран, а также развитием новых информационных технологий. Одним из ведущих направлений становится работа в области инклюзии, арт-терапии, создание специальных «музыкальных уроков», включающих в себя главную функцию — получение знаний в условиях глобальной информатизации.

Список литературы

1. Валитов А. А. Тобольское отделение Императорского музыкального общества: страницы истории // Культурное наследие России. 2017. N 1 (17). С. 54–59.
2. Великанова О. В. Шереметевский дворец: последнее двадцатилетие // 300 лет усадьбе графов Шереметевых «Фонтанный дом». Материалы междунаучно-практической конференции, Санкт-Петербург, 18–21 апр. 2012 г. СПб.: СПб ГБУК «СПб ГМТиМИ», 2012. С. 31–51.
3. Гинзбург С. Принципы организации Центрального государственного музыкального музея. // Советский музей. 1931. N 6. С. 53–64.
4. Гинзбург Т. В. Музей музыкальной культуры. К 90-летию со дня основания музея и 60-летию со дня присвоения ему статуса государственного. М.: Издательство «Дека-ВС», 2003.
5. Космовская М. Л. Инструментальное музицирование как особая этнографическая сфера бытия: от Н. Ф. Финдейзена — к нашим дням // Музыка. Искусство, наука, практика. 2015. N 3 (11). С. 38.
6. Она же. «Мир, далекий от нынешней удрученно настроенной, серой и томительной улицы.»: Н. Ф. Финдейзен и дворец Шереметевых на Фонтанке // 300 лет усадьбе графов Шереметевых «Фонтанный дом». Материалы междунаучно-практической конференции, Санкт-Петербург, 18–21 апр. 2012 г. СПб.: СПб ГБУК «СПб ГМТиМИ», 2012. С. 108–111.
7. Мельникова Л. Л. Музыкально-просветительская деятельность в Советском государстве первой половины XX века [Электронный ресурс] // Музыкальное просветительство. URL: <http://muzprosvetitel.ru/sov1.htm> (дата обращения 24.01.2018)
8. Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства. Коллекция музыкальных инструментов. Научный каталог / Авт. сост. Кошелев В. В. 2014. Том 1. С. 312.

EDUCATIONAL ACTIVITIES OF MUSIC MUSEUMS IN RUSSIA

Nazemtseva Ksenia Nikolaevna,
art critic, metodist of scientific and educational activities of RNMM,
St. Fadeeva, Moscow, Russia, 4,125047,
e-mail: ksenia-son@rambler.ru

Abstract

The article analyzes the historical way of music education in Russia before the appearance of music museums, the periods of formation and rapid development of music communities now. The main emphasis is on the consideration of educational activities carried out by researchers in music museums in Moscow and St. Petersburg. The main directions and forms of work with visitors, used in musical education in museums of the XXI century.

Keywords

Museum, music Museum, education, cultural and educational activities, music education, educational activity, educational work.

RAR
УДК 008
ББК 71

К ПРОБЛЕМЕ МУЗЕЙНОЙ СЕТИ КРЫМА: ПРИОРИТЕТ ЛИТЕРАТУРНО- ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЭКСПОЗИЦИИ (ПРОЕКТ «ПИСАТЕЛИ-ПУТЕШЕСТВЕННИКИ В ТАВРИДЕ XIX — НАЧАЛА XX ВВ.»)

Николаенко Николай Васильевич,

кандидат исторических наук,
доцент кафедры музеологии и библиотечно-информационной деятельности,
Крымский университет культуры, искусств и туризма,
ул. Киевская, д. 39, г. Симферополь, Россия, 295017,
e-mail: maxnikolayenko@yandex.ru

Резник Оксана Владимировна,

доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой иностранных языков и межъязыковых коммуникаций,
Крымский университет культуры, искусств и туризма,
ул. Киевская, д. 39, г. Симферополь, Россия, 295017,
e-mail: orenik2005@yandex.ru

Швецова Антонина Викторовна,

доктор философских наук, профессор,
заведующая кафедрой философии, культурологии и гуманитарных дисциплин,
Крымский университет культуры, искусств и туризма,
ул. Киевская, д. 39, г. Симферополь, Россия, 295017,
e-mail: voljaton@rambler.ru

Аннотация

В статье представлен проект, транслирующий знания о региональном аспекте деятельности музеев в Республике Крым. Авторы выбрали значимый аспект музеологии — проблема развития музейной сети региона по популяризации литературного наследия прошлого. Подчеркивается, что процесс создания новых музейных экспозиций — явление постоянное, зависящее от различных факторов. В данном случае рассмотрены некоторые теоретические и практические аспекты построения литературно-художественной экспозиции, получившей в настоящее время известное развитие в работе научно-информационных учреждений, музеев, творческих организаций Крыма.

Ключевые слова

Экспозиция, художественный образ, реконструкция, макет, экспозиционный комплекс, модель.

Интерес к культурному наследию любого региона объясним тем богатейшим запасом эмоций, которые возникают в процессе приобщения

к мыслям, обстоятельствам жизни, творческому поиску, культурному наследию выдающихся личностей прошлого. Особое место занимают рекон-

струкции быта, личностных обстоятельств художников слова, оставивших свой след на культурной карте данной территории. Тема данной статьи является достаточно актуальной и практически значимой в современных условиях вхождения Республики Крым в российское культурное пространство, в условиях обновления векторов развития музейной сети полуострова. Такой подход к популяризации отечественной культуры «выступает необходимой основой формирования активной социальной субъективности, развития общегражданской и региональной идентичности и воспитания подлинного патриотизма»¹. Тема литературной персоналии как объекта музейной экспозиции раскрывалась в многочисленных публикациях, посвященных систематизации работы музеев в указанном направлении: в трудах Ломан О. В.², Овчинниковой С. Т., Рысиной Ф. Ш., Светловой Г. Г.³, Пономаревой Г. Б.⁴, Поповой Н. И.⁵ были представлены музеи таких писателей, как А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов, но все описания носили локальный характер. Этим объясняется новизна выбранного в данной статье подхода — представить не конкретные, а концептуальные рекомендации по созданию музейных экспозиций данного типа.

Музейная экспозиция представляет собой синтетическую форму презентации историко-культурного наследия через предметную

и пространственную выставку⁶. Главная особенность — искусственность, намеренная расстановка коллекции предметов. В экспозиции также представлены тексты, произведения искусства, предметы быта, могут быть использованы различные информационные технологии. Группировка и интерпретация экспонатов — отражение своеобразного авторского сценария на основе научной концепции и способов проектирования экспозиции. Поиск новых форм и выявление новых объектов понимается как основное движение по расширению музейной сети. При этом, несомненно, учитываются как сложившаяся на данный момент музейная карта, так и местные традиции. В Республике Крым уместно говорить о поликультурности коммуникативной составляющей музейной экспозиции, так как создание музеев писателя носит не только просветительский, но и воспитательный характер. Сюда следует добавить то обстоятельство, что данный край воспринимался долгое время в романической традиции, заданной в XIX веке и продолженной в двадцатом столетии. Экзотика, наличие различных исторических свидетельств, богатый фольклорный материал — все это делало Крым притягательным для значительного количества видных писателей и поэтов. Они искали здесь особый, не похожий на будничные и мещанский, тип реальности, в котором сочетаются традиционность и свобода чувств. Чёрное море, дворцы и парки — все это возбуждало писательский интерес, становилось фоном или активным участником литературного конфликта. Поэтому в Крыму уже существует ряд литературных музеев: музеи М. Волошина, И. Шмелева, М. Цветаевой, А. Грина, К. Паустовского и других на протяжении десятилетий позволяют посетителям увидеть мир творческой личности, ощутить себя частью общего культурного пространства. В то же время создание типологической (не мемориальной и не архитектурной) литературно-художественной экспозиции представляется наиболее перспективным направлением музейной деятельности, так как локализация места и умелое использование пространства (прежде всего с применением художественных средств) не всегда предполагает

1 Сборник методических рекомендаций и иллюстративного материала по организации краеведческих маршрутов: науч.-метод. пос./Сост. И. И. Горлова, О. И. Бычкова, Н. А. Костина. Краснодар: Экоинвест, 2018. С. 5

2 Ломан О. В. Государственный мемориальный музей Н. А. Некрасова. Путеводитель. URL: <http://hongstankiprof.ru/jurnaly/26554cd4669aaeda2ee78f0ed8a802db> (дата обращения 24.10.2018).

3 Овчинникова С. Т., Рысина Ф. Ш., Светлова Г. Г. Музей-квартира Пушкина на Арбате. URL: <http://www.pushkinmuseum.ru/?q=content/ekspoziciya-memorialnoy-kvartiry-pushkina-na-arbate> (дата обращения 24.10.2018).

4 Пономарева Г. Б. Музей-квартира Ф. М. Достоевского. Путеводитель. URL: <https://goslitmuz.ru/museums/muzey-kvartira-f-m-dostoevskogo/> (дата обращения 24.10.2018).

5 Попова Н. И. Музей-квартира А. С. Пушкина. URL: <https://spbib.ru/catalog/—/books/10781662-muzey-kvartira-a-s-pushkina-na-moyke> (дата обращения 24.10.2018).

6 Каулен М. Е. Музейная экспозиция на современном этапе // Музейные тетради крымской музеологической школы. Коктебель, 2017. С. 28–65.

наличие обширной классической экспозиции. Мемориальная среда (как понятие) включает развитие произвольных сюжетов, определенную творческую свободу, что позволяет активно использовать научно-вспомогательный материал⁷.

Значительную роль в создании новых экспозиций по-прежнему играют профильные музеи: выставка-эксперимент занимает здесь ведущую роль, так создавались известные филиалы в Гурзуфе, Старом Крыму. Особенно уместным такой приём нам представляется по отношению к тем персоналиям, в творчестве которых элемент новаторства обусловлен самой природой творчества: например, русские символисты, футуристы начала XX века. На очереди выставки (с перспективой на филиал), посвященные И. А. Бунину, В. В. Набокову, А. И. Куприну. Известные российские музеи (скажем, бунинский в Орле, набоковский в Санкт-Петербурге) могут оказать неоценимую помощь в создании предложенных проектов, что потребует принятия определенных организационных решений на начальном этапе). Страницы таких значимых для русской литературы произведений, как «Другие берега» В. Набокова, «Листригоны» А. Куприна, «Жизнь Арсеньева» И. Бунина, органично передают восприятие крымских реалий данными авторами.

Литературно-художественная экспозиция — не конкурент мемориальной: она лишь призвана расширять наши интересы и углублять познания. Современная организация культурно-просветительской и исследовательской деятельности, планы комплектования в контакте с профильным музеем, обращение к позитивному опыту музеев подобного типа, поиски новых форм и творческих решений — основные концептуальные принципы создания данного музейного сегмента. Выступая в роли определенного дополнения, временного образования, постоянно развиваясь и модернизируясь, такая экспозиция имеет серьезные перспективы занять достойное место в музейной сети региона.

В качестве примера практического применения указанных принципов предлагаем к рассмотрению концепцию проекта новой экспозиции,

посвященной известным литераторам — путешественникам, посетившим Крымский полуостров в XIX — начале XX вв. Рабочее название: «Писатели-путешественники в Тавриде XIX — н. XX вв.». Особую новизну данному выставочному объекту придает то обстоятельство, что структура экспозиции ориентирована на детскую аудиторию. На наш взгляд, такая организация материала позволит (может, впервые) ознакомить подрастающее поколение с историей и географией края, увидеть его вечную красоту, узнать о писателях и поэтах, бывавших здесь и писавших о Крыме, узнать о литературных направлениях и творческих объединениях данного периода истории культуры. Из личного педагогического опыта хочется заметить, что, к сожалению, даже студенты 2 и 3 курсов, живущие в Крыму, не знают, кому установлен памятник на Ялтинской трассе (Л. Н. Толстому, М. И. Кутузову), где останавливались в Крыму А. С. Пушкин и А. С. Грибоедов. Данные экспозиции должны помочь преодолеть подобную инфантильность и интерференцию исторических реалий.

Предлагаем не просто хронологический, но также и «географический» принцип. Экспозиция представляет собой ряд комплексов, связанных сквозной линией: портрет писателя — цитата — маршрутный (путевой) лист. Доминантами выступают географические карты и книжные полки. Предложение М. Т. Майстровской показать «фрагментарный «слепок» на основе незначительного экспонатного ряда подлинных предметов и документов, а, главное, современных представлений о том времени, которое воссоздается и проецируется в стенах музея»⁸, получает практическое воплощение, приобретает рельефность и осязаемость. Именно реконструкции позволят воссоздать порядок вещей⁹, когда художественный образ формируется с помощью произведений искусства (портреты, рисунки, географические карты), с помощью макетов (исторические памятники, памятники архитектуры, фрагменты жилищ или интерьеров) и т. п. Всё должно быть максимально наглядно и «реали-

7 Николаенко Н. В. К проблеме ценностных ориентиров на этапе создания художественной концепции современной музейной экспозиции // Материалы научной конференции КФУ «Культура Северного Причерноморья». Симферополь, 2016.

8 Майстровская М. Т. Предмет в музейной экспозиции: концепция восприятия // Новации в музейном мире. Музей как национальный протокол. Сб. науч. тр. Новосибирск, 2013. С. 153–162.

9 Майстровская М. Т. Музейная и выставочная экспозиция: проблемы современного уровня качества // Музейные тетради крымской музеологической школы. Коктебель, 2017. С. 66–79.

стично», но все макеты исполнены в миниатюре, с использованием элементов театрализации (например, через показ народных костюмов), т. е. как игрушки. В качестве примера вспоминается музейная экспозиция «Комната писателя» посвященная Евгению Белоусову, Лауреату Премии Автономной Республики Крым в библиотеке г. Севастополя. Лампа, кресло, плед, ручка, черновик — всё это позволяло маленьким посетителям увидеть «всамделишные» (т. е. настоящие, подлинные) вещи того, чьи книги они видели на полке! Детский музей предполагает концептуальные новации при построении, но данный принцип может быть использован в любой экспозиции.

Отдельным разделом может стать экспозиционный комплекс, посвященный ныне существующим литературным музеям в Крыму. Доминанта подобной экспозиции — карта с указанием местоположения каждого из них. Обязательно должны быть представлены изображение здания и самой экспозиции (основные фрагменты). Необходимо также указать карту путешествий писателя: так, например, М. Горький, И. Бунин, А. Чехов и М. Волошин любили путешествовать по Крыму, посетили различные интересные географические и исторические объекты. Отдельного упоминания заслуживает А. Грин. Литературная экспозиция по его творчеству — это не что иное, как «Гринландия», с его зашифрованными, но так легко узнаваемыми городами и портами. Художественно данный комплекс отличается наличием большего числа фотографий (это объясняется тем фактом, что в чеховском, волошинском домах всегда было много известных гостей из мира культуры и искусства, которые также предпочитали активно знакомиться с культурой и историей полуострова).

Создание художественного образа является, безусловно, природной особенностью экспозиционного проектирования. Отдельные новации при построении литературно-художественной экспозиции, предназначенной детской аудитории, являются ключевыми, а концептуальные особенности избранного сюжета подводят к специфическому методу построения проекта.

Данный формат не позволяет представить полную структуру экспозиции, потому предлагаем, как пример, четыре экспозиционных ком-

плекса (при этом ограничимся перечислением возможных вариантов).

1. Комплекс — «А. С. Пушкин, 1820».

Портрет.

Цитаты: «Я любил, проснувшись ночью, слушать шум моря — и заслушивался целые часы». «Волшебный край! Очей отрада!»

Маршрутный лист: Керчь — Феодосия — Гурзуф — Никита — Ялта — Гаспра — Алупка — Симеиз — Чертова лестница — Байдарская долина — Георгиевский монастырь — Бахчисарай (Фонтан любви. Фонтан живой!) — Симферополь. (15 августа — 15/16 сентября).

Изображения: акварели (Гурзуф), Байдарская долина, Бахчисарай (виды города и ханского дворца, Фонтан слёз).

Макеты: дом Ришелье, Георгиевский монастырь. Фрагмент дороги из Гурзуфа в Партенит и Кучук-Ламбат (построена в 1779 г. солдатами А. В. Суворова).

2. Комплекс — «А. С. Грибоедов. 1825»

Портрет.

Цитата: «Один и счастлив... Прелесть моря и иных долин, Качи, Бельбека, Кашкли — Узенья (н.р.Черная) и проч., ни с чем сравнить не можно.»

Маршрутный лист: Перекоп — Симферополь — Алушта — Партенит — Гурзуф — Ялта — Алупка — Симеиз — Ялта — Байдары — Балаклава — Инкерман — Севастополь — Херсонес — Мангуп/Кале — Бахчисарай — Иосафатова долина — Успенский монастырь — Симферополь — Саблы — Симферополь (8–13 июля).

Изображения: Иосафатова долина, Успенский монастырь, Мангуп/Кале. План г. Севастополя («Город красив»). Схема Херсонеса («Может, великий Князь стоял на том месте, где я теперь...»).

Макеты: первый православный храм в г. Симферополе, «Замок и башни древнего Чембало».

3. Комплекс — «Л. Н. Толстой. 1854–1855. 1885. 1901–1902».

Портрет.

Цитата: «Россия или должна пасть, или совершенно преобразиться» (1854).

Маршрутные листы: 1) Симферополь — Эски/Орда (п. Лозовое) — Севастополь. 2) Ялта — Симеиз. 3) Севастополь — Ялта — Гаспра.

Изображения: Виды Севастопольской крепости в период боевых действий 1854–55 гг. Карты сражений. Гравюра Севастополя середины XIX в.

Фотографии писателя (совместные с А. П. Чеховым, А. М. Горьким). Рисунки и фото дачи Софьи Паниной (комнаты на первом и втором этажах, где жил Л. Н. Толстой) — ныне санаторий «Ясная поляна».

Макеты: 4-й бастион, фрагмент: городские разрушения. Корабельное орудие образца 1838 г. Парусные корабли (на выбор). Памятники П. Нахимову, В. Корнилову, Владимирский собор.

Муляжи: награды, оружие (личное).

4. Комплекс — «В. Я. Брюсов. 1877. 1896. 1898. 1899. 1924».

Портрет.

Цитата: «Буду учиться любить природу и небо, и зеленое море, и берег с неподвижными кипарисами».

Маршрутный лист: 1) Ялта. 2) Севастополь — Ореанда — Ялта. 3) Севастополь — Ялта — Алушка — Феодосия. 4) Ялта и «Путешествие пешком в шесть дней»: Учан-Су — Гурзуф — Алушта — Корбек (п. Изобильное) — Чатыр-Даг — Космо-Дамиановский монастырь — Кизильташ — Гурзуф — Ялта. 5) Алушка — Коктебель («... приехав на несколько дней, он провел (у Волошина) почти весь месяц»). Примечательная деталь — брюсовские литературные турниры.

Изображения: фото В. Брюсова в коктебельском обществе. Почтовые открытки Ялты, Феодосии.

Макеты: Космо-Дамиановский монастырь. Коктебель и г. Карадаг (с рисунка — изд. И. Вассермана). Памятник Александру III в Феодосии. Воронцовский дворец и фрагмент парка.

Подобным образом можно представить серию перспективных экспозиционных комплексов либо разработать иные конфигурации (в зависимости от принятой архитектурно-художественной концепции)¹⁰¹¹.

Предлагаемые варианты комплексов:

Н. Гоголь, В. Жуковский, К. Батюшков, К. Станюкович, А. К. Толстой, В. Короленко, Н. Ггарин-Михайловский, А. Куприн, О. Мандельштам, И. Бунин, М. Горький, В. Ходасевич, М. Булгаков, В. Маяковский, Г. Газданов, В. Набоков.

10 Николаенко Н. В. К проблеме развития музейной сети Крыма: приоритет литературно-художественной экспозиции // Материалы научной конференции КУКИ-ИТ. Симферополь, 2017.

11 Николаенко Н. В. Крымский исход: 1919–1922 (перспективы музейного проекта) // Материалы IV Музеологического семинара «Время и пространство в музеях-заповедниках». Коктебель, 2018.

Изображения: Копии рисунков с видами крымских городов и селений, почтовые открытки, акварели (плантации виноградников, сады, Никитский ботанический сад).

Макеты и изображения: христианские храмы, мечети, синагоги, кенасы (Чуфут-Кале и Евпатория), дворцы ЮБК, театры Симферополя и Ялты, библиотеки, фонтаны, курорты, гостиницы, вокзалы, верфи, мастерские, кофейни и прочее. Предметы национального быта.

Доминанты экспозиции: 1) географические карты полуострова (фрагменты карты); 2) книжные полки с произведениями данных писателей.

Таким образом, в данной статье поддерживается идея экспозиционного построения как образа (модели), цель которого — воссоздать возможно более целостную среду обитания указанных писателей. Средовой дизайн — средовая сценография: окружающая природа представлена глазами путешественника, а городской провинциальный ландшафт — глазами столичного жителя (писатель замечает прекрасное, запечатлевает его в описаниях и произведениях, но также требовательно ищет комфорт и замечает недостатки и промахи местной администрации). Фрагментарность и избирательность показа преследуют цель — создать образное представление об ушедшем времени, акцентировать внимание на отдельных аспектах. Экспозиция, предназначенная для детской аудитории, предполагает определенную игровую составляющую, необычность перемещений, эмоциональную настроенность. В целом экспозиционные комплексы составят тот необходимый ансамбль, где герои, их произведения и события связаны между собой — как географически, так и творчески, в четких границах эстетических критериев.

Список литературы

1. Каулен М. Е. Музейная экспозиция на современном этапе // Музейные тетради крымской музеологической школы. Коктебель, 2017. С. 28–65.
2. Ломан О. В. Государственный мемориальный музей Н. А. Некрасова. Путеводитель. URL: <http://hong.stankiprof.ru/jurnaly/26554cd4669aaeda2ee78f0ed8a802db> (дата обращения 24.10.2018).
3. Майстровская М. Т. Предмет в музейной экспозиции: концепция восприятия // Новации в музейном мире. Музей как национальный протокол. Сб. науч. тр. Новосибирск, 2013. С. 153–162.

4. Майстровская М. Т. Музейная и выставочная экспозиция: проблемы современного уровня качества // Музейные тетради крымской музееологической школы. Коктебель, 2017. С. 66–79.
5. Николаенко Н. В. К проблеме ценностных ориентиров на этапе создания художественной концепции современной музейной экспозиции // Материалы научной конференции КФУ «Культура Северного Причерноморья». Симферополь, 2016.
6. Николаенко Н. В. К проблеме развития музейной сети Крыма: приоритет литературно-художественной экспозиции // Материалы научной конференции КУКИИТ. Симферополь, 2017.
7. Николаенко Н. В. Крымский исход: 1919–1922 (перспективы музейного проекта) // Материалы IV Музееологического семинара «Время и пространство в музеях-заповедниках». Коктебель, 2018.
8. Овчинникова С. Т., Рысина Ф. Ш., Светлова Г. Г. Музей-квартира Пушкина на Арбате. URL: <http://www.pushkinmuseum.ru/?q=content/ekspoziciya-memorialnoy-kvartiry-pushkina-na-arbate> (дата обращения 24.10.2018).
9. Пономарева Г. Б. Музей-квартира Ф. М. Достоевского. Путеводитель. URL: <https://goslitmuz.ru/museums/muzey-kvartira-f-m-dostoevskogo/> (дата обращения 24.10.2018).
10. Попова Н. И. Музей-квартира А. С. Пушкина. URL: <https://spbib.ru/catalog/—/books/10781662-muzey-kvartira-a-s-pushkina-na-moyke> (дата обращения 24.10.2018).
11. Сборник методических рекомендаций и иллюстративного материала по организации краеведческих маршрутов: науч.-метод. пос./Сост. И. И. Горлова, О. И. Бычкова, Н. А. Костина. Краснодар: Экоинвест, 2018. 290 с.

**THE ASPECTS OF THE MUSEUM NETWORK IN
THE CRIMEA: THE PRIORITY OF THE LITERARY
AND ART EXPOSITION (THE TITLE OF THE
PROJECT «THE WRITERS, WHO TRAVELLED
ACROSS TAURIDA IN THE 19TH —
THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY»).**

Nickolaenko Nickolay Vasilievich,

PhD in History, Associate Professor of the Department of museology and library and information activities Crimean University of Culture, Arts and Tourism,
Kievskaya str., 39, Simferopol, Russia, 295017,
e-mail: maxnikolayenko@yandex.ru

Reznik Oxana Vladimirovna.

DSc in Philology, Professor, The Head of the Department of foreign languages and cross-language communications. Crimean University of Culture, Arts and Tourism,
Kievskaya str., Simferopol, Russia, 39, 295017,
e-mail: oreznik2005@yandex.ru

Shvetsova Antonina Viktorovna,

DSc in Philosophy, Professor,
The Head of the Department of Philosophy, Culturology and Humanities,
Crimean University of Culture, Arts and Tourism,
Kievskaya str., 39, 295017 Simferopol, Russia,
e-mail: voljaton@rambler.ru

Abstract

The article deals with the project, that carries the knowledge concerning the regional aspect of the area studies in the Crimea. The authors touch upon the development of the museum network of the region on the issue of popularization of the literary heritage. It is emphasized that the process of the creation of the new expositions in museums, is the process that depends upon different factors. Some theoretical and practical aspects of the creation of the literary and art expositions are considered in the article.

Keywords

Exposition, artistic image, reconstruction, layout, exhibition complex, model.

RAR
УДК 93
ББК 63; 71

РУССКОЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ О ПОЛИТИКЕ СССР В ОТНОШЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ

Пархоменко Татьяна Александровна,
доктор исторических наук,

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва;
руководитель Центра культурного наследия русского зарубежья,
Берсеневская набережная, д. 20, г. Москва, Россия, 119072,
e-mil: ParchomenkoT@yandex.ru

Аннотация

Статья анализирует взгляды русской эмиграции 1920–1930 гг. и точку зрения одного из видных ее представителей — П. Н. Савицкого на культурную политику большевиков и состояние культурного наследия в Советском Союзе. Рассматриваются вопросы конфискации и национализации исторических богатств России, разрушения памятников прошлого, распродажи музейных ценностей и отношения к ним русского зарубежья.

Ключевые слова

История, Россия, СССР, русское зарубежье, культура, культурное наследие, распродажа музейных ценностей, П. Н. Савицкий.

Русская эмиграция проявляла большой интерес к советской России. В многочисленных зарубежных изданиях отечественных изгнанников тема родины, ее истории и судьбы, занимала главное место. Важной их частью были публикации, посвященные проблемам русской и советской культуры¹. В 1920–1930 гг. за границей вышли такие книги, как «История древнерусского искусства» М. Алпатова и Н. Брунова², «Русская икона» Н. Кондакова³, «История русского монументального искусства домосковского времени» и «История русского монументального искусства Великого княжества Московского»

Д. Айналова⁴, «Памятники церковной и гражданской архитектуры Киева XI–XIX веков» Г. Лукомского⁵, «Живопись Древней Руси» и «Русские иконы» П. Муратова⁶, «Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока» Н. С. Трубецкого⁷, сборники статей

- 1 См.: Пархоменко Т. А. Немецкие издания 1920–1930 годов о русской эмиграции в Германии // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 2 (33). С. 120–135.
- 2 Alpatov M., Brunov N. Geschichte der altrussischen Kunst. T. 1–2. Augsburg; Baden bei Wien, 1932.
- 3 Kondakow N. P. The Russian Icon. T. 1–4. Oxford: Clarendon Press, 1927; Кондаков Н. П. Русская икона. Т. 1–4. Прага: Seminarium Kodakovianum, 1931–1933.

- 4 Ainalov D. Geschichte der russischen Monumentalkunst der vormoskovitischer Zeit. — Berlin, Leipzig: Walter de Gruyter & co., 1932. — 95 S.; Ainalov D. Geschichte der russischen Monumentalkunst zur Zeit des Grossfürstentume Moskau. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter & co., 1933. 135 S.
- 5 Лукомский Г. К. Памятники церковной и гражданской архитектуры Киева XI–XIX веков. Мюнхен: ОРХИС, 1923. 180 с.
- 6 Muratow P. L'ancienne peinture russe. Roma; Praha: A. Stock, 1925. — 181 P.; то же на ит. яз.: Muratow P. La pittura russa antica. Roma; Praga, 1925; Muratow P. Les icones russes. Paris: J. Schiffrin, Editions de la Pleiade, 1927. 266 с.
- 7 Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1925. 60 с.

«Россия и латинство»⁸, «На путях. Утверждение евразийцев»⁹ и другие.

Среди зарубежных публикаций особой актуальностью выделялись работы видного представителя эмиграции, идеолога евразийства Петра Николаевича Савицкого, громкое название которых говорило само за себя: «Разрушающие свою Родину (снос памятников искусства и распродажа музеев СССР)» и «Гибель и воссоздание неопенимых сокровищ (Разгром русского зодческого наследия и необходимость его восстановления)»¹⁰. Написанные в Праге и изданные в Берлине в 1936–1937 гг. в виде небольших брошюр, они буквально кричали миру о вандальной политике большевиков в отношении культурного наследия России, о том, что многих памятников древнерусского зодчества, описанных искусствоведами прошлого и настоящего, уже нет, и нужно как можно быстрее общими усилиями изменить данную, «совершенно небывалую, по темному невежеству своему», ситуацию, сохранить пока еще существующие исторические постройки, восстановить уже утраченные с целью «включения в культурно-историческую цепь вырванных из нее ценнейших звеньев», чтобы «снова заставить играть красками *всю совокупность* созданных прошлыми поколениями художественных форм»¹¹.

П. Н. Савицкий, анализируя советские и зарубежные источники и отмечая, что «известия о разрушениях приходят со всех сторон», выражал глубокую озабоченность тем, что «русская общественность не отдает себе достаточного отчета в том *разрушении России, как страны искусства*, которое происходит на наших глазах», не видит, что «коммунистическая власть показала себя *ожесточенным и ни перед чем не оста-*

навливающимся разрушителем ценнейших памятников истории материальной культуры» и «эстетического облика целых городов» — Архангельска, Великого Устюга, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга, Петербурга, Москвы и т. д.¹² Приводя «из многих примеров немногие», Савицкий писал: «Ведь Советский Союз есть *страна небывалого*. В то же время он — наследник одного из наибольших и одного из наиболее самостоятельных в мире художественных наследий. Значение этого наследия еще не оценено... Но раньше или позже оно станет ясным для всех. И тогда Советский Союз, если только он не разрушит своих памятников, может стать *первой туристической страной мира*. Ибо особую привлекательность имеет сочетание *нового со старым*: строительство нового мира на фоне великих памятников прошлого. И это сочетание должно реализоваться не только в Кремле, но повсюду, где есть к тому данные» — в провинциальной России, в Крыму, на Кавказе, за Каспием, — «без этого фона новое теряет свою новизну, страна становится «Иваном, непомнящим родства». Размах строительства должен сочетаться с пафосом бережения культурного наследия», однако «что же мы видим на самом деле?» — задавался вопросом Савицкий¹³.

Ответ был удручающим, причем не только применительно к памятникам русского зодчества, в отношении которых «Батыево разорение — сущие пустышки», но и отечественных музеев¹⁴. В результате складывалась «картина ожесточенного гонения на все, что есть ценного в историческом прошлом нации», и делался вывод о том, что «коммунистическая власть не смогла сберечь народное добро, перешедшее в ее руки»¹⁵. Отмечая, что «на большой процент оно было просто *разворовано* теми «хранителями», которым оно было поручено», Савицкий особенно негодовал по поводу массовой распродажи советским государством русских музейных ценностей, да еще по бросовой стоимости, ибо масштабы вывоза за границу предметов старины были настолько велики, что они буквально обрушили цены мирового антикварного рынка.

8 Россия и латинство. Статьи Бицилли П. М., Вернадского Г., Ильина В. Н. и др. Берлин: б. и., 1923. 220 с.

9 На путях. Утверждение евразийцев. Статьи П. Н. Савицкого, А. В. Карташова, П. П. Сувчинского, кн. Н. С. Трубецкого, Г. В. Флоровского, П. М. Бицилли/Обл. работы худ. П. Ф. Челищева. Берлин: Геликон, 1922. 358 с.

10 Савицкий П. Н. Разрушающие свою Родину (снос памятников искусства и распродажа музеев СССР). Берлин: Издание евразийцев; Druck Speer & Schrakft, 1936. 40 с.; Савицкий П. Н. Гибель и воссоздание неопенимых сокровищ (Разгром русского зодческого наследия и необходимость его восстановления). Берлин: Издание евразийцев; Druck Speer & Schrakft, 1937. 39 с.

11 Савицкий П. Н. Гибель и воссоздание неопенимых сокровищ. С. 7, 29.

12 Савицкий П. Н. Разрушающие свою Родину. С. 3, 9.

13 Савицкий П. Н. Разрушающие свою Родину. С. 7–8.

14 Савицкий П. Н. Гибель и воссоздание неопенимых сокровищ. С. 10.

15 Савицкий П. Н. Разрушающие свою Родину. С. 21, 22.

Для русских эмигрантов это была большая тема. Многие из них на родине в ходе большевистской конфискации и национализации лишились своих ценностей, и вот спустя короткое время они начали всплывать на Западе. Конечно, некоторые изгнанники смогли вывезти из России часть своих богатств. Так, Ф. Ф. Юсупов взял с собой уникальную жемчужину «Перегрина», причудливой формы алмаз «Голова барана», бриллианты «Султан Марокко» и «Полярная звезда», полотна Рембрандта «Портрет дамы со страусовым веером» и «Портрет господин с перчатками и в высокой шляпе», картину Серова «Князь Юсупов на белом коне» и прочие раритеты. Или другой пример с реликвиями Донского Войскового музея и Донского исторического архива, которые в 1920 г. были вывезены по указанию атамана А. П. Богаевского за границу: книги, коллекции казачьих знамен, оружие (сабли, булавы, насеки), портреты военачальников Войска Донского, ордена, медали, банковское золото и серебро, культовые предметы Старочеркасского и Новочеркасского соборов. Однако все вывезенные русскими беженцами ценности по своим объемам не шли ни в какое сравнение с количеством реквизированного и проданного коммунистами богатства.

Уже в феврале 1919 г. при Наркомате торговли и промышленности возникла Экспертная комиссия по отбору конфискованных художественных вещей для антикварного экспортного фонда во главе с М. Горьким и М. Ф. Андреевой, собравшая только за первые полтора года своей работы 120 тыс. предметов: картин, мебели, оружия, фарфора, ковров и т. д.¹⁶ 2 марта 1920 г. В. И. Ленин потребовал от Совнаркома «войти в соглашение с НК государственного контроля и ВЧК о борьбе против укрывателей товаров и запасов, могущих служить, между прочим, фондом для вывоза за границу», после чего захват собственности приобрел колоссальные масштабы¹⁷. 13 июля 1920 г. к декрету «О реквизициях и конфискациях» СНК принял постановление «Об изъятии благородных металлов, денег и разных ценностей», затем 12 ноября 1921 г. СНК учредил особую «Комиссию по сосредоточению

и учету ценностей» во главе с членом Политбюро Л. Д. Троцким, предложившим реквизировать собственность не только светских, но и религиозных лиц и учреждений. А чтобы они не смогли ее вернуть, были изданы декреты «Об ограничении права истребования предметов домашнего обихода бывшими собственниками от их фактических владельцев» (16.03.1922) и «Об аннулировании претензий, вытекающих из реквизиции и конфискации благородных металлов и драгоценных камней» (11.10.1922).

Такая политика привела к тому, что к 1924 г. «в стране было изъято не менее 10 миллионов памятников истории и культуры и предметов быта»¹⁸. Одни лишь музейщики Москвы, по данным заведующей музейным отделом Наркомпроса Н. И. Троцкой, проэкспертировали «26000 пудов благородного металла. Музейных вещей было отобрано и вывезено в Оружейную палату 10000 предметов весом в 400 пудов»¹⁹. Значительная часть конфискованных богатств предназначалась к продаже за рубеж, поэтому Наркомат торговли и промышленности еще летом 1920 г. был преобразован в Наркомат внешней торговли. 7 февраля 1921 г. за подписью Ленина вышел декрет СНК «О составлении Государственного фонда ценностей для внешней торговли», предусматривавший образование местных экспертных комиссий по «отбору, классификации, оценке и учету могущих служить для экспорта предметов художественных и антикварно-исторических, а также предметов роскоши»; затем 30 декабря 1921 г. СНК издал декрет «О государственном экспертном фонде по филателии», который также создавался при Наркомате внешней торговле для продажи за рубеж²⁰.

Все это позволило Наркомату внешней торговли 27 октября 1922 г. заключить с Армандом Хаммером договор о поставке в РСФСР пшеницы в обмен на пушнину, икру и предметы искусства Гохрана. Удача сделки с Хаммером привела к росту сбыта антиквариата за рубеж и переводу его на более высокий уровень. 22 марта 1923 г. Совет труда и обороны издал постановле-

16 Мосякин А. Антикварный экспортный фонд // Наше наследие. 1991. № II (20). С. 32.

17 Ленин В. И. Проект постановления СНК по вопросу о товарном фонде. Полн. собр. соч. 5-е издание. Т. 54. М.: Изд-во политической литературы, 1983. С. 425.

18 Мосякин А. Антикварный экспортный фонд // Наше наследие. 1991. № III (21). С. 40.

19 Троцкая Н. Музейное строительство и революция // Наука и искусство. 1926. № 1. С. 41.

20 Культура в нормативных актах Советской власти. 1917–1922. М.: ЗАО «Юридический Дом «Юстицинформ»», 2009. С. 266–267, 321.

ние «О реализации государственного фонда художественных ценностей, находящегося в распоряжении органов Народного Комиссариата Внешней Торговли», которое обязывало Наркомат внешней торговли «немедленно приступить к передаче комиссии Совета Труда и Обороне по учету и реализации государственных фондов находящийся в ведении органов Народного Комиссариата Внешней Торговли в Москве и Петрограде государственный фонд художественных ценностей» с целью последующей его распродажи²¹. Наконец, в 1923 г. было создано общество «Международная книга», выпустившее в 1925–1927 гг. для мирового рынка каталоги антикварных книг XVIII–XIX вв. и «Редчайших книг и их современной расценки».

Наблюдая за всем этим и внимательно отслеживая информацию советской прессы, русская эмиграция пребывала в недоумении. Она уже почти смирилась с большевистской национализацией своих ценностей, но принять их тотальную распродажу за рубеж и лишение народа культурного достояния страны не могла. П. Н. Савицкий, изучив официальные данные советских органов власти и управления, а также статистические обзоры «Внешняя торговля СССР» за 1928–1935 годы, представил гнетущую картину продаж и вывоза из России ее историко-культурных ценностей: в 1928 г. через таможеню на Запад ушло 49 тонн картин, гравюр и прочих предметов старины и искусства на сумму 654 тыс. золотых рублей, в 1929 г. — уже 219 тонн на сумму 5.573 тыс. зол. руб., в 1930 г. — 577 тонн, на сумму 7.835 тыс. зол. руб., в 1931 г. — 113 тонн на сумму 3.230 тыс. зол. руб., в 1932 г. — 74 тонны на сумму 1.153 тыс. зол. руб., в 1933 г. — 55 тонн на сумму 846 тыс. зол. руб.²²

Таким образом, за шесть лет советская власть вывезла из страны 1087 тонн культурных ценностей. Но этим дело сбыта за границу антиквариата не ограничилось. В 1934–1935 гг. СССР продал еще 83 тонны «предметов искусства и коллекционирования»²³. В результате, по данным таможенной статистики советской внешней торговли, за 1928–1935 гг. Россия лишилась 1170 тонн художественных ценностей. Однако

это был лишь один канал переправки за рубеж культурных богатств страны. Помимо него, работала еще дипломатическая почта, существовала практика дружеских подарков большевиков близким им зарубежным деятелям и переправки антиквариата по закону СНК СССР от 2 января 1930 г. «О порядке вывоза иностранцами за границу предметов искусства и старины», который позволял перевозить в различные страны произведения искусства «без особых разрешений народных комиссариатов просвещения и без лицензии, лишь по предъявлению счетов магазинов» — Торгсина, комиссионных товаров и др.²⁴

Русское зарубежье старалось отслеживать все антикварные аукционы, происходившие на Западе с участием СССР, на которых с молотка уходили такие шедевры мировой живописи, как портрет работы Луки Кранаха старшего, портрет супружеской пары Лоренцо Лотто, Мадонна Дж. Б. Чима да Конельяно, Поклонение волхвов Дефенденте Феррари. При этом распродажа принадлежавших России сокровищ велась не только поштучно, но и «помузейно», в результате чего были ликвидированы музеи-усадебны Покровское-Стрешнево, Ольгово, Дубровицы, дворец-музей князей Палей и др. Исключительно болезненно русская эмиграция воспринимала распродажу сокровищ Эрмитажа, лишившегося самых ценных своих полотен — Рафаэля, Рубенса, Тициана, Яна ван Эйка. Как писал Савицкий, ««вредительство» есть самое мягкое из возможных обозначений для подобного рода действий», ибо «вывоз в капиталистические страны предметов искусства и старины даже только на 20 млн. зол. руб. (крайне преуменьшенные данные) — это огромный удар русскому музейному делу. И совсем небольшая помощь русскому экспорту», который в 1930 г. составлял «менее одного процента» всего экспорта. Рассудку вопреки, вывоз этот, в категориях советской таможенной статистики, зачисляется в рубрику «промышленного экспорта». Таким порядком, реальные достижения советской «индустриализации» попадают в обидное соседство со статьей, знаменующей собою не что иное, как *распродажу национальных исторических ценностей*»²⁵.

21 Культура в нормативных актах Советской власти. 1923–1927. М.: ЗАО «Юридический Дом «Юстицинформ», 2010. С. 36.

22 Савицкий П. Н. Разрушающие свою Родину. С. 24.

23 Там же.

24 Юренева Т. Ю. Русская икона в музеях США // Культурное наследие России. 2017. № 2. С. 87–88.

25 Савицкий П. Н. Разрушающие свою Родину. С. 30, 34.

Назвав расточение советских музеев позором и утратой «культурно-исторического достоинства страны», особенно на фоне активного сноса архитектурных памятников и обезличивания древнерусских городов, П. Н. Савицкий утверждал: «Существует один способ загладить этот позор: не только немедленно прекратить разбазаривание, но и приступить к систематическим закупкам художественных произведений за границей, с целью планового пополнения музеев СССР»; также необходимо «сооружение вновь наиболее ценных из уничтоженных построек» с одновременной организацией «эффективной и широкой охраны зодческих памятников», их «инвентаризации и издания архитектурного наследия страны», для чего необходимо создать «Комиссию зодческого восстановления»; и, наконец, последний тезис Савицкого — «ликвидаторы художественного наследия страны должны быть ликвидированы в кратчайший срок»²⁶. Эти слова и их непререкаемый тон, были словно взяты с советских плакатов тридцатых годов, но П. Н. Савицкий говорил не о репрессиях, а о справедливом возмездии: «Но помните, что приговор ваш над названными выше и другими памятниками русского величия будет вашим приговором и над самими собой. Замысел ваш не удастся. Будущие поколения (а может быть, уже и наше) заклеят проклятием ваши имена и отстроят вновь разрушенные вами памятники»²⁷.

Список литературы

1. Культура в нормативных актах Советской власти. 1917–1922. М.: ЗАО «Юридический Дом «Юстицинформ»», 2009. 384 с.
2. Культура в нормативных актах Советской власти. 1923–1927. М.: ЗАО «Юридический Дом «Юстицинформ»», 2010. 528 с.
3. Ленин В. И. Проект постановления СНК по вопросу о товарном фонде. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 54. М.: Изд-во политической литературы, 1983. С. 425.
4. Лукомский Г. К. Памятники церковной и гражданской архитектуры Киева XI–XIX веков. — Мюнхен: ОРХИС, 1923. 180 с.

26 Савицкий П. Н. Разрушающие свою Родину. С. 34–35, 39, 4.

27 Савицкий П. Н. Гибель и воссоздание неценных сокровищ. С. 39.

5. Мосякин А. Антикварный экспортный фонд // Наше наследие. 1991. № II (20). С. 29–42.
6. На путях. Утверждение евразийцев. Статьи П. Н. Савицкого, А. В. Карташёва, П. П. Сувчинского, кн. Н. С. Трубецкого, Г. В. Флоровского, П. М. Бицилли/Обл. работы худ. П. Ф. Челищева. Берлин: Геликон, 1922. 358 с.
7. Пархоменко Т. А. Немецкие издания 1920–1930 годов о русской эмиграции в Германии // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 2 (33). С. 120–135.
8. Россия и латинство. Статьи Бицилли П. М., Вернадского Г., Ильина В. Н. и др. Берлин: б. и., 1923. 220 с.
9. Савицкий П. Н. Разрушающие свою Родину (снос памятников искусства и распродажа музеев СССР). Берлин: Издание евразийцев; Druck Speer & Schrakft, 1936. 40 с.
10. Савицкий П. Н. Гибель и воссоздание неценных сокровищ (Разгром русского зодческого наследия и необходимость его восстановления). Берлин: Издание евразийцев; Druck Speer & Schrakft, 1937. 39 с.
11. Троцкая Н. Музейное строительство и революция // Наука и искусство. 1926. № 1. С. 29–53.
12. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1925. 60 с.
13. Юренева Т. Ю. Русская икона в музеях США // Культурное наследие России. 2017. № 2. С. 87–88.
14. Ainalov D. Geschichte der russischen Monumentalkunst der vormoskovitischer Zeit. —Berlin und Leipzig: Walter de Gruyter & co., 1932. 95 S.
15. Ainalov D. Geschichte der russischen Monumentalkunst zur Zeit des Grossfürstentume Moskau. Berlin und Leipzig: Walter de Gruyter & co., 1933. 135 S.
16. Alpatov M., Brunov N. Geschichte der altrussischen Kunst. T.1–2. Augsburg; Baden bei Wien, 1932.
17. Kondakow N. P. The Russian Icon. T. 1–4. Oxford: Clarendon Press, 1927.
18. Muratow P. L'ancienne peinture russe. Roma; Praha: A. Stock, 1925. — 181 P.; то же на ит. яз.: Muratov P. La pittura russa antica. Roma; Praga, 1925; Muratov P. Les icones russes. — Paris: J. Schiffrin, Editions de la Pleiade, 1927. 266 с.

RUSSIAN POST-REVOLUTIONARY ABROAD ABOUT THE POLICY OF THE USSR IN RELATION TO THE CULTURAL HERITAGE OF RUSSIA

Parkhomenko Tatiana Aleksandrovna,

DSc in History, The Russian Institute of Cultural and Natural Heritage by named

D. S. Likhachev,

Head of the Center of Cultural heritage of the Russian Abroad,

Bersenevskaya naberezhnaya, 20, Moscow, Russia, 119072,

e-mil: ParchomenkoT@yandex.ru

Abstract

The article analyzes the views of the Russian emigration of 1920–1930 and the point of view of one of its prominent representatives — P. N. Savitsky»s on cultural policy of the Bolsheviks and the state of cultural heritage in the Soviet Union. The consider of confiscation and nationalization of historical wealth of Russia, destruction of monuments of the past, sale of Museum values and attitude of the Russian abroad to them are considered.

Keywords

History, Russia, USSR, Russian Diaspora, culture, cultural heritage, sale of Museum values, P. N. Savitsky.

RAR
УДК 008
ББК 71

СОХРАНЕНИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЕВ КРЫМА

Резник Оксана Владимировна

доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой иностранных языков и межъязыковых коммуникаций,
Крымский университет культуры, искусств и туризма,
ул. Киевская, д. 39, г. Симферополь, Россия, 295017,
e-mail: oreznik2005@yandex.ru

Стельмах Ирина Федоровна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры музеологии и библиотечно-информационной деятельности,
Крымский университет культуры, искусств и туризма,
ул. Киевская, д. 39, г. Симферополь, Россия, 295017,
Заведующая научно-методическим отделом,
Центральный музей Тавриды
e-mail: irinastelm@mail.ru

Швецова Антонина Викторовна

доктор философских наук, профессор,
заведующая кафедрой философии, культурологии и гуманитарных дисциплин,
Крымский университет культуры, искусств и туризма,
ул. Киевская, д. 39, г. Симферополь, Россия, 295017,
e-mail: voljaton@rambler.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению роли музеев в сохранении и популяризации культурного наследия Крыма. Рассмотрены основные направления музейной деятельности — изучение, сохранение, соответствующее использование, популяризация и т. п. объектов культурного наследия, их особенности на примере памятников культуры Крыма. Особое внимание уделено музеефикации объектов культурного наследия.

Ключевые слова

Крым, музей, культурное наследие, музеефикация.

Культурное наследие Крымского полуострова уникально — оно включает памятники, начиная от первобытного общества до XXI в., а многовековая традиционная полиэтничность и поликонфессиональность являются основой его многообразия. Это культурное наследие, определяющее колорит Крыма как необыкновенно интересной исторической территории, нуждается в специально организованном сохранении,

реставрации и популяризации, что во многом определяет современную деятельность крымских музеев, имеющих богатый опыт и практические наработки в данном направлении.

Независимо от профильной направленности, форм собственности и статуса, основными видами музейной деятельности являются: — научно-исследовательская, заключающаяся в проведении научных исследований в сфере культуры,

истории, искусства, музейных предметов и коллекций, а также организации соответствующих публикаций, конференций, семинаров и т. п.; — научно-фондовая, состоящая в создании условий для комплектования, изучения, сохранности и безопасности музейных предметов и коллекций; — экспозиционно-выставочная, проводящаяся с целью публичного экспонирования музейных предметов и коллекций; — научно-просветительская и культурно-образовательная, направленная на популяризацию культурно-исторического наследия; — экскурсионно-обслуживающая, предполагающая предоставление информационных услуг населению; — туристская, состоящая в разработке и внедрении экскурсионных и туристских маршрутов; — иная деятельность, соответствующая целям деятельности музеев в Российской Федерации¹.

Эти направления деятельности крымских музеев соответствуют целям деятельности музеев, определенных в Ст. 27 Федерального закона от 26.05.1996 № 54-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», которые состоят в осуществлении просветительной, научно-исследовательской и образовательной деятельности; хранении музейных предметов и музейных коллекций; выявлении и собирании музейных предметов и музейных коллекций; изучении музейных предметов и музейных коллекций; публикации музейных предметов и музейных коллекций.

Отдельным абзацем выделены цели создания музеев-заповедников, в котором указано, что к уже обозначенным целям добавляются цели обеспечения сохранности переданных музею-заповеднику объектов культурного наследия и доступа к ним граждан, а также сохранение, изучение и популяризация указанных объектов².

Таким образом, направления и цели музейной деятельности в Крыму полностью соответствуют федеральному законодательству и пред-

усматривают комплексный подход к изучению, сохранению и популяризации культурно-исторического наследия, или, как следует из нормативных документов, культурного наследия, объединяя научно-исследовательскую и практическую работу.

Эта деятельность имеет, безусловно, свои исторически сложившиеся особенности и традиции. Объединяющая государственные и негосударственные музеи Республики Крым и Севастополя, достаточно разнообразная и многочисленная музейная сеть Крыма сохраняет и развивает традиции, направленные на охрану и популяризацию памятников истории и культуры, эффективно функционируя и привлекая многочисленных посетителей. Только в 2018 году, по состоянию на 1 октября, 35 государственных и муниципальных музеев Республики Крым посетили более 3,1 миллиона человек. В этих музеях было организовано более 83 тысяч экскурсий, открыто 410 новых выставок, проведено более 3 тысяч культурно-массовых и культурно-образовательных мероприятий, коллекции музеев насчитывают порядка 1 миллиона предметов³.

Результатом этой работы является решение одной из задач музейной деятельности в Крыму — сохранить и популяризовать многочисленные памятники культурного наследия, оставленные современникам предшествующими поколениями.

Исходя из этого, закономерным является вопрос о содержании понятия «культурное наследие». Согласно федеральному законодательству, к объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации относятся «объекты недвижимого имущества (включая объекты археологического наследия) и иные объекты с исторически связанными с ними территориями, произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивили-

1 Закон Республики Крым от 09 января 2018 года № 453 — ЗРК/2018 «О музеях и музейном деле в Республике Крым». URL:<https://mkult.rk.gov.ru/ru/document/show/277> (дата обращения 24.10.2018).

2 Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации». URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/3abac167aec5ca5ea25092032d81fb9b81fcb92c/ (дата обращения 24.10.2018).

3 См. Музеи Крыма бьют рекорды по посещаемости. URL:<https://crimeapress.info/muzei-kryma-bjut-rekordy-po-poseshhaemosti/> (дата обращения 24.10.2018).

заций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры»⁴.

К недвижимым объектам культурного наследия относятся объекты, которые не могут быть перенесены на другое место, не утратив при этом археологическую, эстетическую, этнологическую, историческую, архитектурную, научную или художественную ценность. Напротив, движимые объекты — это элементы или группы элементов культурного наследия, которые связаны и составляют единую целостность с недвижимым объектом, но могут быть отделены от него, что, в свою очередь может привести к утрате его археологической, эстетической, этнологической, исторической, архитектурной, научной и художественной ценности. Поэтому основная работа должна проводиться по сохранению недвижимых объектов и тех элементов, которые составляют его ценность.

Одной из лучших форм организации сохранения и популяризации недвижимых объектов культурного наследия Крыма является их музеефикация, и прежде всего создание мемориальных музеев и музеев-заповедников. Сегодня на территории полуострова создано и действует девять государственных заповедников: Алушкинский дворцово-парковый музей-заповедник; Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник; Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник; Историко-культурный мемориальный музей-заповедник «Киммерия М. А. Волошина»; Музей-заповедник «Судакская крепость»; Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь Скифский»; Историко-археологический музей-заповедник «Калос Лимен»; Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник; Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический».

Музеефикация в значительной степени способствует актуализации дворцовых комплексов, таких, как Алушкинский и Массандровский дворцы (Алушкинский дворцово-парковый му-

зей-заповедник), Ливадийский дворец-музей и Дворец-замок «Ласточкино гнездо», Ханский дворец (Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник), которые стали визитной карточкой полуострова.

Широкую известность получили созданные на базе памятников местного и национального значения мемориальные музеи, значительная часть которых включена в состав вышеуказанных заповедников. Прежде всего, это музеи, хранящие память (и соответствующие артефакты) об известных деятелях культуры: Дом-музей А. П. Чехова в Ялте; дача А. П. Чехова и О. Л. Книппер в Гурзуфе; Музей А. С. Пушкина в Гурзуфе (Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник); Мемориальный музей И. Гаспринского (Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник); Дом-музей М. А. Волошина в Коктебеле; Музей Марины и Анастасии Цветаевых в Феодосии; Дом-музей А. С. Грина и Дом-музей К. Г. Паустовского в Старом Крыму (Историко-культурный мемориальный музей-заповедник «Киммерия М. А. Волошина»); Музей-усадьба писателя С. Н. Сергеева-Ценского; Музей-усадьба А. Н. Бекетова; Музей писателя И. С. Шмелева в Алуште; Дом-музей Н. Бирюкова и Музей Леси Украинки в Ялте; Литературно-мемориальный музей А. С. Грина в Феодосии; Дом-музей Ильи Сельвинского в Симферополе.

В Крыму находятся многочисленные памятники, хранящие информацию о военных подвигах и судьбах наших соотечественников: Мемориал Крымской войны — поле Альминского сражения (Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник); Мемориал жертвам фашистской оккупации Крыма 1941–1944 гг. (Концлагерь «Красный»); Мемориальный комплекс «Сапун-гора»; Мемориальный комплекс памятников обороны города в 1854–1855 гг., 1941–1944 гг. «Малахов курган»; Дом-музей севастопольского подполья; Мемориальный комплекс памятников обороны города в 1854–1855 годах «Исторический бульвар» (Государственный музей героической обороны и освобождения Севастополя); Музей истории обороны Аджимушкайских каменоломен; Музей истории Эльтигенского десанта (Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник); Музей дважды Героя Советского Союза Амет-Хана Султана в г. Алушка и др.

4 Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения 24.10.2018).

Особого внимания заслуживают мемориальные музеи, созданные в результате общественной и частной инициативы. Музей Веры Мухиной в Феодосии разместился в доме, связанном с детскими годами выдающегося скульптора. В доме семьи Перовских, построенном в 1872 г., размещены экспозиции Музея истории ЗАО им. С. Перовской в Севастополе. Мемориальный музей выдающегося дирижера Н. Г. Рахлина в Мисхоре открыт по инициативе его семьи, на даче, где жил Натан Григорьевич. На этой же даче бывали такие известные деятели культуры, как И. Козловский, М. Плисецкая, Д. Шостакович и многие другие, что отмечено в музейной композиции⁵.

Частный мемориально-художественный дом-музей Е. В. Нагаевской и А. Г. Ромма в Бахчисарае расположен в двух небольших комнатах дома, в котором жила известная художница с 1955 г. по 1990 г. В маленьком доме-мастерской бывали известные художники и поэты, писатели и историки, среди них А. Куприн, М. Шагинян, М. Волошина, А. Вознесенский⁶.

За счет народных пожертвований выполнены все работы по созданию Музея «35-я береговая батарея» в Севастополе.

С деятельностью музеев-заповедников связана музеефикация значительного количества археологических объектов, таких как: Херсонес Таврический (Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»); Судакская крепость (Музей-заповедник «Судакская крепость»); Царский курган и Мелек-Чесменский курган — памятники погребальной архитектуры IV в. до н.э.; Пантикапей, Нимфей, Тиритака, Мирмекий, Парфений, Порфмий; склеп Деметры и склеп 1891 года; античная загородная усадьба (Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник); античное городище Калос Лимен (Прекрасная Гавань) IV в. до н.э. — II в. н.э. (Историко-археологический музей-заповедник «Калос Лимен»); крепость Неаполь Скифский; археологический парк «Ак-Кая» (Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь Скифский»);

Историко-археологический комплекс Салачик (Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник). Особый интерес представляет комплекс пещерных городов Крыма — Чуфут-Кале, Мангуп-Кале, Эски-Кермен, Тепе-Кермен, Качи-Кальон, Сюреньская крепость, Бакла, Кыз-Куле, Кыз-Кермен, а также монастырь Шулдан, Челтер-Мармара, Храм Донаторов и другие объекты в составе Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника.

Интересно, что исторические объекты, к которым относятся отдельные строения, комплексы строений, места массовых захоронений, места боевых действий, в свою очередь, послужили основой для создания целой сети музеев при предприятиях, учреждениях, организациях, учебных заведениях, а также частных музеев.

В здании театра, построенном в 1911 г. по проекту академика архитектуры А. Н. Бекетова в Симферополе, разместился музей истории Крымского академического русского драматического театра им. М. Горького. Музей истории Артека в Ялте расположен в здании, построенном в 1903 г. в имении В. И. Березина. Инженер-мостостроитель и железнодорожный подрядчик В. И. Березин, купивший по соседству с Гурзуфом большой участок земли, планировал построить большой, по-европейски комфортный курорт. Исполненное в изысканном мавританском стиле по проекту известного архитектора Н. П. Краснова здание первоначально планировалось как казино курорта «Суук-Су»⁷.

Музей истории виноградарства и виноделия завода шампанских вин (ЗШП) «Новый свет» был открыт в доме, построенном в п. Новый Свет для семьи князя Л. С. Голицына в конце XIX в. В помещении Музейной галереи Главного подвала, построенного в конце XIX в., расположены выставочные залы Музея виноделия ЗАО «Торговый дом «Массандра».

Этнографический Музей истории и культуры крымских караимов им. С. И. Кушуль размещен в евпаторийском комплексе кенасс — храмовом памятнике архитектуры. Комплекс включает Большую и Малую кенассы, мраморные дво-

5 Тарасенко Д. Н. Южный берег Крыма. Симферополь: Бизнес-Информ, 2006. С. 277.

6 Музеи Крыма: Справочник-путеводитель/Авт.-сост. А. В. Зубарев, С. Н. Пушкарев, Е. Б. Вишневская, В. П. Пересунько. Симферополь: ОАО СГТ, 2009. С. 228.

7 Музеи Крыма: Справочник-путеводитель/Авт.-сост. А. В. Зубарев, С. Н. Пушкарев, Е. Б. Вишневская, В. П. Пересунько. Симферополь: ОАО СГТ, 2009. С. 75.

рики с аркадами, сад с перголой, датируемые XVIII–XIX вв.⁸

Музей этнографии при коммунальном предприятии «Евпаторийский крымскотатарский культурно-этнографический центр «Текие-дервиш» создан на территории историко-архитектурного памятника XV–XVII вв. Комплекс текие — храм суфийской общины. Евпаторийский ансамбль, состоящий из медресе, мечети Джума-Джами XVII в. и текие XV в. является историческим шедевром эпохи «возрождения» крымского мусульманского зодчества, сохранившимся в первоизданном виде. Комплекс Текие дервишей (XVI–XIX вв.) включает мечеть Шукурла-Эфенди, бывшую кофейню конца XV–XVI вв.⁹

Музей 51-й Армии в с. Клепинино Красногвардейского района расположен в здании, в котором в дни обороны Крыма располагалось приемно-сортировочное отделение и аптека Походно-полевого хирургического госпиталя (ППХГ) № 170. Госпиталь был сформирован из преподавателей и студентов старших курсов Крымского медицинского института приказом начальника медико-санитарной службы 51 Армии полковника медицинской службы М. И. Салькова, бывшего директора института. Истории госпиталя посвящен отдельный экспозиционный раздел¹⁰.

Этот, далеко не полный обзор музеефицированных памятников Крыма служит ярким подтверждением значительной роли музеев в сохранении и популяризации культурного наследия, а также активного интереса населения к объектам культурного наследия. Музеями проводится исследовательская работа, направленная на получение новой информации о памятниках; производятся ремонтные и реставрационные работы с целью улучшения их технического состояния; создаются условия для современного использования памятников в экспозиционной и туристской деятельности без изменения их характерных особенностей. Музеефикация

памятника, т. е. реализация научно-обоснованных практических мероприятий по приведению объекта культурного наследия в состояние, пригодное для экскурсионного посещения, является важнейшим завершающим этапом сохранения и популяризации его как объекта культурного наследия. В ряде случаев, как, например, в кенассах и текие дервишей, проводится реабилитация памятника, т. е. воссоздание его культурных и функциональных особенностей. По необходимости, как на городище Кара-Тобе, проводятся мероприятия, направленные на консервацию памятника, с целью защиты его от дальнейших разрушений.

Таким образом, современными крымскими музеями, независимо от форм собственности и профильной направленности, реализуется целый комплекс мер, направленных на изучение, сохранение, содержание, соответствующее использование, консервацию, реставрацию, ремонт, реабилитацию и музеефикацию объектов культурного наследия. Представляется, что данная работа должна всемерно развиваться, для чего следует привлекать всевозможные ресурсы — как государственные, так и частные, активно вовлекать общественность, развивать меценатство и межведомственное сотрудничество.

Список литературы

1. Закон Республики Крым от 09 января 2018 года № 453 — ЗРК/2018 «О музеях и музейном деле в Республике Крым». URL: <https://mkult.rk.gov.ru/ru/document/show/277> (дата обращения 24.10.2018).
 2. Музеи Крыма бьют рекорды по посещаемости. URL: <https://crimeapress.info/muzei-kryma-bjut-rekordy-po-poseshhaemosti/> (дата обращения 24.10.2018).
 3. Музеи Крыма: Справочник-путеводитель/ Авт.-сост. А. В. Зубарев, С. Н. Пушкарев, Е. Б. Вишневская, В. П. Пересунько. АО «Симферопольская городская типография» (СГТ), 2009. 256 с.
 4. Пономаренко В. Путеводитель по музею 51 Армии/В. Пономаренко. Крымский институт агропромышленного производства Украинской Академии Аграрных Наук. Клепинино, 2009. 12 с.
 5. Список памятников местного и национального значения, расположенных на территории Автономной Республики Крым/Республикан-
- 8 Список памятников местного и национального значения, расположенных на территории Автономной Республики Крым/Республиканский комитет по охране культурного наследия АРК, РА «Вторая половина». Симферополь: ООО «Форма», 2004. С. 417.
- 9 Там же. С. 415.
- 10 Пономаренко В. Путеводитель по музею 51 Армии/Крымский институт агропромышленного производства Украинской Академии Аграрных Наук. Клепинино, 2009. С. 3.

ский комитет по охране культурного наследия АРК, РА «Вторая половина». Симферополь: ООО «Форма», 2004. 487 с.

6. Тарасенко Д. Н. Южный берег Крыма/Д. Н. Тарасенко. Симферополь: Бизнес-Информ, 2006. 332 с.

7. Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации».

URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/3abac167aec5ca5ea25092032d81fb9b81fcb92c (дата обращения 24.10.2018).

8. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения 24.10.2018)

PRESERVATION AND POPULARIZATION OF CULTURAL HERITAGE AS A DIRECTION OF THE ACTIVITIES OF CRIMEAN MUSEUMS

Reznik Oksana Vladimirovna

DSc in Philology, Professor,
The Head of the Department of foreign languages and cross-language communications,
Crimean University of Culture, Arts and Tourism,
Kievskaya str., 39, 295017 Simferopol, Russia,
e-mail: oreznik2005@yandex.ru

Stelmah Irina Fedorovna

PhD in History,
Associate Professor of the Department of museology and library and information activities
Crimean University of Culture, Arts and Tourism,
Kievskaya str., 39, 295017 Simferopol, Russia,
Head of scientific and methodical Department.
Central Museum of Tavrida
e-mail: irinastelm@mail.ru

Shvetsova Antonina Viktorovna,

DSc in Philosophy, Professor,
The Head of the Department of Philosophy, Culturology and Humanities,
Crimean University of Culture, Arts and Tourism,
Kievskaya str., 39, 295017 Simferopol, Russia,
e-mail: voljaton@rambler.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the role of museums in the preservation and promotion of the cultural heritage of the Crimea. The main directions of museum activity are examined — the study, preservation, appropriate use, popularization, etc. objects of cultural heritage, their feature on the example of cultural monuments of the Crimea. Particular attention is paid to the museumification of cultural heritage objects.

Keywords

Crimea, museum, cultural heritage, museumification.

ПРАКТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

RAR
УДК 008
ББК70/79

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ БРЕНДИНГ ТЕРРИТОРИИ КАК РЕСУРС ВЛИЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ¹

Горлова Ирина Ивановна

доктор философских наук, профессор,
директор Южного филиала Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева.
ул. Красная, 28, г. Краснодар, 350063
e-mail: ii.gorlova@gmail.com

Бычкова Ольга Ивановна

кандидат экономических наук, доцент,
начальник отдела комплексных проблем изучения культуры
Южного филиала Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева.
ул. Красная, 28, г. Краснодар, 350063
e-mail: bychkovaoi@mail.ru

Костина Наталья Анатольевна

кандидат педагогических наук, доцент,
ведущий специалист отдела комплексных проблем изучения культуры
Южного филиала Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева.
ул. Красная, 28, г. Краснодар, 350063
e-mail: kostnat72@mail.ru

Аннотация

Этнокультурный региональный брендинг является одним из ресурсов региональной культурной политики. В современных условиях интенсификации межэтнических и меж-

1 Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева» по теме 3.2 «Научно-методическое обоснование этнокультурного брендинга территорий».

культурных взаимодействий региональный этнокультурный бренд может создаваться на основе территориальной идентичности, выраженной в этнокультурных образах, ценностях, событиях. Изучая этнокультурную сущность бренда российских регионов, необходимо отметить отсутствие работ, в которых даны определения «этнокультурный бренд, этнокультурный брендинг, региональный этнокультурный брендинг».

На основе анализа понятийно-категориального аппарата в статье представлены основные базовые определения феномена этнокультурного регионального брендинга и сформулирован авторский подход к понятиям «этнокультурный бренд, этнокультурный брендинг, региональный этнокультурный брендинг».

Ключевые слова

«Мягкая сила», региональная культурная политика, брендинг, этнокультурный бренд этнокультурный брендинг, региональный этнокультурный брендинг.

Под «мягкой силой» понимают культурное, информационное и интеллектуальное влияние на окружающий мир. Любое государство в проведении своей внешней и внутренней политики опирается на многие рычаги управления, в том числе на «мягкую силу». В контексте «мягкой силы» знакомство с определенной культурой происходит в пределах уже устоявшегося культурного поля территории и народа, проживающего на ней, но схожие культурные ценности, а также их привлекательность способствуют более глубокому восприятию иной культуры.

Современные бренды играют значительную роль в региональной культурной политике, конкурируя с образом человека. Культурно-символическая основа бренда становится источником трансформации его культурных ценностей и природы потребления.

Концепция брендинга определенной территории, как правило, формируется на основе самобытных практик регионов, связанных со стратегиями их устойчивого развития и является базой, создающей один из ресурсов влияния региональной культурной политики на продвижение этнических культур в мире.

Формирование территориального бренда определяется региональным центром. Малые и средние города, поселения территории, потребляющие культурные продукты и стандарты, создаваемые в региональном центре, одновременно разрабатывают собственные художественные этнопрактики, которые влияют на региональную культурную политику, конструируя с центром территории общее культурное пространство.

Как правило, в настоящее время брендинг территорий отражает скрытую конкурентную борьбу регионов за государственную поддержку в виде дополнительных финансо-

вых ресурсов, привлечение инвесторов, туристов, квалифицированных специалистов. Кроме того, целью брендинга является создание яркого и позитивного образа региона, расширение территории его узнавания в общественном пространстве.

С помощью этнобрендов формируются представления людей об этнокультурных особенностях региона, появляется желание своими глазами увидеть привлекательные места и использовать полученные впечатления для собственного развития.

Брендинг, как деятельность по созданию, продвижению и управлению брендами товаров, работ, услуг, субъектов, событий и мест, может применяться не только к объектам, обладающим материальной основой, но и включает набор эмоций и ассоциаций, которые существуют в восприятии внутренней и внешней аудитории. Что касается этнобрендинга территорий, которые сами по себе являются комплексом разного рода ресурсов, то формирование и продвижение территориального бренда, связано с поиском идентичности, яркого территориального визуального образа, основано на определенной системе ценностей и этнокультурном потенциале бренда. Результатом данного процесса является создание бренда, как совокупности рациональных, эмоциональных и визуальных атрибутов, поддерживаемых территорией как носителем бренда.

Исследование теоретических положений и практик брендинга позволяет выделить основные базовые подходы в изучении феномена бренда: маркетинговый, экономический, исторический и социокультурный. Причем, мало работ, как в России, так и за рубежом, использующих социокультурный подход к исследова-

нию бренда. Однако мировой опыт показывает, что в условиях глобальных изменений именно культура, наряду с экономическим потенциалом, имеет возможность стать важнейшим ориентиром в развитии этнокультурных брендов конкретных территорий.

На сегодняшний день в литературе по брендингу территорий существует несколько несогласованных друг с другом попыток дать определение понятиям «культурный бренд, культурный брен-

динг, региональный культурный брендинг, этнокультурный брендинг». В работах, касающихся проблематики брендингования, не дается четкого и однозначного определения, которое бы использовалось всеми участниками исследований.

Для уточнения понятийно-категориального аппарата исследования и формулирования авторского подхода к понятиям «этнокультурный бренд» и «этнокультурный брендинг», проанализируем следующие базовые определения.

Таблица 1. Понятийно-категориальный аппарат феномена этнокультурного регионального брендинга.

№ п/п	Источник	Определение
Категория «культурный бренд»		
1.	Ни Цзяоцзяо, Кучинская Т. Н. [6]	Культурный бренд — это ядро конкурентоспособности культурной индустрии и важное проявление национальной культурной «мягкой силы»...Культурный бренд, как воплощение материальных и нематериальных активов, является показателем уровня развития культурной индустрии.
2.	Старцева А. С. [8]	Культурный бренд можно рассматривать как совокупность функциональных и эмоциональных ценностей, по определению предполагающих уникальный и позитивный опыт для потребителя...
Категория «этнокультурный бренд»		
1.	Хорольцева Е. Б. [9]	Бренд региона может создаваться как территориальная идентичность, выраженная в этнокультурных ценностях, образах, символах. В этом случае речь идет о конструировании этнокультурного бренда.
Категория «региональный культурный бренд» («культурный бренд территории», «историко-культурный образ-бренд территории»)		
1.	Абушкин Р. Р., Пронина И. Н. [1]	Культурный бренд территории — это презентация места через узнаваемый набор символов
2.	Левочкина Н. А. [3]	Региональный культурный бренд — это ресурс продвижения региона, который основан на каком-либо историко-культурном событии или памятнике культуры, а также может быть основан на конкретной исторической личности
3.	Малькова В. К. и Тишков В. А. [4]	Историко-культурный образ-бренд территории — это широкий комплекс ее реальных характеристик и потенциальных возможностей, который имеет историческое и культурно-психологическое значения для прошлого, настоящего и будущего региона и его жителей, а также и для «внешних потребителей».

4	Панкрухин А. П. [7]	Региональный культурный бренд — это инструмент маркетинга территорий, который ориентирован как на местное население, с целью формирования у него чувства единства, патриотизма, так и на внешних потребителей, с целью привлечения людей, ресурсов и заказов, которые необходимы региону для его развития
Категория «региональный культурный брендинг» («геокультурный брендинг территории», «культурный брендинг территории»)		
1.	Замятин Д. Н. [2]	Геокультурный брендинг территории — это проектно-сетевая деятельность, направленная на прикладное использование геокультуры территории (специфическая региональная идентичность, историко-культурное наследие, архетипические географические образы, локальные мифы и культурные ландшафты) в целях формирования и продвижения социально значимого и эффективного (аттрактивного) территориального образа
2.	Старцева А. С. [8].	За рубежом понятие «культурный брендинг территории» предполагает смысловые компоненты понятий «культурная политика», «культурное развитие региона», «архитектурное пространство», «событийный туризм», «визуальный стиль города/страны».
Категория «этнокультурный брендинг»		
1.	Тишков В. А., Степанов В. В. [5].	Этнокультурный брендинг рассматривается в качестве идей выявления, моделирования и маркетингового продвижения этнокультурных образов российских регионов, в первую очередь национальных республик и субъектов РФ с явным преобладанием определенного этноса

Анализируя различные подходы к пониманию культурного и этнокультурного бренда, можно сделать вывод, что, многообразие видения различными исследователями культурного и этнокультурного образа региона определяется двумя разными подходами к этнокультурному брендингу:

- как процессу формирования и продвижения этнокультурного образа региона (В. А. Тишков, В. К. Малькова, Д. Н. Замятин и др.);
- как коммерциализированному образу, представленному в узнаваемых символах культурного наследия (Абушкин Р. Р., Пронина И. Н., Панкрухин А. П. и др.).

В ходе анализа определений было выявлено, что имеет место разнообразие трактовок различными группами ученых этнической составляющей категорий. Так частью из них формулируется, что специфика этнобрендинга региона определяется особенностями национальной культуры титульного этноса территории, другими — что регион является пространством культурного взаимодействия народов, имеющего значение и для его жителей и для «внешних потребителей», третьими

подчеркиваются особенности сложившейся на территории ментальности, чувства единства, патриотизма, общих для всех жителей региона и направленных на его развитие.

Работа над анализом категориального аппарата, потребовала, прежде всего, уточнения понятий «этнокультурный бренд, этнокультурный брендинг». Дадим обобщающие характеристики основных понятий.

На наш взгляд «культурный бренд» — это культурные ценности, образы, символы, события, получившие известность и эмоциональное доверие общества.

Культурный брендинг — это процесс управления продвижением объектов культурного наследия, географических образов, локальных мифов и культурных ландшафтов, транслирующих национальные культурные ценности в мировом культурном пространстве.

Региональный культурный брендинг — это деятельность по управлению культурными брендами с целью формирования привлекательного позитивного образа территории.

Культурные символы и образы конкретной территории связаны с региональной идентичностью. В каждом регионе набор брендовых историко-культурных характеристик уникален, обладает культурными, в том числе и этническими особенностями, включая особенности местного производства, традиции и обычаи, художественные промыслы. Поэтому понятие «этнокультурный бренд» включает этнокультурные образы, символы и события, отражающие их узнаваемость у потребителя.

Этнокультурный брендинг нами рассматривается как вид культурного брендинга, построенный на этнокультурных образах и идентичности.

В условиях поликультурных и многоконфессиональных регионов России, одним из важнейших ресурсов территории становится этнокультурное региональное брендингирование, т. е. формирование и продвижение этнокультурных образов, символов, продуктов и событий, отражающих социальную и культурную жизнь конкретной территории.

Этнокультурный потенциал регионов сегодня определяется творческой интерпретацией культур и традиций, позволяя этнической составляющей, сохраняться в реальной жизни в виде этнокультурных характеристик бренда.

Таким образом, данное исследование позволяет задавать новые направления для дальнейшего изучения этнокультурных особенностей брендинга территорий в качестве важного ресурса их социокультурного развития и дальнейшего использования в качестве «мягкой силы» не только региона, но и страны в целом.

Список литературы

1. Абушкин Р. Р., Пронина И. Н. Культурный бренд республики Мордовия как проектная стратегия развития территории // Муниципалитет: экономика и управление. 2017. № 1 (22). С. 33–40.
2. Замятин Н. Д. Геокультурный брендинг городов и территорий: от гения места к имиджевым ресурсам // Современные проблемы сервиса и туризма. –2015. — Вып. 2. -С. 25–31.
3. Левочкина Н. А. Региональные культурные бренды как тренд развития территорий/Н. А. Левочкина // В сб.: Zpravyvedeckejdeje –2012. Dil 6 @«rjyjbvtcrfzcthbz». Praha, 2012. С. 57–62.
4. Малькова В. К., Тишков В. А. Антропология историко-культурных брендов территорий, регионов и мест/В. К. Малькова и В. А. Тишков // Культура и пространство. Кн. — 2. Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест/под ред. В. К. Мальковой, В. А. Тишкова. М. Ин-т этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 2010. С. 6–57.
5. Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России/Ред. В. А. Тишков и В. В. Степанов. Москва: ИЭА РАН, 2016. 297 с.
6. Ни Цзяоцзяо, Кучинская Т. Н. Культурный брендинг в репрезентативных практиках китайской мягкой силы. // Дискурс-Пи, 2017, № 3–4 (28–29) том 14. С.115–119.
7. Панкрухин А. П. Маркетинг территорий. СПб.: Питер, 2006. 416 с.
8. Старцева А. С. Специфика создания и продвижения культурного бренда Омской области // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 30. С. 49–60
9. Хорольцева Е. Б. Проектирование этнокультурного бренда региона как ресурс управления развитием территории. // Среднерусский вестник общественных наук, Серия Социология. Т. 13. 2018. № 2. С. 23–36.
1. Абушкин Р. Р., Пронина И. Н. Культурный бренд республики Мордовия как проектная стра-

ETHNO-CULTURAL BRANDING OF THE TERRITORY AS A RESOURCE OF REGIONAL CULTURAL POLICY

Gorlova Irina Ivanovna

DSc in Philosophy, Prof., Director,
Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Krasnay st., 28, Krasnodar, Russia, 350063,
[e-mail: ii.gorlova@gmail.com](mailto:ii.gorlova@gmail.com)

Bychkova Olga Ivanovna

PhD, Head of the department of complex problems of cultural studies,
Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Krasnay st., 28, Krasnodar, Russia, 350063,
[e-mail: bychkovaoi@mail.ru](mailto:bychkovaoi@mail.ru)

Kostina Natalia Anatolievna

PhD, Leading Researcher, Department of complex problems of cultural studies, Southern
Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Krasnay st., 28, Krasno-
dar, Russia, 350063,
[e-mail: kostnat72@mail.ru](mailto:kostnat72@mail.ru)

Abstract

Ethnocultural regional branding is one of the resources of regional cultural policy. In modern conditions of intensification of interethnic and intercultural interactions, a regional ethno-cultural brand can be created on the basis of territorial identity expressed in ethnocultural images, values, and events. Studying the ethno-cultural essence of the brand of Russian regions, it is necessary to note the absence of works, which define «ethno-cultural brand, ethno-cultural branding, regional ethno-cultural branding».

On the basis of the analysis of the conceptual-categorical apparatus, the article presents the basic definitions of the phenomenon of ethno-cultural regional branding and formulates the author's approach to the concepts of «ethno-cultural brand, ethno-cultural branding, regional ethno-cultural branding».

Keywords

«Soft power», regional cultural policy, branding, ethno-cultural brand ethno-cultural branding, regional ethno-cultural branding.

RAR
УДК 008
ББК 71.

КУЛЬТУРНЫЙ БРЕНД И БРЕНДИНГ ТЕРРИТОРИИ¹

Гуцалов Александр Анатольевич,
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачева
ул. Красная, Краснодар, 28,350063,
e-mail: Gutsalov_Alex@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются подходы к брендированию территорий (городов и стран). Обосновывается необходимость дифференциации типов брендирования согласно их объектам (товарные знаки, культурные явления) и отказа от неправомерного распространения маркетинговых и имиджевых технологий брендирования на культурные сферы и в целом территориальные образования, которые обладают своей спецификой.

Ключевые слова

Культурный бренд, брендинг города, национальный брендинг, город-бренд, бренд города, маркетинг места, брендинг территории, конкурентная идентичность, инвестиции, привлекательность, туризм, культура.

Брендинг территорий как особое направление научной, экспертной и управленческой деятельности в мире и России стал осознанно развиваться в последние десятилетия. Общемировая практика рыночной экономики и беспрецедентное развитие информационных технологий, создавшего фактически открытое мировое информационное пространство, явились основными его мотивантами. Термин «брендинг» — сугубо экономический, означающий особую маркетинговую технологию по продвижению избранных торговых марок в качестве брендов владеющих ими коммерческих и производственных компаний на рынке товаров и услуг. В приложении к сфере культуры, исторического наследия, отдельных территорий и даже стран и народов эта технология в настоящее время проходит свой путь становления.

Первые работы (на Западе) появились по теме маркетинга места в 90-х годах прошлого века.

В 1993 году выходит знаковая работа Ф. Котлера, Д. Хайдера и И. Рейна «Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий и туризма в города, государства и нации»². Они же вместе с К. Асплундом в 1999 году издали исследование, посвященное опыту маркетинга мест в европейских странах³. Впрочем, и до появления этих работ в 80–90-е годы в западных странах наблюдалось значительное повышение интереса к теме маркетинга той или иной сферы общественной жизни — в системах здравоохранения, образования, благотворительных некоммерческих организаций, социальных служб. Постепенно опыт

1 Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева» по теме 3.2 «Научно-методическое обоснование этнокультурного брендирования территорий».

2 Kotler Ph., Rein I., and Haider D. Marketing Places: Attracting Investments, Industries and Tourism to Cities, States and Nations. — New York: The free Press, 1993. — 388 pp. (Работа на русский язык не переведена).

3 Kotler Ph., Asplund Ch., Rein I., and Haider D. Marketing Places Europe: How to attract investments, industries, residents and visitors to cities, communities, regions and nations in Europe. — London: Prentice Hall, 1999. — 160 pp. (Работа переведена на русский язык — Котлер Ф., Асплунд К., Хайдер Д., Рейн И. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. Спб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. — 382 с.)

приложения маркетинговых технологий к социальным сферам стал распространяться на территории городов, регионов, стран и даже на нации.

Главным смыслом такого расширения была задача более активного привлечения инвестиций, повышения туристической привлекательности мест, экономического и культурного развития городов и стран. В основе всего этого лежало принятие идеи возможности оценки любого достояния в количественных и качественных показателях, подобной той, что принята в коммерческой сфере. В такой парадигме культура, история, политика, социальные отношения становятся в один ряд с такими факторами территорий, как экономика, бизнес, инвестиции, туризм.

В России за 20 лет обращения к данной теме появилось множество статей. Особый толчок к активизации внимания к ней было Постановление Правительства РФ «Концепция продвижения национального и региональных брендов товаров и услуг отечественного производства на 2007–2008 годы»⁴, в котором сформулирована задача развития брендов не только товаров и услуг, но и городов, и территорий.

На Западе этот процесс стал развиваться несколькими годами ранее. Предложивший впервые термины «брендинг места» (2002 год), «национальный брендинг» (2002) и «конкурентная идентичность» (2007) английский ученый Саймон Анхольт регулярно проводит исследования по оценке стран с точки зрения статуса бренда городов⁵ и страны⁶ в мире. Последний определяется на основании оценки группы основных факторов: культуры и наследия, власти, уровня экспорта, иммиграции и инвестиций, туризма, оценки человеческого ресурса с точки зрения таких показателей, как образованность, открытость, дружелюбность, толерантность и других⁷.

4 Концепция продвижения национального и региональных брендов товаров и услуг отечественного производства на 2007–2008 годы. [Электронный ресурс] // Минэкономразвития России. URL: <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/innovations/brends/doc201001081527> (дата обращения: 15.06.2018).

5 Anholt-GfK City Brands IndexSM [Электронный ресурс] // GfK. URL: <http://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/new-anholt-gfk-city-brands-ranking-places-three-cities-in-the-top-10/> (дата обращения: 23.06.2018).

6 Anholt-GfK Nation Brands Index [Электронный ресурс] // GfK. URL: <http://nation-brands.gfk.com/> (дата обращения: 23.06.2018).

7 Там же

Примечательно, что такой подход все более начинает разделяться ведущими институтами и учеными и не встречает особого критического отношения к себе. Внимание исследователей фиксируется на параметрах таких оценок и выявлении роли данных факторов в оценке степени привлекательности тех или иных стран и городов. Например, Марк Компте-Пухольт приводит данные проведенного не им исследования, в котором из 15 позиций опроса второе, третье и четвертое места (после первичного осмотра города) заняли связанные с культурным наследием факторы. В проведенном же им опросе из 10 позиций первые четыре места заняли соответственно архитектура, мировая популярность места, творческие проекты и культурные традиции⁸. Позиции, связанные с экономикой, заняли последние места в данном опросе.

Вполне очевидно, что культура имеет приоритетное положение в брендинге места и сравнительной оценке уровня брендов городов и стран. Поэтому значимость культурного брендинга территории значительно увеличивается, а вместе с тем встает вопрос о специфике этого процесса. Является ли брендинг в сфере культуры, истории, наследия тем же самым процессом, что и брендинг в продвижении товарных знаков и коммерческих услуг? Это также затрагивает и существо национального и территориального брендинга. Имеем ли мы дело с чистыми маркетинговыми технологиями, характерными для сфер коммерции и промышленного производства, когда мы говорим о брендировании городов и стран с их культурными и историческими особенностями? Уместно ли внесение принципа конкурентности в отношении между городами, народами и странами?

Котлер, Асплунд, Хайдер, Рейн, Анхольт и ряд российских ученых уверенно заявляют о «конкурентных преимуществах» между городами и странами, которые таким образом «добиваются» «поддержки» «среди потенциальных и существующих клиентов»⁹. Анхольт говорит

8 Compte-Pujol M. The importance of heritage on the overall perceived image of a place: Barcelona seen by its residents // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2015. С. 77–81. С. 77–78.

9 Котлер Ф., Асплунд К., Хайдер Д., Рейн И. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жите-

о «конкурентной идентичности» стран и городов, распределяя даже лидерские места среди них в исследованиях им же введенных «Индексов национальных брендов»¹⁰ и «Индексов брендов городов»¹¹.

Подобный подход на основе принятия идеи конкурентности мы видим и в работе японского ученого Кейта Динни (2011¹², пер. на русск. 2013¹³). Он пишет о конкуренции между городами как о чем-то само собой разумеющемся¹⁴: «Поскольку города конкурируют во всем мире ради привлечения туризма, инвестиций и талантливых людей, а также ради достижения многих других целей, концепции стратегии бренда все чаще заимствуются из коммерческого мира и применяются в целях развития городов, обновления (regeneration) и качества жизни»¹⁵.

Предложенная Анхольтом схема «конкурентной идентичности» ставит на одну платформу совершенно разные составляющие, фактически нивелирующие сущностные отличия их между собой. Они все превращаются в простые сопоставимые друг с другом средства извлечения прибыли и выгоды (материальной, имиджевой). Если культура становится на этот путь, то все богатство ее смыслов, ценностей, духовных посылов обществу внутренне обесценивается. Запущенный простым некритическим переносом экономического маркетинга и брендинга на культуру, образование, историю стран и народов процесс, призванный вести к всеобъемлющему развитию, может привести к декультурации культуры и дегуманизации человека.

Вызывает сомнение, что подход Анхольта и его многочисленных сторонников вообще имеет отношение к брендам городов и брендирова-

нию мест (локальных территорий, стран). Согласно Анхольту, «исследование индекса брендов городов»¹⁶ включает шесть ключевых измерений: «*присутствие/в мире/*: международный статус и положение; *оценка/места*: на открытом пространстве и в транспорте; *необходимые условия*: основные предметы первой необходимости, общественные удобства; *люди/человеческий фактор/*: дружелюбие, культурное разнообразие; *ритм (пульс)/жизни/*: интересные события и мероприятия; *потенциал*: экономические и образовательные возможности»¹⁷.

Исходя из этой схемы, мы видим, что не бренды городов (в городах брендируемые явления и особенности), а сами города как бренды, как брендируемые явления становятся в один ряд с обычным товарным знаком в системе коммерческого мира, оказываясь в роли соперничающих между собой товаров в достижении статуса бренда компании (в данном случае, в роли компании выступает весь мир). Поэтому принятый в России перевод термина *City Brands* как *бренды городов* следует признать не соответствующим смыслу, который вкладывает в него автор. Правильнее было бы переводить как *города-бренды*.

Конечно, нет ничего необычного в том факте, что некие города являются своеобразными визитными карточками страны, региона и нашего мира. Такими городами, кроме столиц, являются в России Санкт-Петербург, Сочи, Владивосток, в Индии — Агра, Бенарес, Бомбей, Калькутта и т. д.. Но их статус эти города приобретают не целиком, а какой-то определенной наиболее выдающейся частью из-за выбора либо культурных, либо оздоровительных, либо экономических факторов в качестве главенствующих в структуре внимания к этим городам.

Культурный интерес, который приводит людей в такие города, как Ярославль, Агра, отличен от определяющего бизнес интереса, который делает центром притяжения крупные портовые города Бомбей, Калькутту, Владивосток для коммерчески ориентированных людей. Невозможно измерять одним лекалом города с разным досто-

лей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. — С. 11.

10 Anholt-GfK Roper Nation Brands Index

11 Anholt-GfK Roper City Brands Index

12 City Branding: Theory and Cases. Edited by Keith Dinnie. New York: Palgrave Macmillan. 2011. 239 pp.

13 Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. Под научн. ред. Кейта Динни. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 336 с.

14 Поскольку перевод книги на русский язык не особо удачен, предлагаем свой перевод оригинала.

15 Dinnie, Keith. Introduction to the Theory of City Branding // City Branding: Theory and Cases. Edited by Keith Dinnie. New York: Palgrave Macmillan. 2011. Pp. 3–7. P. 3.

16 CBI (City Brands Index)

17 New Anholt-GfK «City Brands» Ranking Places Three US Cities in the Top 10. [Электронный ресурс] // GfK. URL: gfk.com/ru/insaity/press-release/new-anholt-gfk-city-brands-ranking-places-three-us-cities-in-the-top-10/ (дата обращения 24.06.2018).

инством. Для бренд-статуса Бенареса, Кедарнатха, Бадринатха, Дарамсалы в Индии, Дивеево, Сергиева Посада в России ряд оценочных характеристик Анхольта теряют свой смысл.

Определение степени привлекательности образа города должно быть более дифференцировано, нежели у Анхольта. Следует принять в качестве необходимых факторов типы и градации определяющих векторов оценочных интересов людей. Поэтому предложенная им схема с присуждением в результате исследований по принятым показателям мест в мировом рейтинге городов не может быть принята за фундаментальную и является всего лишь одним из возможных оценочных подходов, и, несмотря на кажущуюся их всеобъемлемость, не являющимся общезначимым. Выставляемые им в качестве топ-брендов города Нью-Йорк, Лондон, Париж для большого количества людей с иными интересами и запросами, нежели в приводимой им таблице факторов, могут представлять минимальный интерес. В рамках других подходов само присуждение мест городам-брендам может быть также невозможным и неприемлемым. Оценка городов по их культурному, историческому достоянию не представляется правильной из-за явно уникального неповторимого характера культуры.

Различаемые понятия *городов-брендов* и *брендов городов* связаны друг с другом. Поскольку города становятся брендами из-за наличия в них характерных и уникальных культурных, исторических, промышленных или иных брендов, то *бренды городов* оказываются более фундаментальными, а *города-бренды* более объемными понятиями, которые включают в себя множество своих брендов.

Таким образом, брендинг городов, стран, территорий, а также народов и наций состоит из двух взаимосвязанных шагов — брендование ряда определяющих уникальность данного места и народа феноменов и последующего брендования самого места со всем его содержанием. Если игнорировать первое, то второе неизбежно превратится в работу по выстраиванию имиджа территории и народа и PR-компанию по его формированию и последующей поддержке, что мы, собственно, и видим в подходе Анхольта. Без брендинга внутренних феноменов брендинг самих городов как брендов несостоятелен. В таком случае это просто парафраза имид-

жмейкерства и составления шкалы и топ-списков городов на основе оценки уровня имиджа по основным показателям. Специфика брендинга как такового в этом процессе не проявляется.

В чем же состоит специфика брендинга и его основное отличие от имиджмейкерства? Город-бренд — это не город с развитой инфраструктурой, удачной системой власти, удобных условий проживания и ведения бизнеса, организованной культурной жизни. Эти общие показатели определяют лишь степень привлекательности образа места и нации.

Брендинг призван выявить то, что присуще *только* данному месту или народу, отличает его как визитную карточку, как неповторимое лицо, несопоставимое с другими. В сфере бизнеса брендовые торговые марки одного рода и вида могут конкурировать друг с другом на основе борьбы за предпочтения во вкусах, цветах, звуках потребителей. Но культура — это не торговые марки с ограниченным кругом своего воздействия, это глубокие смыслы, уникальные истории, неповторимое сочетание этнических, общенациональных, исторических, культурных, эстетических особенностей, частного и общего. Поэтому города-бренды — это, прежде всего, продукт выявления и развития уникального характера данного места среди всех других мест. И принцип конкурентной идентичности здесь не работает, как в сфере имиджевых реалий.

М. А. Штанько указал на связь между имиджем и брендом в работах Анхольта, оценив эту взаимосвязь положительно: «Самое понимание «имидж государства» приравнивается к пониманию «бренд государства». Таким образом, бренд страны становится ее основным капиталом...»¹⁸. В чем опасность такого подхода? В том, что имидж всегда связан с общими, как правило, позитивными характеристиками. Они могут повторяться у других стран. Здесь основной акцент делается на позитивности формируемого образа. Бренд более осязаем, более конкретен, всегда привязан к конкретным именам, явлениям, событиям, объектам. Когда мы говорим о Санкт-Петербурге как о городе-бренде России, мы сразу наполняем внутренний образ этого города не только позитивными имиджевыми

18 Штанько М. А. Национальный бренд как основа государственного имиджа // Международный научно-исследовательский журнал, № 7 (38) 2015, часть 4, август, с. 98–99. С. 98.

характеристиками места, но и его уникальными памятниками, историческими событиями и именами.

Из-за того, что культура все же существенно отличается от коммерческого мира товаров и услуг, то культурный брендинг — это принципиально немаркетинговая процедура формирования из некоего культурного феномена культурного бренда территории. Игнорирование принципиального различия маркетингового и немаркетингового брендинга сделало подход Анхольта к национальным и городским брендам весьма неустойчивым и сомнительным. Формирование из культурного явления территории культурного бренда лишено конкурентного характера, что определено самой особенностью культуры. Сведение ее глубоких смыслов, посылов, задач, ценностей к конкурентной среде товарной массы и сферы услуг приводит к недифференцированности процесса брендинга городов с неизбежными просчетами и неверными оценками.

Сам Анхольт отмечает, что были случаи, когда после серьезной работы по национальному брендингу результаты оказывались скорее отрицательными и проигрышно несопоставимыми с теми, которые получались при отсутствии такой работы в других странах.

Таким образом, культурный бренд — не то же самое, что бренд торговой марки, а культурный брендинг — не то же самое, что товарный брендинг. Понимание того, что культура со своей уникальной спецификой определяет смысл, цели и задачи культурного бренда и брендинга, делает последние довольно автономным, отличным от брендов из других областей явлением и процессом. А поскольку культурное наследие является существенным фактором любой территории, то без предварительного культурного брендинга городов, стран и наций становится невозможным.

Брендинг культурных феноменов не сводится к формированию имиджа территории или к интересу повышения туристической, инвестиционной привлекательности, конкурентности среди других городов и стран. Все это является сопутствующими следствиями брендинга, но никак не его целью. Брендинг в сфере культуры имеет иное целеполагание, которое определено самим объектом брендинга. Цель его — сама культура, вызволение максимального богатства смыслов, идей, посланий людям, твор-

ческих скрытых замыслов, ценностей, вдохновенной энергии из конкретного феномена наследия. Бренд культуры — это именно бренд культуры как таковой, выявляемой через брендируемое культурное явление. Мы так увлеклись задачами извлечения выгоды, что забыли про саму культуру и ее не коммерческую, а ценностную, смысловую самобытность.

Я согласен с Миддлтоном в том, что «брендинг города — процесс более сложный, чем брендинг товара или услуги»¹⁹, но при этом нельзя переносить принципы брендинга товаров и услуг на культуру, город, страну. Сложность брендинга города и страны состоит именно в сложной дифференциации и принципиальном различии брендинга в разных областях социальной жизни. Брендинг не производит чудесной трансформации своего объекта и его смысла. Товарный бренд остается товаром, бренд культуры не перестает быть явлением культуры. Брендирование места, города, страны должно всегда учитывать специфику этих процессов и отказаться от неправомерного распространения принципов коммерческого брендинга на все остальные сферы жизни. Культурный брендинг территории при его правильном понимании становится довольно эффективным инструментом актуализации историко-культурного наследия, а брендование территорий в их взаимосвязи и при комплексном и дифференцированном подходе способно привести к новому импульсу их развития и единству народов страны и мира.

Список литературы

1. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. Под научн. ред. Кейта Динни. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 336 с.
2. Динни К. Введение в теорию брендинга территорий // Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. Под научн. ред. Кейта Динни. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. С. 3–7.
3. Концепция продвижения национального и региональных брендов товаров и услуг отечественного производства на 2007–2008 годы.
- 19 Middleton, Alan C. City Branding and Inward Investment // City Branding: Theory and Cases. Edited by Keith Dinnie. New York: Palgrave Macmillan. 2011. Pp. 15–26. P. 15. Или Миддлтон А. Брендинг города и внутренние инвестиции // Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. Под научн. ред. Кейта Динни. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. С. 29–43. С. 29.

- [Электронный ресурс] // Минэкономразвития России. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/brends/doc201001081527> (дата обращения: 15.06.2018).
4. Котлер Ф., Асплунд К., Хайдер Д., Рейн И. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. Спб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. 382 с.
5. Миддлтон А. Брендинг города и внутренние инвестиции // Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. Под научн. ред. Кейта Динни. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. С. 29–43.
6. Штанько М. А. «Национальный бренд как основа государственного имиджа» // Международный научно-исследовательский журнал, № 7 (38) 2015, часть 4, август. С. 98–99.
7. Anholt-GfK City Brands IndexSM [Электронный ресурс] // GfK. URL://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/new-anholt-gfk-city-brands-ranking-places-three-us-cities-in-the-top-10/(дата обращения: 23.06.2018).
8. Anholt-GfK Nation Brands Index [Электронный ресурс] // GfK. URL://nation-brands.gfk.com/(дата обращения: 23.06.2018).
9. City Branding: Theory and Cases. Edited by Keith Dinnie — New York: Palgrave Macmillan. 2011. 239 pp.
10. Compte-Pujol M. The importance of heritage on the overall perceived image of a place: Barcelona seen by its residents // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2015. С. 77–81.
11. Dinnie, Keith. Introduction to the Theory of City Branding // City Branding: Theory and Cases. Edited by Keith Dinnie. New York: Palgrave Macmillan. 2011. Pp. 3–7.
12. Kotler Ph., Rein I., and Haider D. Marketing Places: Attracting Investments, Industries and Tourism to Cities, States and Nations. New York: The free Press, 1993. 388 pp.
13. Kotler Ph., Asplund Ch., Rein I., and Haider D. Marketing Places Europe: How to attract investments, industries, residents and visitors to cities, communities, regions and nations in Europe. London: Prentice Hall, 1999. 160 pp.
14. Middleton, Alan C. City Branding and Inward Investment // City Branding: Theory and Cases. Edited by Keith Dinnie. New York: Palgrave Macmillan. 2011. Pp. 15–26.
15. New Anholt-GfK «City Brands» Ranking Places Three US Cities in the Top 10 [Электронный ресурс] // GfK. URL: gfk.com/ru/insaity/press-release/new-anholt-gfk-city-brands-ranking-places-three-us-cities-in-the-top-10/(дата обращения 24.06.2018).

CULTURAL BRAND AND TERRITORY BRANDING²⁰

Gutsalov Alexander Anatolyevich,

PhD in History of Philosophy, Leading Researcher,
Southern branch of the Russian Institute for cultural and natural heritage
Krasnaya str. 28, Krasnodar, 350063,
e-mail: Gutsalov_Alex@mail.ru

Abstract

The article considers approaches to branding of territories (cities and countries). In the paper, the necessity of differentiating branding types according to their objects (trademarks, cultural phenomena) and refusing to distribute marketing and image branding technologies to cultural spheres and, in general, territorial entities that have their own specifics is substantiated.

Keywords

Cultural brand, City branding, National branding, marketing places, territory branding, city-brand, city brand, competitive identity, investment, attractiveness, tourism, culture.

20 This article was prepared as part of the state assignment by Southern Branch of the Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, research theme 3.2 «Scientific and Methodological Substantiation of Ethno-Cultural Branding of Territories».

RAR
УДК 008
ББК 71

ГЕОКУЛЬТУРНАЯ МАТРИЦА РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ КАК РЕСУРС ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Путрик Юрий Степанович,
доктор исторических наук,
руководитель Центра социокультурных и туристских программ
Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва
ул. Космонавтов, д.2, Москва, 129366,
e-mail: putrik@list.ru

Аннотация

В статье рассматриваются методологические и практические аспекты использования цивилизационно-ценностного подхода при реализации стратегии пространственного развития России. Показаны возможности количественного и качественного измерения и картографирования культурных ценностей как важнейшего ресурса социально-экономического развития регионов. Предлагается разработка геокультурной матрицы российской цивилизации как инструментальной составляющей пространственного развития территории и основы устойчивости процесса брендинга региона.

Ключевые слова

Цивилизационно-ценностный подход, объекты наследия, ключевые символы, измеримость ценностей, программное картографирование, пространственное развитие, геокультурная матрица.

Цивилизационно-ценностный подход, нашедший системное отражение в Основах государственной культурной политики в Российской Федерации [1], стал важным поворотным моментом в осмыслении сущности российской культуры, когда понятие «российская цивилизация» вышло за границу научно-методологической сферы и цивилизационно-ценностному пониманию культуры официально придается статусное место в качестве метода и инструмента государственной культурной политики [12]. До недавнего времени в законодательных документах о культуре и культурном наследии говорилось лишь о вкладе российской культуры в мировую цивилизацию [2]. Приравнивание культуры России на самом высоком уровне к природным богатствам и «значимым ресурсам социально-экономического развития, позволяющим обеспечить лидирующее положение нашей страны в мире» [1], позволяет по-новому, более широко, посмотреть на роль культуры в разви-

тии российского общества и государства, открывает новые возможности использования объектов культурного наследия для социально-экономического развития регионов. Действительно, если природные богатства и социально-экономические ресурсы измеряются и оцениваются в количественных и качественных показателях, то вполне правомерна постановка вопроса об измерении и оценке культурного, т. е. цивилизационного потенциала страны и отдельных её регионов как фактора социально-экономического развития. Как видим, применение цивилизационно-ценностного подхода позволяет по-новому посмотреть на определение приоритетов, целей и показателей государственного управления не только в сфере культуры, но и в других областях общественной деятельности: образовательной, туристской, экономической, социальной.

Официальное признание цивилизационно-ценностного подхода открывает широкие возможности его эффективного применения

в практике государственного управления и, в частности, при реализации стратегии пространственного развития России [11]. При этом важно понимать, что задачи по практической реализации этих подходов, как справедливо замечает А. С. Миронов, «не будут выполнены, если при этом не будут предложены конкретные механизмы выявления и продвижения ценностного содержания культурных проектов» [10, с. 131]. Для реального осуществления управленческих функций процесс управления должен быть подкреплен и оснащен системой показателей, по которым можно не только судить об уровне цивилизационной идентичности субъект-объектных цивилизационных отношений, но и о состоянии множественности объектов культурного и природного наследия как материальных, так и нематериальных носителей коллективной исторической памяти. Поэтому вполне закономерно, что при планировании результатов реализации Стратегии сохранения культуры и культурно-исторического наследия народов Российской Федерации на период до 2030 г. наряду и наравне с ценностным цивилизационным подходом предлагается и «принцип измеряемости социальной результативности культуры по качественным и количественным индикаторам» [13, с. 10]. При этом за основу для измерения и прогнозирования состояния культуры принимается механизм сбора и анализа данных об изменении ценностей (базовых смыслов) культуры и образов коллективной памяти, закрепляющих в общественном сознании образцы личного поведения и общественного реагирования, а также соответствующих социальных норм. Оценка состояния культуры в России, согласно проекту Стратегии, основывается, наряду с данными социологических исследований, на использовании статистических данных о наличии и состоянии материальных объектов и учреждений культуры, статистике производства, сохранения, распространения и потребления культурных благ, статистике занятости и оплаты труда работников, статистике финансов учреждений культуры и прежде всего сведений, собираемых ФГБУ «Главный информационно-вычислительный центр Минкультуры России». [См. там же с. 80–81]. Понятно, что сбор и обработка статистических данных по перечисленным позициям потребует не только немало времени и немалых финансовых затрат, разме-

ры которых непросто определить в обозримом будущем, но и формирования специальной многоуровневой модели российской цивилизации для сопряжения в единую систему многочисленных показателей и расчетов в целях получения промежуточных и итоговых оценок. Такая реализация принципа измеряемости цивилизационных ценностей требует, как минимум, этапности и должна осуществляться по логике «от простого — к сложному». Поэтому для начала остановимся на таком показателе, как статистические данные о наличии и состоянии материальных объектов, т. е. недвижимого имущества в соответствии с положениями Федерального закона от 25.06.2002 N 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [3], и учреждений культуры. Значительная часть сведений об объектах наследия и учреждениях культуры уже включена в Единый государственный реестр объектов культурного наследия. Это прежде всего памятники и ансамбли федерального значения, объекты Всемирного Наследия ЮНЕСКО, достопримечательные места и особо ценные объекты культурного наследия народов Российской Федерации [5], которые можно рассматривать как материальную константу коллективной исторической памяти. Причем, что касается учреждений культуры, в качестве материальных носителей в данном анализе учитывались музеи-заповедники и музеи-усадеб, т. е. те объекты, которые исторически возникли в данном конкретном месте и являются составной частью цивилизационного контента территории, также, как и исторические города и поселения. Косвенно могут быть учтены и представлены культурные ландшафты как комплексные объекты наследия, обладающие мощным информационным и, соответственно, цивилизационным потенциалом [6] и играющие значимую аккумуляционную роль в сохранении всей окружающей среды [8]. К настоящему времени достаточно основательно разработаны подходы и методы выявления культурных ландшафтов для различных регионов страны [8,9]. Однако при этом важно понимать, что если выявленному культурному ландшафту не присвоен статус охраняемой территории или уникальной историко-культурной территории, то этот ландшафт не может быть официально учтен и включен в расчеты как учетная цивилизационная еди-

ница. В настоящее время нормативно-правовые и организационно-экономические механизмы присвоения культурным ландшафтам статуса федерального, регионального или местного значения не разработаны, в каждом отдельном случае эти вопросы решаются по-разному, нередко зависят от каких-то случайных или субъективных факторов, а часто и вовсе не находят своего логического завершения. Об особенностях, актуальности и сложностях этого процесса пишет Шульгин П. М., приводя конкретные примеры из опыта работы Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва в этом направлении [14]. Особую актуальность разработка механизмов статуйирования культурных ландшафтов приобретает в связи с продвижением на уровне Правительства РФ и Президента РФ идеи и концепции пространственного развития России [4], когда на повестке дня стоят не только вопросы ««формирование сетевых кластеров, объединяющих компактные группы (созвездия) агломераций в урбанизированные регионы...», но и ««развитие неурбанизированных территорий, внутрирегиональных систем расселения (поселений, муниципальных районов, межрайонных) и межселенных инфраструктур сельских территорий; расселения крупных городов» [7, с. 52]. Таким образом, предлагаемый подход, основанный на измерении материальной константы исторической памяти, позволяет более полно учитывать региональные особенности цивилизационных ценностей на базе обобщения и агрегирования статистических сведений и оперативно производить их картографическую интерпретацию в региональном разрезе. Следует особо отметить, что это становится возможным благодаря появлению с недавнего времени в открытом доступе систематизированной статистической информации об объектах культурного наследия на официальном портале «Открытые данные Министерства культуры Российской Федерации» в составе Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации¹, представляющего собой структурированный и систематизированный по территориям субъектов РФ информационно-статистический массив сведений, дальнейшая мате-

матическая и программная обработка которых позволит вплотную подойти к решению задачи измеряемости материальной компоненты цивилизационных ценностей России как ресурса её пространственного развития.

Говоря об измеряемости цивилизационных показателей, следует понимать, что речь идет о достаточно большой степени формализации и, конечно же, некоторой условности процесса составления перечня таких показателей, их группировки по типам и видам. Поэтому при создании, например, цивилизационной карты и для реализации «принципа измеряемости» возникает задача обеспечения сопоставимости и, соответственно, унификации данных об объектах наследия и введения соответствующих индексов и эквивалентов. Решение этой задачи лежит в плоскости определения обеспечения сопоставимости показателей территориального распределения статуйированных цивилизационных ценностей, для последующей картографической интерпретации при подготовке исходных материалов к составлению карты. При этом акцент делается на материальные объекты культурного и природного наследия, которые рассматриваются как материальные носители цивилизационной информации, как цивилизационные знаки, как материальные компоненты и материальные носители коллективной исторической памяти. Совокупность этих объектов в сочетании с современными зданиями, сооружениями, инфраструктурой и коммуникациями и составляет, собственно материальную основу социокультурной среды (нередко представленную теми же культурными ландшафтами), в которой как раз и сохраняются объекты наследия как весьма значимый компонент данной среды. При этом заметим, что сочетание постоянно возникающих современных объектов и объектов культурного наследия как компонентов ландшафта и социокультурной среды в целом не может быть неизменным, оно эволюционирует и поэтому должно стать предметом отдельного систематического исследования.

Другой путь оценки, системного осмысления, фиксации и представления ценностей российской цивилизации на базе объектов материального наследия может быть осуществлен по принципу от общего к частному и поэтому будет носить, по преимуществу, экспертный характер, т. к. предполагает определение ключевых

1 Портал открытых данных Министерства культуры Российской Федерации: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/>

цивилизационных символов (КЦС) для каждой территориальной единицы (например, для каждого субъекта Российской Федерации). Если исходить из того, что в одном регионе может быть не один, а несколько КЦС и других ярко выраженных цивилизационных признаков, то тогда правомерна постановка вопроса о создании своеобразной геокультурной матрицы российской цивилизации с показом в ней КЦС по каждому из 85 субъектов Российской Федерации в форме слогана, графического изображения (рисунок, фото, символ) или звуков (песня, уникальные природные звуки², голоса птиц и животных) по отдельным направлениям цивилизационной значимости и периодам возникновения данного КЦС. К таким направлениям логично отнести, в первую очередь, такие, как: 1. Культура/выдающиеся личности, литература, поэзия, изобразит. искусство, музыка; 2. Культурные ландшафты; 3. История/правители, события, героика, патриотизм; 4. История/античность, археология; 5. Архитектура; 6. Этнос/фольклор, национальный колорит, народные художественные промыслы; 7. Религия/святыне, сакральные места, монастыри и др. 8. Наука/выдающиеся ученые, научные и технические достижения, сооружения и объекты); 9. Природные богатства и объекты; 10. Источники антропогенной или экологической угрозы цивилизационным ценностям (ИАЭУЦ).

В предлагаемой геокультурной матрице важно показать и наиболее опасные источники антропогенной (прежде всего экологической) угрозы для цивилизационных ценностей региона (например, алюминиевые заводы в Братске и Красноярске, Череповец, Челябинск, ЦБК на Байкале и др.), что отражено в п. 10 вышеприведенного перечня сфер цивилизационной значимости. Формирование геокультурной матрицы Российской цивилизации может строиться на основе привлечения высококвалифицированных экспертов по каждому из названных цивилизационно значимых направлений — историков, писателей, этнографов, географов, археологов, искусствоведов и т. д. На первом этапе такая матрица будет двухмерной (85 регионов x 10 цивилизационных направлений), однако в дальнейшем она может приобрести трехмерный вид с добав-

лением временного показателя для каждого отдельного КЦС и региона. При этом временной показатель может отражать наиболее значимый цивилизационный символ конкретного региона, характерный для того или иного исторического периода. В этом случае можно получить, с одной стороны, временные «вертикальные» срезы по каждому региону, а с другой стороны — возможно получение совокупной пространственной картины ключевых цивилизационных символов по всем регионам одновременно с показом их на интерактивной геокультурной карте российской цивилизации. Такие возможности реализации и практического воплощения геокультурной матрицы в её картографической интерпретации открываются благодаря современным информационным технологиям и специальному программному картографическому обеспечению.

Представляется важным остановиться и на практической значимости научно-исследовательской работы в направлении изучения методов измерения, фиксации и оценки цивилизационных ценностей. При соответствующем программном обеспечении разработанная модель российской цивилизации может быть представлена в электронной версии. На первом этапе это могут быть варианты карты цивилизационной насыщенности регионов России, составленной по принципу «от частого к общему», т. е. на базе официальных данных о статуйрованных материальных объектах культурного и природного наследия. В дальнейшем цивилизационная карта России, дополненная многомерной объемной геокультурной матрицей, должна стать эффективным инструментом государственной культурной политики в части широкой демонстрации и эффективного продвижения российских цивилизационных ценностей, показывая их разные грани по тому или иному КЦС в региональном хронологическом и хронологическом разрезах, что в сумме составит многовариантную масштабную и объемную картину совокупности цивилизационных ценностных историко-культурных образов обширных территорий как важного предпосылочного компонента процесса брендинга российских регионов и придающее этому процессу необходимую устойчивость.

Пребывая в информационном обществе, мы все четче ощущаем и осознаём возрастающую роль символов и знаков в нашей жизни. В этой

2 На о. Кунашир (Сахалинская область), к примеру, есть место, куда регулярно приезжают японцы, чтобы послушать и записать шум океана, считая его своей цивилизационной ценностью.

связи, имея в виду и актуализацию перспектив пространственного развития России, получает все более интенсивное развитие процесс брендинга территорий. При этом следует отметить, что на современном этапе процесс брендинга обширных регионов явно «пробуксовывает» и результативность его невысока. Предварительный анализ современного состояния брендинга российских регионов показывает, что существующие бренды субъектов РФ в подавляющем своем большинстве малоизвестны и не играют должной роли в продвижении их туристских, инвестиционных и социокультурных возможностей. Системное внедрение в этот процесс цивилизационной компоненты позволит существенно повысить его эффективность.

В дальнейшем, полагаем, что при соответствующем программном обеспечении, разработанный матричный подход, полученные систематизированные данные и разработанная с их использованием картографическая интерпретация степени цивилизационной насыщенности территории Российской Федерации найдет своё применение и продолжение использования при определении геокультурных параметров на макро-, мезо- и микро-уровнях решения задач пространственного развития России, а также отдельных объектов культурного наследия и культурно-ландшафтных комплексов.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». См. официальный сайт Министерства культуры Российской Федерации: <http://mkrf.ru/info/foundations-state-cultural-policy/> (дата обращения 22.04.2017).
2. Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (утв. ВС РФ 09.10.1992 N 3612-1) (ред. от 29.07.2017). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/.
3. Федеральный закон от 25.06.2002 N 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 20 августа 2015 г. № 870 «О содержании, составе, порядке разработки и утверждения Стратегии пространственного развития Российской Федерации, а также о порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации». См. официальный сайт Министерства экономического развития РФ: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicplanning/regulation/201511136>.
5. Единый государственный реестр объектов культурного наследия. Портал открытых данных Министерства культуры Российской Федерации: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/>.
6. Использование объектов культурного и природного наследия народов России в целях патриотического и нравственного воспитания молодёжи. Монография. Житенёв С. Ю., Новиков В. С., Путрик Ю. С., Пшеничникова Л. Л., Соловьёв А. П., Царьков П. Е., Шапинская Е. Н. Москва МТА: ИПСИ, 2015. 214 с.
7. Концепция Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года (проект). Министерство Экономического развития Российской Федерации. 2016 г. См. полный текст на сайте: http://карьеры-евразии.рф/uploadedFiles/files/Kontseptsiya_SPR.pdf.
8. Культурный ландшафт как объект наследия/под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.
9. Национальный Атлас России, том 4 «История. Культура». Министерство экономического развития РФ, Федеральное агентство геодезии и картографии. М., 2008. С. 495 с.
10. Миронов А. С. Экология культуры и приоритет гуманитарных ценностей как основание культурной политики государства. В кн. Стратегия сохранения культуры и культурно-исторического наследия народов Российской Федерации. Проект./Колл. авторов: Бахревский Е. В., Беспалова Т. В., Закунов О. А., Миронов А. С./Приложения. М. Институт Наследия, 2016. С. 129–131.
11. Президент предложил программу пространственного развития РФ. Российская газета. 1 марта 2018. См. <https://iz.ru/714881/2018-03-01/putin-predlozhit-programmu-prostranstvennogo-razvitiia-rossii>.
12. Путрик Ю. С. Об исторических, культурологических и географических
13. предпосылках формирования картографической интерпретации
14. цивилизационных ценностей. «Культурное наследие России». Научно-информационный журнал. № 2 (апрель — июнь) 2017. С. 9–16. № 2-2017_New.pdf (55151657).

15. Стратегия сохранения культуры и культурно-исторического наследия народов Российской Федерации на период до 2030 г. Проект./Колл. авторов: Бахревский Е. В., Беспалова Т. В., Закунов О. А., Миронов А. С./М. Институт Наследия, 2016. 136 с.

16. Шульгин П. М. Историко-культурное наследия как особый ресурс региона и фактор его социально-экономического развития. Журнал Мир России. 2004. № 2. <http://ecsocman.hse.ru/data/2010/03/30/1210396848/115-133.pdf>.

GEOCULTURAL MATRIX OF RUSSIAN CIVILIZATION AS THE RESOURCE OF SPATIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA

Putrik Yuri Stepanovich,

DSc in History, Head of the Department of Socio-Cultural and
tourist programs of the Russian research institute
for cultural and natural heritage named after Dmitry Likhachev,
vice president of the International Academy of Tourism.
Bild 2, str. Cosmonauts, Moscow, Russia, 129366,
e-mail: putrik@list.ru

Abstract

The article considers methodological and practical aspects of the use of the civilization-value approach in the implementation of the strategy of spatial development of Russia. The possibilities of quantitative and qualitative measurement and mapping of cultural values as the most important resource of social and economic development of regions are shown. It is proposed to develop a geocultural matrix of Russian civilization as an instrumental component of spatial development of the territory and the basis for the stability of the process of banding the region.

Keywords

The civilization-value approach, heritage objects, key symbols, the measurability of values, software mapping, spatial development, geocultural matrix.

Публикация в научно-информационном журнале «Культурное наследие России»

Основные рубрики: «Методология и методы исследования культурных процессов»; «Искусство, образование, наука»; «Духовное наследие и культура»; «Культура регионов»; «Культура повседневности»; «Этнокультуры в прошлом и настоящем»; «Имена и события прошлого»; «Культурное наследие мира»; «Музееведение и охрана культурного наследия» и др.

С 1 декабря 2015 г. журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук.

Требования к статьям, присылаемым в журнал «Культурное наследие России»

- К рассмотрению принимаются не опубликованные ранее статьи общим объемом до 10-12 страниц (не более 0,5 п. л. — 20000 знаков).
- Публикация безгонорарная, автору высылается электронная версия журнала.
- Авторы несут ответственность за содержание статей и за сам факт публикации. Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
- Автор представляет рукопись по электронной почте: **knaros@yandex.ru**.
- Формат текстовых файлов — **DOC, DOCX**.
- Все элементы статьи выполняются шрифтом Times New Roman, размер (кегель) — 14 пт (основной текст), 11 пт (сноски); расстояние между строк (межстрочный интервал) — 1,5; абзацный отступ — 1 см., шрифт — обычный; выравнивание — по ширине (кроме указанного особо).
- Формат страницы — А4. Поля — 2 см.

Статья должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и включать все перечисленные пункты:

1. Тип статьи (*выбрать из списка на следующей странице*).
2. УДК (*определить самостоятельно в соответствии с темой статьи*).
3. ББК (*определить самостоятельно в соответствии с темой статьи*).
4. Название статьи — выравнивание по центру, жирный шрифт, прописные буквы.
5. ФИО автора полностью — выравнивание по правому краю.
6. Сведения об авторе: ученая степень, звание; почетные звания; должность и место работы; контактный телефон; адрес электронной почты — выравнивание по правому краю.
7. Аннотация на русском языке (5-8 строк).
8. Ключевые слова на русском языке (8–10).
9. Основной текст: шрифт — Times New Roman, кегль — 14 пт., междустрочный интервал — 1,5, абзацный отступ — 1 см.; выравнивание текста по ширине. **Сноски — постраничные (внизу страницы)**.
10. Список использованной литературы.
11. Название статьи на английском языке — выравнивание по центру, жирный шрифт, прописные буквы.
12. ФИО автора полностью на английском языке — выравнивание по правому краю.
13. Сведения об авторе на английском языке: ученая степень, звание; почетные звания; должность и место работы; контактный телефон; адрес электронной почты — выравнивание по правому краю.
14. Аннотация на английском языке (5-8 строк).
15. Ключевые слова на английском языке (8–10).

Иллюстрации представляются отдельными файлами с указанием названия иллюстрации и места ее вставки в тексте. Формат файлов — TIFF, JPG, JPEG.

Редакция может не разделять мнения авторов и не несёт ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несёт ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ ДЛЯ ЖУРНАЛА
«Культурное наследие России»

RAR
УДК 008
ББК 63.3

**СУБЪЕКТ, ЛИЧНОСТЬ, ДУХ И ДУХОВНОЕ
В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА**

Иванов Иван Иванович,
доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных наук,
Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма,
ул. 5-я Магистральная, д. 5, г. Москва, Россия, 123007,
ivanov@yandex.ru

Аннотация

Постмодернизм изменяет существующее в науке понятие личности. С позиций постмодернизма личность — это мозаика множественных идентичностей, социальных ролей, масок, которые человек волен выбирать и изобретать по своему желанию.

Ключевые слова

Субъект, личность, индивид, дух, духовное, фрагментация.

Как замечает М. Мамардашвили, мировые религии «отличаются от этнических религий прежде всего тем, что они обращены к личности и предполагают наличие в самом человеке начала и корня, который задан в нём как некоторый внутренний образ, или голос. <...> Он поможет только идущему»¹.

.....
Когда цитируют слова Фуко о том, что «человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке»², то обычно это высказывание трактуют буквально...

1 Мамардашвили М.К. Философия и религия // Человек. 1997. №4. С. 81.

2 Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. С. 404.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013. С. 199.
.....
8. Мамардашвили М.К. Философия и религия // Человек. 1997. №4. С. 81.
.....

**SUBJECT, PERSONALITY, SPIRIT AND SPIRITUALITY
IN THE POSTMODERN ERA**

Ivanov Ivan Ivanovich,
DSc in Philosophy,
Professor of the Department of Humanities,
Academy of Retraining Arts, Culture and Tourism,
5-ia Magistralnaia Str. 5, 123007 Moscow, Russia,
ivanov@yandex.ru

Abstract

Postmodernism modifies an existing concept in the science of personality. From the standpoint of postmodern identity — a mosaic of multiple identities, social roles, masks that man is free to choose and invent as you wish.

Keywords

Subject, person, individual, spirit, spiritual, schizoid fragmentation.

Тип статьи:

RAR — научная статья;

EDI — редакционная заметка;

BRV- рецензия;

CNF — материалы конференции;

SCO — краткое сообщение;

REV- обзорная статья;

ABS- аннотация;

REP- научный отчет;

COR- переписка;

PER — персоналии;

MIS — разное;

UNK — неопределен.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77-69550 от 02.05.2017 г.

Подписной индекс в каталоге «Пресса России»: Э93581.

Издатель: МОО «Русский культурный центр».

Подписано в печать: 18.06.2018. Формат 60x901/8. Тираж 500 экз.

Адрес редакции: 117321, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 136, корп. 1, кв. 309.

Сайт: <http://www.kultnasledie.ru/>

<http://ркцентр.рф/культурное-наследие-россии/>

E-mail: knaros@yandex.ru